

В. ПОПОВ

Кубанские
Сказки

Василий Алексеевич Попов

КУБАНСКИЕ СКАЗЫ

Далеко и широко раскинулась Кубанская Земля. Щедрый и привольный край. Настолько щедрый, что в старину говорили про него: "Воткни оглоблю вечером - наутро вырастет телега". Но, немало находилось и охотников на эту землю. Не раз и не два разные вороги пытались огнём и мечом покорить Вольную Кубань. Но, на их пути всякий раз вставала неодолимая сила - Кубанское казачье войско. Подвиги кубанских казаков были столь велики, что превратились в эпос, в "Кубанские сказы".

Сказы деда Афанасия...

Сказ о хитром пане.
Верный путь...
Чабрец...
Лебязий остров...
Сказ о цветке-дождевике.
Знатный дядюшка...
Кочеты генерала Суворова...
Как казак Наполеона в плен брал...
Чертов колодец...
Правильный поручик...
Как Илья Журба казаком стал...
Девичьи слезы...
Как школа у нас была построена...
Сказ о пане Крикуне.
Сказ о пластунах...
Сказ о человеке, победившем Смерть...
Сказ о казаке Иване Кочубее.
Теплый камень...
Сказ о комиссаре Беликове.
Сказ о коммуне «Набат».
Михаил Иванович...
Заветный колос...
Добрая память...
Сказ о неизвестном скрипаче.
Командир пчелиного войска...
Сказ о заповедном кладе.
Сказ о славе-доблести...
Сказ о деде Всеведе.
Чудесное лечение.
Казак и черт...

Сказы деда Аслана...

Злобный Каз-Бек...
Джедал...
Своенравная Гуаше.
Сказ о шапсугских девушках...
Живая вода...
Сказ о завете предков...
Башня пылающего факела...
Хитрец Каймет...
Говорящий осел...
Мудрость каймета...
Лаго и Наки...
Золотая сула...
Сказ о сбывшейся мечте.
Златогривый скакун...
Айдамир...

Темные ночные тени то яростно кидаются на пламя костра, то отпрыгивают назад, побежденные светом. Радостно пляшут живые, нежные языки пламени. Когда костер вспыхивает, вдруг обрисовываются ветви дикой яблони, строгое лицо старого столетнего деда Афанасия Гречко, десяток задумчивых детских лиц, красные полосы пионерских галстуков. Не оторвешь глаз от причудливой игры пламени.

А над лесами предгорий, над кубанской степью, над шумливой Лабой раскинула свой черный, расшитый звездами полог благодатная летняя ночь. Сонная степь дышит густым настоем трав, отдыхающих от летнего зноя. От далеких гор иногда прилетает прохладный ветерок. Начинают шептаться ветви диких яблонь и груш, ускоряет свою пляску костер.

– Эй, Аслан, дай-ка твоего табачку! Добрый табак вы растите в колхозе!

Дед Афанасий протягивает руку, и старый адыг с улыбкой передает ему свой кожаный кисет,

– Кури, друг, на здоровье, – ласково отвечает он. Старая дружба связывает казака Афанасия и адыга Аслана. Родилась эта дружба в годы гражданской войны, когда оба старика плечом к плечу боролись за родную Советскую власть.

А недавно породнились семьи Афанасия и Аслана. Аслан выдал за внука Афанасия свою черноглазую внучку Джанкыз.

И в ауле, и в станице всем известно, что старики недели не могут прожить один без другого, и оба, несмотря на свой преклонный возраст, не хотят уходить на покой. Поэтому каждую весну оба колхоза – русский и адыгейский – ставят в горах, в верховьях Лабы, рядышком два летних табора, и старые табунщики гонят туда колхозных коней. Каждый вечер встречаются друзья у яркого костра и долго ведут неторопливые мудрые беседы. Или просто молчат, поглядывая друг на друга и покуривая трубки. Зачем слова – когда сердца, спаянные дружбой, и без слов понимают друг друга.

Для станичной и аульской детворы нет большего удовольствия, чем в дни летних каникул помогать старикам пасти колхозных коней. Где еще можно чувствовать себя так привольно, как в чудесных закубанских горах и степях. Что может быть вкуснее жирной, пахнувшей дымком костра, каши. Где еще услышишь такие сказы, какие знают старики.

И целый десяток юных помощников сейчас молча сидят у костра, терпеливо ожидая, когда заговорят старики.

– Спали бы вы, хлопчики, – ласково говорит ребятам дед Афанасий, уминая пальцем табак в трубке. – Набегались, небось, за день. А вам отдыхать надо – скоро опять в школу, кончаются каникулы-то...

– Нет, дедушка! Спать мы не будем. Ведь нам дружина поручила не спать, а коней пасти, вам помогать, – откликнулся русоголовый веснушчатый паренек.

Чуть заметная улыбка тронула строгое лицо Аслана.

– Спите, спите, джигиты! Без вас за конями присмотрим. Спите! Молодым ночью хорошо спится – их прошлое не тревожит, – говорит старик, и его резкий гортанный голос звучит какой-то ласковой грустью.

– Да разве уснешь, дедушка, в такую ночь! – восклицает кто-то из ребят, не видимый в тени рослой яблони.

– Не спится, – улыбается дед Аслан. – Тогда давайте говорить. Давай, кунак Афанасий, вспомним, о чем Кубань шумит, что Лаба рассказывает. Давай по очереди с тобой говорить сказы-бывальщины. Пусть молодежь послушает.

– А это ты хорошо придумал, Аслан, – одобрил дед Афанасий. – Пусть ребята послушают нас, стариков. Что мудрое – пусть запомнят, ненужное – отбросят... Начну-ка вам старый кубанский сказ...

Ребята теснее сдвинулись к костру и нетерпеливо ждали, пока дед раскуривал от уголька свою кривую «носогрейку».

Шумела река. Тихий ветерок доносил запах вянувшей травы, мяты и полынка – запах степного раздолья.

* * *

Сказы деда Афанасия

Сказ о хитром пане

Было это, когда казаки снаряжали свои челны в далекий путь к кубанской земле. В ту пору на Днестровском лимане целый казачий городок вырос. Сотни казаков, молодых и старых, смолили лодки, сушили сухари, проверяли сабли да мушкеты. Веселые, звонкие песни будоражили камышовую глушь, далеко разносились над голубым лиманом.

Весело было на сердце у казаков. Разведчики, что побывали на далекой Кубани, рассказывали о цветущем, привольном крае, где жарко греет солнце, плодородна земля и обильны рыбой реки. И многие из тех, кто отправлялся в путь, в мечтах уже видели беленькие хатки за плетнями, подсолнухи, вишневые садочки, улыбающиеся, счастливые лица своих жен и детей: А главное грезилась им своя земля, жирная, плодоносная, земля, по которой тосковали крепкие руки хлеборобов...

Вечерами долго засиживались казаки у костров и вслух мечтали о будущей жизни...

И вот как-то невесть откуда прибрел к костру какой-то человек – длинный, худой, как колодезный журавль, с обвисшими усами.

– Здорово, братья-казаки! – тонким, скрипучим голосом поздоровался пришелец.

И только по этому голосу, схожему со скрипом немазанной арбы, узнали казаки человека.

– Пан Пампушка! Да откуда ты взялся? Да ты ли это? – зашумели казаки.

– Ой, я! – проскрипел пан Пампушка и осторожно, точно на колючего ежа, уселся на сноп камыша.

В Запорожской сечи был Пампушка каким-то начальником, а каким – никто не ведал. Был он тогда гладким и пузатым, усы торчали, как у сытого кота, на плечах красовался кунтуш малинового бархата, а на поясе – сабля в золоченых ножнах. Ходил Пампушка, важно задрал голову, частенько видали его и у кошевого, и у куренных атаманов...

Когда царица Катерина прихлопнула своим тяжелым кулаком вольную Запорожскую сечь, прошел слухок, что откупил пан Пампушка землю, завел себе крепостных и зажил помещиком. Потом говорили, что пан Пампушка не поладил в чем-то с самим Потемкиным, а тот согнал пана с земли, да еще и плетей приказал всыпать...

Посидел пан Пампушка у костра, словно не замечая устремленных на него насмешливых взглядов, поохал и заговорил:

– Возьмите меня с собой, братья-казаки! Примите несчастную жертву проклятого москаля! А уж я вам послужу! Я и грамоту, какую нужно, написать сумею, и счет вести могу, и деликатному обращению обучен...

– Ох-хо-хо! Ха-ха-ха! – захохотали казаки.

– А к чему нам твое деликатное обращение?

– Пригодится! Мало ли с какой персоной говорить вам придется... Берите! Не пожалееете!

Подумали казаки, поспорили и решили все же взять с собой Пампушку. Не пропадать же человеку!

Когда вышли в море, глянули, а на дне лодки целой кучей лежат какие-то тыквы, пробками заткнутые.

– Что это такое? Чьи тыквы? Или не знаете, что приказано место беречь? – закричал старшой, старый запорожец Никифор.

– Мои это, – с покорной улыбочкой признался Пампушка.

– Кидай за борт!

– Никак невозможно! – Пампушка так быстро и мелко стал крестить свой острый тонкий нос, что, казалось, он гоняет комаров. – В одних тыковках – святая вода, в других – земля Иерусалимская, прямо со гроба Христова взятая. Кто бросит такую святость в море – с тем беда случится...

Тут старый Никифор только рукой махнул, потому что хоть и не очень он в бога веровал, а кому же охота на себя беду накликасть?

Долго плыли казаки по бурному Черному морю. Злые штормы швыряли легкие челны, отгоняли их от родных берегов. Седые туманы пытались сбить лодки с пути. Но плыли казаки все на восток и на восток, к далекой Кубани, где ждала их жадная до людского труда плодородная земля.

И когда казаки до кровавых мозолей натирали веслами руки, когда они блуждали в белесой туманной мгле, когда последними шароварами затыкали щели в расшатанных волнами челнах, Пампушка только вздыхал, молился да дрожал от страха.

Но вот позади осталось бурное море, Кубань-матушка приветно расстелила перед казаками свою серебристую дорогу. Поплыли челны по широкой реке, и сразу забыли казаки все былые беды-невзгоды. Хороша, как светлая сказка, хороша чудесная кубанская сторона!

Сперва по обеим сторонам величавой реки тянулись густые камыши, а в них всякой птицы было видимо-невидимо. Затем начались веселые рощи и перелески. Столетние дубы, точно загрустив, смотрелись в чистые воды зеки. Яблони и груши роняли в густую траву сочные, презревшие плоды. На золотых песчаных отмелях переплетались гибкими ветвями нежные вербы, точь-в-точь такие, как над тихим Днепром...

По приказу атамана Белого, то один, то два челна подчаливали к правому берегу. Казаки вытаскивали из лодок свое нехитрое добро, копали землянки для жилья, ставили первые посты да залого.

Пришел черед и до Никифорова челна. Высадились с него казаки и стали обживать глухой, лесистый берег. А пан Пампушка, как только ступил на землю – сразу стал гордым и уверенным.

– Вот, братцы-казаки, – заскрипел он. – Почему мы все в целости добрались до этой земли? А потому, что были в лодке мои святыни! Без меня – кормить бы вам водяных на самом дне Черного моря. – Быстрые, прищуренные глазки Пампушки так и заюлили по казачьим лицам, словно

маслом всех помазали. – Но я знаю, что вы, братья-казаки, не ответите на мое добро черной неблагодарностью...

Пожали плечами казаки, переглянулись и спрашивают:

– А чего тебе от нас нужно, пан Пампушка?

– Да так себе, штуковину-пустяковину – засмеялся пан. – Постройте, казаки, мне сиротине, хату-хатыну... А то, знаете, я, при моем нежном организме, в вашей землянке обязательно задохнусь...

Посмотрели друг на друга казаки и не знают – не то смеяться им, не то сердиться. А пан, знай, приговаривает:

– Постройте, братья-казаки, построите! А я в долгу не останусь. Сам пан кошевой атаман Чепига – мой сродственник. А у пана войскового судьи Головатого я деточек крестил. Скажу им словцо – и выйдут вам всякие поощрения...

Не из страха и не за поощрения, а просто так, потому что стосковались руки по топору и лопате, построили казаки пану хорошую хату о трех окнах.

Так и стали жить – казаки в землянке – курене, а пан – в хате. Казаки службу несли, рыбу ловили, зверя добывали. А пан Пампушка целыми днями по окрестным лесам рыскал.

Высмотрел он просторную поляну, поросшую густой высокой травой, – и сразу явился к запорожцу Никифору, который был в казацком лагере за старшего.

– Здравствуй, пан-атаман! – еще с порога заскрипел Пампушка. – Все трудишься, все о других заботишься! Вот и я такой! Не могу терпеть, чтобы люди страдали... Надумал я, пан-атаман, хлеба посеять, чтобы не голодовать нам всем в случае чего... Так вот, прошу тебя – запомни, что моя полянка за горелым лесом...

– А чего запоминать? – беспечно усмехнулся Никифор – Земля-то немереная! Засевай ее, коли есть охота.

– Не-ет! – закрутил головой пан. – Чужую землю я засеять не согласен. Я на своей хочу работать...

– Да ладно! Хватит вокруг земли! Пускай твоя будет поляна! – отмахнулся Никифор.

Прошло немного месяцев, и решили казаки на общем сходе нарезать себе землицы, чтобы по весне, когда удастся достать зерно, засеять ее наливной пшеницей. Пока нарезали наделы, пан Пампушка ходил за казаками, ухмылялся и одобрительно кивал головой.

А со следующего дня стал пан зазывать к себе в хату то одного, то другого казачка. Ласково усадит гостя за стол, моргнет старой, страшной, как ведьма, старухе, которая невесть откуда появилась у него в хате. И через минуту на столе уже стоит жареная кабанятина, жирная тарань и тыквочка со «святой водой». Вытащит пан пробку, и по всей хате такой дух пойдет, что сразу покажется казаку, что он ее на Кубани, а в старом запорожском шинке.

– Да ты; ж, пан, нам говорил, что в тыквах у тебя святая вода! – удивлялись казаки.

А Пампушка только плечами пожимает:

– Была, была вода... А теперь божьим чудом превратилась она в добрую горилку... Бог – он все может сделать, особенно для праведника...

Кто часок, кто два просиживал за столом гостеприимного пана. Выходили оттуда кто на карачках, кто раскачиваясь, словно шел не по твердой земле, а по кубанским бурным волнам. И только немногие помнили, что приветливый хозяин зачем-то им пальцы сажей мазал и к каким-то бумагам прикладывал...

Немного погодя случилось на заставе несчастье. Ночью по непонятной причине взорвался погребок, в котором хранили казаки свой пороховой запас – полбочонка пороха. Караульный казак, что должен был охранять погребок, оказался, как говорится, под градусом и спокойно спал в соседней рощице.

Поутру собрал Никифор всех казаков. И на сходе караульный повинулся – рассказал, что трясла его лихорадка и он, чтоб прогнать проклятую дрожь, взял у пана Пампушки склянку горилки.

– Вот и делай людям добро! – услышав казака, запричитал пан. – Я ж ему от доброго сердца. Чтоб лихоманку его излечить, последнюю горилку отдал, а он нажрался, как свинья, и погреб прокараулил! Что мы теперь без пороха делать будем? А вдруг турок или еще какой враг налетит?

– Верно говорит пан! Плохое дело! Пока порох подвезут – порежут всех нас! – закричали казаки.

– Эх, что бы вы без меня делали! – покачав головой, проскрипел пан. – Да нешто я потерплю, чтобы нашу родную границу порушили, чтобы братьев-казаков вороги побили! Самому нужно, но в таком разе готов вам пособить, продать по дешевке...

Тут пошел пан в свою хату и вытащил оттуда пяток тыкв-кубышек, про которые говорил, что Иерусалимская земля в них хранится.

– Натe, казачки! Получайте! Возьму недорого. Посмотрели казаки, а в кубышках самый лучший порох.

– Вот тебе и земля со гроба Христа! – удивились казаки.

А пан скромненько опустил к земле свои узкие, хитрые глазки и пожал плечами:

– Все от бога! Захотел бог – и стала земля порохом. Только малoverы могут сомневаться в божьем всемогуществе!

– А что хочешь за свой порох, пан? – спросил Никифор-запорожец.

– Да самую малость, – захихикал пан. – Пускай сход отдаст за него леса вокруг нашей заставы...

– Тю, чудной пан! – захохотали казаки.

– Да пусть пользуется! Что он – есть этот дубняк будет?

Так сход и порешил – отдать пану за порох леса вокруг заставы.

Через месяц пожаловал на заставу сам кошевой атаман Захарий Чепига со своими есаулами. Перво-наперво велел он заставе принять еще новых казаков и строить на том же месте станицу, пахать землю, сеять хлеб, разводить коней, скот и другую живность.

Вот тут-то и показал пан Пампушка свои коготки.

Подошел он к Чепиге и выложил целую пачку бумажек. По этим бумагам выходило, что остались у казаков своими только ноги с шароварами да руки. А все стальное – и лес, и земля принадлежали пану Пампушке.

– Неправильно это! Обман! – закричали казаки.

Но известно – ворон ворону глаз не выклюет. Пампушка – пан, Чепига в паны вылез, есаулы его в подпанки карабкаются.

– Ты палец прикладывал? – грозно нахмурив брови, спросил атаман у казака, который кричал про обман.

Почесал казак чуприну, передернул плечами и признался:

– Ну, вроде я... хмельной был...

– Так вот – земля теперь не твоя, а пана Пампушки... Отработаешь у него – вернешь свою землю! А поляну и лес свой вы сходом пану Пампушке передали. Так что кому дрова или жерди потребуются – должны вы к пану Пампушке обращаться...

Окинул атаман Чепига казаков орлиным строгим взглядом и пошел со своими подпанками в хату к Пампушке.

И тут только заметили казаки, что стал пан Пампушка опять гладким, как добрый боров.

С той поры много лет стоял этот самый Пампушка да его пампушата поперек горла нашим казакам.

– От це пампушки так пампушки! – невесело шутили станичные балагуры. – Хоть и жирны, а не проглотишь, подавишься!

Так и хозяйствовали Пампушки на казацкой земле, пока свежий октябрьский ветер не укатил их куда-то далеко-далеко, за советские рубежи...

Верный путь

Было это очень давно, когда только-только причалили узкогрудые казацкие челны к кубанским берегам. Вышли казаки на берег, оглянулись по сторонам, и улыбка осветила их усталые, загорелые лица. Вековые кудрявые дубы шелестели над ними своей листвой. Дальше степи расстились – бескрайние плодородные степи, в которых трава поднималась выше человеческого роста. В бурных водах Кубани рыба всякая сновала – хоть шапкой ее лови...

– Здесь, видать, станицу будем ставить! – сказал дед Тимофей, старый сечевик, умелый коваль и отважный воин. – Нема края, найкращего, чем этот край! Обильная земля, привольная! Здесь жить будем!

Здесь станем матушку нашу Русь беречь от ворогов-турков!

Рядом с Тимофеем стояло трое молодых казаков-побратимов – тоже храбрых бывалых воинов.

– Добрая земля! Добрая! – сказал круглолицый,

широкоплечий Павло. – Эх, и заиграет сердце, когда запашем мы эту целину да бросим в нее золотые пшеничные зерна!

– Богатый край! Заживем неплохо, – подхватил второй побратим, рослый, горбоносый Иван. – На такой земле можно богатств раздобыть!

– Да, можно здесь деньги нажить несметные! – воскликнул третий побратим, маленький и быстроглазый Петро.

Но вышло не так, как хотелось казакам. И оглянуться они не успели, а уж все богатство – и степи широкие, и леса дремучие, и даже воды Кубани, свободной быстрой реки, – поделили между собой паны-атаманы. И сразу тесной стала для казаков степь, угрюмы леса, холодны и злы кубанские волны.

Не успели станицу поставить казаки, как стали их гонять на панщину. То требовалось атаманский хуторок строить, то надо было пану землю пахать или сено готовить для бесчисленных атаманских гуртов скота. А за тяжкий труд благодарил их пан-атаман хитрым ласковым словом, супом-кандером – горсть пшена на целый котел – да гнилым хлебом.

– Надоело мне батрачить, – сказал как-то Иван. – А своей земли мало, на ней не разбогатеешь! Отпрошусь я у атамана, пойду за Кубань казаковать. У черкесов – кинжалы серебряные, булатные, кольчуги с золотым набором. Добуду я там себе богатства, сам паном стану. Идемте со мною, побратимы!

– Нет! – ответил быстроглазый Петро. – Войной много не наживешь. Сколько ни бей, а и сам битым будешь. Народ за рекой простой да доверчивый. Попрошу я у атамана ситцу яркого, лент разноцветных, сукна русского – пойду по аулам торговать. Будет барыш атаману, и мне... Идемте вместе!

– Не-ет! – покачал головою Павло. – Не хочу я от братьев наших казаков уходить, не нужны мне богатства, не собираюсь я паном садиться на казачью шею! На своем наделе проживу.

Заспорили тут побратимы, никак не могли решить, кто из них прав. И пошли они за советом к деду Тимофею.

Старый запорожец работал в это время в своей маленькой кузне, под дубами. Ковал он легкие и крепкие заступы. Ровно и сильно стучал молот по наковальне, красные искры снопами в разные стороны брызгали. Выслушал Тимофей Ивана и нахмурил седые брови. – Неправое дело надумал ты, казак, – сурово сказал он Ивану. – Зачем нам раздор с соседями-адыгами зачинать? Они – народ приветливый, мирный. Тоже на панщине у своих князей стонут. Обижать нам их не след. Кто ветер сеет – всегда бури пожинает. Не одобрил старик и замысел Петра. – Не казацкое это дело обмеривать да аршинничать! Самый верный путь – не разбой, не обман, а труд на родной земле, рядом с друзьями-товарищами. С надежными друзьями все беды-невзгоды победишь. Расчистим мы терны колючие – будет у нас земля для посевов. Сплетем сети – наловим рыбы. За мои ножи да серпы соседи-адыги дадут нам коней и баранов.

– Да когда же мы терны расчищать будем, если все время то в залогах, то на панщине? – закричал Иван. – Наделы и те бурьянами зарастают.

– Если один за одного стоять будем, и пана-атамана умирим, – ответил Тимофей.

– Где уж там! – захохотал Петро. – Он нас всех в гроб загонит!

– А я вам скажу, побратимы, что правильно говорит дед Тимофей, – сказал Павло. – Не в одиночку, а сообща нам надо к счастью пробиваться. В дружбе-товариществе сила наша... Это – самый верный путь...

Но не послушали Иван и Петро ни старого Тимофея, ни побратима своего. Пошли они к атаману и высказали ему свои думы.

Атаман принял их ласково. Горилки поднес, выдал Ивану оружие и порох, а Петру товаров разных дал.

– Действуйте, казаки, богатеите! – хитро сощурившись, сказал он двум побратимам. – И меня за доброту мою не забывайте. Половина добычидувана мне пойдет. Барыши от торговли тоже пополам разделим. Идите с богом!

Ушли два побратима в неведомые пути-дороги. А станица без них зажила.

Расчистили казаки терны колючие, вспахали целину жирную, бросили в землю зерна пшеницы и проса.

Соседи-адыги привезли саженцев яблонь и груш – вокруг станичных хат молодые садочки поднялись. Казаки учили адыгов землю пахать, пшеницу сеять. Дружно жили соседи. Вместе рыбу ловили и вялили ее на горячем солнце, вместе на охоту ходили...

Потом, когда поросли на полях зеленоватые стрелки пшеницы и проса, пропололи казаки посевы. С гор прилетали седые, мохнатые тучи и проливали на землю дожди. Затем снова всходило солнце, и пшеница, споря со своим соседом – просом, буйно тянулась вверх.

...А старший побратим Иван в это время казаковал в горах. Днем и ночью таился он в глухом горном ущелье, поджидая путников. И когда видел всадника с дорогим кинжалом, золочеными газырями и наборным поясом, то вскакивал на своего коня и нападал на джигита.

Ловко владел саблей казак. Много дорогого оружия сложил он у себя в горной пещере, где по ночам спал чутким волчьим сном. Но чем больше кинжалов, шашек, газырей и поясов добывал он, тем сильнее разгоралась в нем жадность. И начал Иван нападать не только на воинов-джигитов, но грабил и слабых, отбирал у них последнее.

Наконец, собрались жители ближних аулов и устроили на казака облаву. Как затравленный волк, потеряв всю свою добычу, с одной только саблей, израненный и окровавленный, вырвался Иван на своем скакуне из кольца врагов.

«Куда ехать? – угрюмо подумал он, придерживая усталого коня. – Кто залечит мои раны? Кто даст мне приют?»

Хмуро молчали леса, не отвечали Ивану. «Некуда ехать, кроме как в станицу к младшему побратиму», – решил казак и направил своего коня к Кубани.

Средний побратим Петро долго бродил со своим товаром и самодельным деревянным аршином по аулам, вначале цены у него были, как и у других купцов; Но стала тут его грызть жадность.

Мало я барыша на товарах наживаю, да еще половину атаману отдать надо, – думал он. – Не скоро разбогатеть удастся! Повышу-ка я цены на свои товары да ситцы!»

Как сказал, так и сделал. Но тогда не стали люди покупать у него товары.

– Дорого у тебя, купец, – говорили они, – у других дешевле.

И пришлось вновь Петру торговать по старым ценам. Продает он товары, а сердце сжигает жадность. Только и думал казак о том, чтобы разбогатеть скорее. Отпускает ситец покупателю, а сам как можно сильнее его натягивает: авось вершок сэкономится.

Потом подумал, подумал и отрезал от своего деревянного аршина кончик.

«Авось никто не заметит, а мне выгода!» Поторговал он день в одном ауле – видит, удался его обман. Пошел Петро в другой аул, а по дороге с другой стороны свою мерку обкарнал. «Авось опять никто не заметит!» Получилось так, что, пока дошел Петро до пятого аула, который стоял на его пути, аршин вдвое уменьшился. Увидели эту мерку покупатели и давай кричать: – Жулик этот купец! Обманщик! Схватили они Петра вместе с аршином и бросили в бурную горную речку. Все товары пропали, пояс с деньгами ко дну пошел, а сам Петро еле-еле выбрался на берег.

«Что же мне теперь делать? – думал он. – Все пропало! Где мне преклонить усталую голову? Кто накормит меня и обогреет долгими зимними вечерами?»

И тоже решил он идти к младшему побратиму.

У тихой речки, под шумливыми кленами, встретились старшие побратимы.

– Какой ты худой да бледный, – сказал Иван. – Да и золота что-то у тебя не видно!

– Кровь застыла на твоём лице, глаза горят, как у волка, – ответил Петро. – А курджин с добычей у тебя тоже незаметно!

Замолчали братья, потупились и продолжали путь вместе.

Добрались казаки до Кубани, взглянули на другой берег. А там в желтоватой осенней зелени садов хаты белеются, дымок над ними курится.

Переправились побратимы через реку и прямо пошли к лесной полянке, где стояла хата Павла. Громкая, дружная песня доносилась оттуда.

– Ишь, как поют! – удивился Иван.

– Похоже на то, что нашли казаки здесь богатство, – качнул русым чубом Петро.

Вышли побратимы на поляну и видят: под осенним солнцем поднимается парок от свежевспаханной земли. Чуть поодаль амбар построен. Возле него казаки суетятся. У открытой настежь двери амбара стоит младший побратим. Солнце ласкает его загорелое лицо, ветер играет выцветшим чубом.

– Здравствуй, брат! – простонал Иван, покачиваясь от слабости. – Что это ты так весел? Или нашел большое богатство?

– Здорово, меньшей! – подхватил Петро. – Или хата твоя полна золота, что так радостно льется твоя песня?

Обернулся младший побратим, улыбнулся, обнял старших и ответил:

– Здравствуйте, братья мои дорогие! Вот наше золото и серебро! Мои други-товарищи сегодня мне помогли убрать богатства до места!

Еще шире распахнул он двери амбара, и под солнцем вдруг вспыхнуло желтое пламя червонного золота и ударил в глаза холодный блеск серебра.

– Серебро! – закричал Иван, взглянув вверх под потолок.

– Золото! – вскрикнул Петро, посмотрев на пол. Они вбежали в амбар. Под потолком ровными серебристыми рядами висела рыба, и янтарный жир каплями застыл на ней. А внизу золотом переливались груды крупной пшеницы и проса.

– Ох и рыба! – воскликнул Иван, проглотив слюну, и вспомнил, что давно не ел он, ничего, кроме сухих лепешек да кислых горных яблок.

– Ну и пшеница! Крупная, как горох, да вся зерно зерну! – удивился Петро и вздохнул, вспомнив, как вкусен казачий пшенный кулеш со свежим хлебом. Вдруг прозвучал рядом чей-то сильный голос:

Зачем вы к нам пришли? Почему не идете к своему дружку-атаману?

Оглянулись побратимы, смотрят: стоит перед ними толпа – казаки, казачки, ребята малые. А впереди всех могучий седоусый дед Тимофей гневно сверкает яркими глазами.

– Зачем пришли? – повторил дед Тимофей. – Сошли вы с верного пути мирного труда! Нечего делать в нашей станице тем, кто с соседями нас поссорить старается! Не любит родная земля напрасно пролитой крови и корысти лживой. Она труд и честное сердце ценит. Дошла до нас весть о черных делах, которые творили ты, Иван, и ты, Петро. Ни душегубов-разбойников, ни аршинников-жуликов нам не надобно!

– Ступайте своей дорогой! – сурово повторили другие казаки. – Идите к атаману!

А атаман уже тут как тут. Расталкивает людей толстым животом, вперед пробирается и кричит:

– А, вернулись бродяги-обманщики! Где же добыча твоя, Иван? Где деньги твои, Петро? Где мои товары, мой порох, мои пули? Знаю, все знаю! Не смогли вы сберечь и умножить моего добра! Быть вам за это у меня батраками! До самой смерти отрабатывать свой долг у меня будете!

Заплакали тут Иван и Петро. А атаман еще громче кричать начал:

– В паны вздумали вылезти! Из грязи да в князи! Побатрачите теперь у меня...

Глухо зашумели, заволновались казаки.

– Довольно жадничать тебе, атаман! – крикнул старый Тимофей. – Не позволим мы тебе свободных казаков в панских крепостных закабалить!

– Не позволим! – подхватил народ.

– Ах вы, горлопаны, – затрясся от злости атаман. – Бунтуете?! Завтра же указ привезу из Катеринодара, отберу у вас и зерно, и рыбу! Здесь кругом – моя земля! И воды мои! И рыба моя!

– Не много ли берешь себе, пан-атаман? Не подавишься ли? – спросил старый Тимофей.

– Взять бунтовщика! – крикнул атаман своим прислужникам и выхватил из-за пояса пистолет.

Бросились атаманские подпанки к старому кузнецу, но одного из них Павло перехватил, других казаки повязали.

– Все в Сибирь на каторгу пойдете! – завизжал атаман. – Я вам покажу, как бунтовать, как мою землю и воды обкрадывать!

И направил он пистолет в грудь старого Тимофея. Но выстрелить не успел. Подхватил старый кузнец атамана своими железными руками, встряхнул так, что вылетел из атаманских рук пистолет.

– Твои, говоришь, воды кубанские, пан-атаман? – переспросил кузнец. – Ну, что же, владей ими!

И кинул он атамана с кручи, в самую кубанскую быстрину. А вслед за паном и подпанки его полетели. Только шапки с шелковыми красными кистями в бурных водах мелькнули.

– Так со всеми панами-душегубами будет! – сурово сказал старый Тимофей. – Со всеми, кто на крови народной свое богатство неправое строит!

Посмотрел старый Тимофей своими строгими глазами на Ивана и Петра.

– Если хотите с народом одним верным путем идти, счастье и горе делить, одной жизнью жить, – оставайтесь. Вместе все беды легче побеждать. Другой дорогой идти хотите – идите, мы вас держать не будем. Но станете вы нам чужими...

Повинились тут Иван и Петро в своих лихих делах, дали слово жить с народом, по-честному.

Весть о гибели пана-атамана и его лихих прислужников дошла до Катеринодара. Приезжали оттуда чиновники царские, судья войсковой, всех казаков опрашивали. И все, как один, одно показали: выехал-де, пан-атаман в бурную погоду на рыбалку, а баркас перевернулся. Ну, и утонули атаман и его прислужники в бурной Кубани.

Прислали вскоре нового атамана в станицу. Но до того, видать, дошли кое-какие слухи, потому что он вел себя потише...

С той поры наша станица у царского начальства все время беспокойной считалась.

Чабрец

Казак Иван Чегода покидал берега родной Кубани. Все дальше и дальше уносил его конь, и топот копыт погони замолк в знойной полуденной тишине. Впереди синели горы, под ногами коня стлался яркий ковер цветущей степи, а позади... Позади осталась Кубань, развалины родного хутора, дым и пламя пожара. Как горячий ветер-суховей, налетели на хутор турецкие орды. Вспыхнули казацкие мазанки, засверкали кривые сабли... Увидел Иван Чегода, что все казаки легли под турецкими саблями, попытался пробиться на север. Но когда целая сотня турок преградила ему путь, он повернул своего коня и поскакал на юг, к далеким горам.

Вот уже кончается степь. Хмурые дубовые леса неласковым шепотом встречают казака. И тогда придержал Иван Чегода коня, нагнулся с седла и сорвал кустик степного чабреца – низкой скромной травки с алыми цветочками и сладким запахом. Такой же чабрец рос на берегу Кубани, у родного хутора, и мать-старуха часто посыпала им чистый глиняный пол хаты. А хуторские девчата любили вплетать пахучий чабрец в венки, когда шли под вербы, на гулянку. Понюхал казак траву, бережно положил ее за пазуху и въехал в лес. И начало казаться Ивану, что и великаны-дубы, и скромная травка шепчут одно и то же:

– Казак! Негоже оставлять родную землю. Почему ты здесь, а не с товарищами. Трус!

– Я не трус! – закричал казак. – Смотри: моя сабля в турецкой крови! В пороховнице не осталось пороху, я его в бою с врагами извел!

Но дубрава шептала:

– Негоже бросать родную землю врагу! Трус! Замолчал казак, низко к гриве коня опустил свою голову, и тоска жесткой рукой сжала его сердце.

Так всю ночь ехал он по лесам и ущельям, поднимаясь все выше в горы. А когда утренняя заря кровью залила белые вершины гор, за перевалом встретил Иван Чегода воинов в бурках и черных, как ночь, папах. Впереди ехал седой длинноусый старик с зоркими глазами и горбатым носом. Ярко-красная бархатная шапочка, осыпанная самоцветными камнями, прикрывала седые кудри, расшитый золотом плащ вилял по ветру, дорогая сабля билась о стремя.

– Кто ты? – крикнул старик Ивану.

Ничего не ответил казак, только остановил коня и взглянул на старика тяжелым свинцовым взглядом. Тогда выехали вперед два рослых воина в бурках и, выхватив шашки, закричали:

– Кто ты? Отвечай нашему полководцу или сейчас твоя голова скатится с плеч!

Молчал казак. Черная тоска сковала его тело, и все равно было ему – жить или умереть.

– Кто ты?! Отвечай, о трус, от страха растерявший слова! – снова крикнули воины.

– Я не трус! – простонал казак и, выхватив саблю, пришпорил коня.

Вскинул усталую голову резвый кубанский конь, заел и рванулся навстречу воинам. Скрестились и засверкали сабли. Умело и ловко владели клинками люди в черных папахах, но не было в их руках отчаянной силы и ярости. Долго звенели, скрещиваясь клинки... Но вот широко взмахнул саблей казак, выбил оружие из рук воинов и остановил коня – мрачный и могучий, как горная гроза. Закричали от негодования остальные воины в бурках, сверкнули в лучах молодого солнца десятки клинков, но старик засмеялся и велел спрятать сабли.

– Добрый воин! – сказал он Ивану. – Мне нужны острые сабли и крепкие руки, чтобы бить турок... Спрячь саблю, пришелец, и садись с нами на ковер! Пусть кубок доброго карталинского вина разгонит твою печаль...

Иван Чегода слез с усталого коня и присел на мягкий ковер, развернутый воинами. Смуглолицый юноша поднес ему окованный серебром турий рог, наполненный душистым вином.

– Может быть, теперь, за дружеской трапезой, ты поведаешь нам, кто ты и откуда? – ласково спросил старик.

– Я – кубанский казак Иван Чегода... Была у меня земля родная, любимая, была мать-старушка, была дивчина кареглазая, а сейчас ничего нет, бобыль я! Сожгли мое счастье проклятые турки!

– У нас общая дорога и одни враги, – сказал старик. – Русские воины и воины солнечной Картли не один раз плечом к плечу стояли против турок. Езжай с нами в Картли – там найдешь себе вторую Родину. Там собирается войско на борьбу с турками...

То ли от сладкого крепкого вина, то ли от ласковых слов седоволосого военачальника, но повеселел Иван Чегода.

...Как янтарные зерна в четках, один к одному вязались дни. И вскоре далеко по турецкой земле, вплоть до голубого Трапезонда, гремело грозное имя Ивана Чегоды. Самые отважные турецкие воины бледнели и поворачивали назад коней, когда на них мчался хмурый, светлоусый воин в богатой одежде и золоченом шлеме. Много побед одержал молодой сотник грузинского войска. Он научил подчиненных ему воинов змеями красться в кустах к вражьему стану. Он первый несся на коне в атаку, и никто не мог остановить его. Богатые одежды, лихих арабских скакунов, дворец, украшенный алыми багдадскими коврами, подарил герою-кубанцу грузинский полководец. Но никогда не улыбался Иван Чегода, всегда холодны и страшны были его ледяные глаза. И слуги не раз видели, как богатырь, уединившись в дальней комнате своего дворца, открывал золотой ларец, доставал оттуда пучок сухой, невиданной в этих краях травы, шептал тихие, ласковые слова о кубанской земле и плакал над сухим кустиком:

– Почему он не пахнет? Куда девался его степной медвяный запах?

И не могли понять люди: зачем было нужно нюхать сухую траву, когда кругом столько ярких, пахучих цветов!

И опять луна и солнце отсчитывали сутки и месяцы. Однажды в тихий весенний вечер, когда воздух был сладким от дыхания роз, Иван Чегода, запершись в дальней комнате своего дворца, снова открыл золотой ларец. Оттуда пахло крепким, густым, горячим запахом весенней кубанской степи. И тут впервые заметили слуги радостную улыбку на лице грозного Ивана Чегоды. Они широко раскрыли глаза от удивления, когда любимец старого князя сорвал с себя драгоценные одежды, надел синие выцветшие шаровары, рубашку, расшитую скромным узором, и заломленную назад старую шапку. Потом он снял со стены шашку в черных потертых кожаных ножнах, взял длинное ружье, палочку свинца и рог, полный пороха. Веселый, улыбающийся, он сам пошел в конюшни и, пройдя мимо дорогих арабских скакунов, заседлал кубанского косматого коня. А когда Иван Чегода выехал за ворота дворца, слуги услышали, что он поет громкую песню, широкую и бурную, как горная река...

Вот и опушка дубравы. Вековые дубы шепчут молодыми листьями что-то ласковое и приветное. Яркая, зеленая, усыпанная разноцветными искрами цветов, дымится под солнцем весенняя степь. Жадно всматривается в нее казак, нагибается с коня. Но нигде не видно низкой пахучей травки-чабреца. Только старый сухой кустик шелестит под рубахой у сердца и дарит пьянящий аромат.

У степной балки навстречу казаку выехало трое людей в оборванных свитках и облысевших папахах.

– Куда едешь, хлопец?! Там турки! – угрюмо сказали они.

– Еду на Кубань, на родную землю... Зовет она нас, чтобы освободили мы ее от врага, – ответил Иван Чегода и достал из-за пазухи сухой чабрец.

Жадно вдохнули казаки родной запах и молча поехали за Иваном. И один из них сказал:

– Уж год я не видел чабреца! Не растет он больше в нашей степи...

Все ближе и ближе берега бурной Кубани. Все новые и новые люди выходят из плавней, из степных балок, из развалин сгоревших хуторов.

– Куда путь держите? – спрашивают они.

– Отбивать родную землю идем!

И все больше и больше колей ступают по следам Иванова скакуна.

Вечер махнул синим крылом, когда почуяли казацкие кони сладкую кубанскую воду. Впереди на берегу забелели шатры турецкого войска.

– Не отдохнуть ли перед боем, Иван? – спросил один из казаков. – Коли шли целый день и устали!

– Нет! Коня чуют кубанскую воду и рвутся вперед!

– Не отдохнуть ли нам, Иван? – спросил другой. – Притомились казаки, ведь целый день под солнцем ехали!

– Нет! Прохладный ветер кубанский освежит нас!

– Не остановиться ли мам, Иван? Темнеет уже! – сказал третий.

– Нет! Скоро месяц взойдет, и Кубань, как зеркало, его лучи на берег отразит!

Загудели трубы в турецком лагере. Выбежали янычары, вскочили в седла делибаши, замелькали факелы. Но не видны им были в сумрачной степи казаки, только топот копыт слышался. А Кубань своими волнами, как серебряной чешуей, отразила лучи молодого месяца и осветила турецкий лагерь. Свежий ветер примчался с реки и сырым туманом до костей пронизал турок.

Грозой налетела казачья лава.

– Чегода-паша! – закричали турки, увидев переднего всадника, и сабли начали падать у них из рук.

Напрасно турецкий паша пытался грозными окриками воодушевить своих воинов. Напрасно с визгом бросались на казаков разъяренные делибаши. Ничто не могло остановить казаков. Молниями сверкали их сабли, гремели ружья, все теснее сжималось казачье кольцо вокруг турецкого лагеря.

– Вперед! С нами аллах! – вскричал турецкий паша и с отборными воинами ринулся на казаков.

Казалось, еще один момент – и прорвет паша смертоносное кольцо казачьих сабель. Но вдруг вырос на его пути хмурый всадник с обнаженной шашкой.

– Вперед, казаки! С нами Родина! – громким голосом крикнул всадник, и турок узнал в нем Ивана Чегоду.

– Вот тебе, гяур! – взвизгнул паша и опустил кривую саблю.

Но Чегода ловко отвел удар, размахнулся и срубил турецкому паше голову.

Завыли турки от отчаяния, повернули назад и стали бросаться в Кубань...

В ту ночь тысячи их навсегда полегли на кубанской земле, а остальные потонули в бурных водах реки.

После боя усталые казаки сладко уснули на зеленой траве, у родной Кубани.

А утром, когда горячее солнце начало лить росу и умылось в холодной реке, они проснулись от жаркого медвяного запаха. Тысячи кустика невысокой травки с мягкими листиками и красноватыми мелкими цветочками расцвели вокруг них, слали свой нежный аромат и ласковый шорох.

С тех пор, отправляясь в поход, всегда берут с собой казаки сухие пахучие веточки родного чабреца.

Лебяжий остров

Молодой казак Петро Сероштан первый раз шел в разведку. Утром заметили девчата турецкий челн в плавнях, сообщили атаману, а тот велел Сероштану высмотреть врага. Жутко и радостно стало молодому казаку,

когда камыши желтой стеной окружили его, а товарищи, приготовив длинные ружья, притаились сзади на холме. Петро саблей раздвигал камыши и осторожно продвигался вперед к протоке. Длинный пистолет он небрежно держал в правой руке, чтобы не стряхнуть пороховую затравку.

– Берегись, – шептали камыши.

– Не ходи, – чавкала под ногами земля. Впереди, у протоки, тревожно хлопя

крыльями, вспорхнули утки. Они быстро поднялись вверх и улетели. «Там враги!» – решил Петро. Дальше можно было не идти. Птицы выдали турецкую засаду. Если ленивые утки быстро взлетают в высоту и уносятся вдаль, значит, в плавнях неспокойно.

«А что, если подкрасться да захватить языка?! – подумал Петро. – Казаки сразу уважать начнут... И для родной земли нужное дело сделаю!»

Тихо раздвигая камыши, он двинулся вперед. Вот уже скоро и протока будет.

– Берегис-с-сь! – шептали камыши.

Вдруг что-то тяжелое обрушилось на голову казака. От удара яркие вспышки блеснули перед глазами, а потом черная стена мрака скрыла и яркое небо, и солнце, и камыши.

– ...Ну что, казак! Скажешь, где ваши залогии?! Расскажешь – получишь много золота. Будешь молчать – останешься висеть на дереве и тебя съедят комары!

Толстый важный турок сидел на коврике, играл костяной рукояткой пистолета и смотрел на казака зелеными злыми глазами. Петро Сероштан висел перед ним, прикрученный арканом к вербе.

Молча смотрел молодой казак на врага. Тоска и презрение горели в его синих очах. Он знал, что не миновать ему лютой смерти. Но даже и мысли у него не было, чтобы покориться туркам, предать товарищей-казаков. Когда требует Родина, становятся русские сердца тверже стали булатной и никакие муки не могут размягчить их.

Взглянул казак вдаль, туда, где опускалось в лиман багровое солнце. Где-то в той стороне была родная станица. Там сейчас стоят на страже братья-казаки, оберегающие родную землю. Там, в маленькой хатке, – старик отец и седоволосая мать. Там ясноглазая дивчина Маруся, краше которой нет никого на свете... Там – все близкое, родное, что дороже любого золота. Там – Родина. Разве можно показать врагу дорогу в родной край, который вскормил и вскочал тебя!

– Кто может идти против воли аллаха, – вкрадчиво заговорил турок. – Аллах отдал тебя в наши руки, и ты должен покориться! Если б я видел, что аллах хочет твоей победы – я не стал бы противиться ему!

Турок достал из-за широкого пояса кожаный мешочек и высыпал на руку десяток золотых монет.

– Вот, смотри! Эти деньги будут твоими, если ты скажешь, где стоят ваши залого... А с деньгами ты сразу из простых казаков станешь важным пашой...

Турок подбросил монеты на ладони, и они зазвенели.

– Ну, скажешь? Или, клянусь аллахом, я развяжу твой аркан только тогда, когда в воздухе замелькают белые мухи и первые льдинки заскользят по воде... Я тогда буду плыть обратно в Трапезонд... И к этому времени от тебя, казак, останутся одни кости.

У Петра болела голова, ему хотелось пить, руки затекли от тугого перехвата волосяной веревки. Турок поправил красную феску и снова сказал по-русски:

– Ну, говори, казак!

Сероштан провел сухим шершавым языком по губам, взглянул на солнце, утопающее в лимане, закрыл глаза и молча покачал головой.

– Ты заговоришь, казак! Утром все скажешь! Комары тебя заставят говорить! – прошипел турок и ушел в шалаш.

Солнце все ниже спускалось в розовые воды лимана. Камыши, казалось, горели в закатных лучах. В воздухе тонко, как балалаечные струны, зазвенели комары. Все больше их садилось на лицо казака, на обнаженное тело, на открытые руки и босые ноги. Тело горело и чесалось от бесчисленных укусов.

– О, хоть бы сразу убили меня... проклятые вороги! – прошептал казак.

Турки уже спали в своем шалаше, прикрывшись парусом.

– О, хоть бы дождик хлынул и освежил меня! – просил казак.

Но чисто и ясно было вечернее небо. Только далеко-далеко синела темная тучка.

– О, Кубань-река! Помоги своему защитнику, – молил казак.

Тихо и пустынно было на лимане. Солнце ушло на покой, белые туманы ползли от камышей.

Казак устало закрыл тяжелые веки. То ли забытье, то ли дремота потушила мысли и ослабила боль.

Это не комариное жужжание, а шелест кубанских волн. Вот она близко-близко, светлоглазая девушка – красавица Кубань. Почему-то похожа она на Марусю, только косы струятся, как речные волны...

– Слышишь ли ты меня, моя любимая? – спрашивает ее казак.

– Слышу, милый! – шепчут речные струи. Прохладные руки ласкают разгоряченное лицо казака. Месяц запутался у любимой в косах.

– Слышу, милый! Слышу, коханий! – звучит девичий голос. – Не бойся, коханий! Защитник родной земли не умрет никогда!

Свежая влага струится по лицу, и казак жадно ловит ее пересохшим ртом...

Холодный предрассветный ветерок разогнал дремоту. Над лиманом ползли хмурые тучи и капал мелкий дождь. Его бодрящая свежесть оживила казака.

Утром из шалаша, откинув парус, вылезли турки.

– Ну, как, казак, заговоришь или будешь ждать первого снега? – ухмыляясь, спросил толстый турок, натягивая плотнее феску.

. Он захохотал, подошел ближе, взглянул под береговой откос. И вдруг в смертельном страхе упал на землю.

– О, аллах, откуда же здесь снег! Почему ты, аллах, покровительствуешь гяурам и караешь правоверных?! Но я не пойду против твоей воли! – испуганно прошептал турок и трясущимися руками перерезал волосяную веревку, стягивающую тело казака. – Я покорен твоей воле, аллах! И я, и мои слуги сдаются тебе, казак!

Затем он и его товарищи покорно сложили к ногам Петра Сероштана пистолы, кривые сабли, ятаганы.

«Что такое? Или други-товарищи спешат к острову на быстрых челнах? Чего испугались турки?» – удивился казак, связывая обрывками аркана трясущиеся руки врагов.

Потом Петро повернулся к откосу и вскрикнул от удивления: внизу весь берег был покрыт белой пеленой снега.

– Это ты, Кубань, заступилась за своего сына! – прошептал казак. – Никогда не бывало, чтобы в наших краях в это время снег выпадал...

Тучи умчались. Солнце выплыло из-за камышей и залило ярким светом лиман. Снежная пелена дрогнула. Белые льдинки у берега двинулись, заскользили по воде. И вдруг, взмахнув крыльями, вытянув длинные стройные шеи, тысячи гордых белоснежных птиц поднялись в воздух, навстречу солнцу.

– Это не снег! Это лебеди! – вскрикнул казак.

Потом он подобрал турецкое оружие и повел своих пленников вниз к лодке, чтобы отвезти их на казачий пикет...

С тех пор маленький островок на лимане зовется Лебязьим островом. И много лет спустя, когда на берегах лимана раскинулись казачьи станицы и хутора, пугливые и гордые птицы по-прежнему гнездились на маленьком островке. Казаки помнили историю Петра Сероштана и не трогали лебедей на их гнездовьях.

Сказ о цветке-дождевике

О молодом казаке Грицко Коломийце и чудесном Цветке-Дождевике до сих пор поют на Кубани добрые песни и рассказывают задумчивые сказы. Но правда это или выдумка – сейчас никто не скажет, потому что было это очень давно, так давно, что многое забылось и быльем поросло...

Сказывают, жил в одной кубанской станице молодой казак Грицко Коломиец, смелее которого, сильнее и красивее не было на всей Кубани. Был он статен и широкоплеч, с загорелого лица, из-под черных густых бровей голубыми звездами светились смелые и ясные глаза. Умел Грицко

справляться с любимым, самым непокорным и необъезженным конем, умел работать лучше, других, а песни пел так, что летели они ласточками над станицей и в любое, самое заскорузлое и холодное сердце дорогу находили.

Жил Грицко один-одинешенек в маленькой хатке на самом краю станицы. Всех родственников его – и отца, и мать, и братьев с сестрами в одну неделю скосила злая черная смерть – огневица, занесенная служивыми казаками из далекой Персии.

Погоревал Грицко, поплакал на родительских могилах, но не дал горю сломить себя. Стал казак хозяйствовать один. И дела у него пошли не плохо, потому что не жалел он своих сил и была работа ему не в тягость, а в радость.

Многие станичные девчата заводили с Грицко хитрые разговоры о том, что вдвоем любую беду легче одолеть. Не один батька, имевший взрослых дочерей, намекал хлопцу, что не прочь иметь в семье такого зятя. Но Грицко только посмеивался и отшучивался...

А потом подглядели глазастые, девчата, что по вечерам навевается Грицко в садок самого атамана, у которого была красавица-дочка. И пошли по станице слухи да разговоры.

Дошли они до атамана. Позвал он свою дочку и давай убеждать ее, что бедняк-хлопец ей не пара. А дивчина так прямо и отрезала отцу, что любит она Грицко, ни за кого, кроме него, замуж не выйдет, а неволить ее станут – в Кубань бросится... Пошумел, покричал отец для порядка, но не стал свою единственную дочь до крайности доводить и дал согласие на свадьбу... Порешили сыграть веселую свадьбу осенью, когда будет убран урожай и в любой хате станет весело и сытно.

Но с весны пришла в станицу лихая беда. Примчался как-то с востока злобный колдун-Суховей, засвистал по-разбойничьи, затряс своими серыми, пыльными космами. Три дня бесновался старый разбойник – хохотал, махал над степью черными крыльями бури, застилал голубое небо пепельными пыльными облаками...

А когда умчался он обратно в свои мертвые пустыни, в далекий и мрачный свой дворец – не осталось в степи ни зернышка, ни росточка зеленого. Даже листья на деревьях пожелтели и пожухли.

Погоревали казаки, поплакали казачки, да что поделаешь? Собрали они последнее зерно и заново переселили свои поля. Посеяли и стали ждать благодатного дождика, который дал бы жизнь ростку, влил бы в него силу и упорство.

Шли дни за днями, но безоблачным и знойным оставалось небо. По вечерам пламенели над степью огненно-рыжие закаты. Трескалась от зноя кормилица-земля...

Потом вдруг зашумели по станице истомленные зноем чахлые деревья, нагнули на запад свои вершины. Закрутились по улицам пыльные вихри – дозорные колдуна-Сухова.

– Ой, беда! Ой, лихо! – запричитали по станице казачки.

А злодей-Суховой уже мчится по степи на своем сером коне, свистит, визжит, хохочет, гонит вперед своих верных слуг буйных Ветров – служанок Черных Бурь.

– Хо-хо-хо! – визжит разбойник. – О-п-я-ть п-о-сс-е-я-ли? Вс-се сс-мет-у-у!

Попрятались по хатам самые храбрые казаки, никто не решается на пути злого колдуна стать, в бой с ним вступить.

Только молодой казак Грицко Коломиец нахмурил густые брови, сжал упрямо губы, надвинул шапку на самые глаза и зашагал в степь, где бесновался старый разбойник.

«Надо кому-нибудь унять злобного Суховея, иначе вся станица с голоду пропадет, – думал Грицко, упрямо шагая навстречу буре. – А если мы все бояться будем, да по хатам отсиживаться – опять выдует разбойник все наши посева».

Ринулись на казака буйные ветры, ударили его в широкую грудь. Покачнулся казак, но устоял на ногах и зашагал дальше. Налетели тут злобные Черные бури, хлестнули песком в лицо. Протер Грицко глаза и опять шагнул вперед,

И тут налетел на казака сам Суховой. Разглядел хлопец в пыльной дымке невиданного всадника. Конь под всадником серый, тощий и костлявый, а на месте не стоит – то вперед ринется, то вбок, то на дыбы взовьется. Только грива серая развевается. А на коне сидит старик, длинный, худой, одни кости да кожа. Сизая косматая борода с растрепанными лохмами сплелась, аршин на пять в сторону развевается. А из-под недобрых нависших бровей злые глаза блестят.

– И-хха! Богатырь выискался! – захохотал Суховой. – Вот я тебя конем стопчу!

И ринулся он на Грицко. Но казак ловко отпрыгнул в сторону, изловчился, ухватил злодея за бороду, оттолкнулся ногами от земли и оказался на коне, сзади старого разбойника.

Закрутился конь по степи, то в одну сторону бросится, то в другую. Но Грицко обхватил тонкую шею колдуна и сидит, как прикованный.

– От-пу-ссти! – взмолился Суховой. – От-пу-ссти! Про-шшу! Награ-жжу!

– Не нужна мне твоя награда! – крикнул Грицко прямо в иссохшее ухо злодея. – Поклянись, что не станешь больше разбойничать в наших степях, что сейчас же пришьешь к нам тучи дождевые...

– Не бывать этому! Не дож-дешь-ся! – прохрипел в ярости Суховой.

Тут Грицко понатужился и крепче сжал шею разбойнику.

– Ж-жги его! Душ-ши! – прошипел злодей.

Взвился конь Суховея в самое поднебесье и понесся на восток. А за ним помчались буйные Ветры и черные Бури. Мчатся и обжигают казака своим горячим дыханием. Но Грицко уткнулся лицом в жесткие, как мочалки, космы Суховея, и хоть трудно стало дышать, а терпит. И все сильнее сжимает глотку разбойнику.

– Оо-хх! Пус-сть с-станет по-твоему! – простонал наконец Суховой.

Серый конь его вниз пошел, и как только коснулся он копытами земли – Суховой бездыханным пал с седла.

«Видать, задушил я старика! – подумал Грицко. – Этак ни с чем я останусь – хоть и сам он летать больше не будет, но и дождя к нам не пошлет!»

И чуть-чуть отпустил он горло злодея. Вздохнул Суровой и заговорил слабым голосом:

– От-пу-ссти! Вс-се по-твоему будет! До ссамой твоей ссмерти ни я, ни слуги мои на твою станицу налетать не станут. И цветок тебе дам! Чу-дес-ный Цветок-Дождевик, который дождь тебе будет давать...

– И домой меня сейчас отправишь!

– И домой отправ-лю! – согласился Суховой.

– А не обманешь?

– С-слово даю!

Отпустил тут казак злодея и оглянулся по сторонам. Видит – кругом, куда ни глянь, песок, точно застывшие волны, расстилается. Одни песчаные холмы черные, другие – желтые, третьи – серые, четвертые – красные, как кровь. А вдали, среди этих холмов, точно серое дымное облако, дрожит и переливается чудесный дворец – с круглыми башнями, куполами, сводчатыми окнами. Одни башни растут вверх, другие – уменьшаются. Куполы то распухают, как шары, то сжимаются...

– Крас-сиво? Вот мой дворец чудесный! – сказал Суховой.

– Ладно! Ты мне зубы не заговаривай, давай свой волшебный цветок! – ответил Грицко.

Захохотал тут Суховой, словно ржавыми дверями заскрипел. А потом махнул костлявой рукой – и оказался перед казаком блестящий, точно серое зеркало, кованый ларец.

– Вот, бер-ри! В этом ларце лежит чудесный Цветок-Дождевик о двадцати пяти лепестках. Как сорвешь лепесток и бросишь на землю – так сразу дождь пойдет...

Схватил казак ларец и воскликнул: – Добре! Давай теперь коня!

– Подожди-жди! – заскрипел Суховой. – Ты еще не знаешь одного условия... Знай, что с каждым лепестком будет убывать твоя сила, казак. А с пос-следним, двадцать пятым, окончится твоя жизнь... – В злую усмешку скривился рот Суховея, и он спросил: – Может, откажешшш-шься, казак, от моего подарка? К чему тебе жизнь молодую за других губить? А я тебе, вместо Цветка-Дождевика скатерть-самобранку дам, которая будет каждый день десять яств и десять напитков тебе доставлять. На твой век хватит – сыт и пьян будешь...

– Нет! – покачал головой казак. – Беру я твой Цветок-Дождевик! Подавай коня!

Скривился Суховой, ощерился желтыми длинными клыками, но выполнил требование казака. Махнул он рукой, и оказался перед ним серый

конь – тощий, но горячий и непокорный. Вспрыгнул Грицко на седло, и взвился конь к самому поднебесью, только пыльная грива, как облако, взметнулась... Не успел казак глазом моргнуть, как спустился конь на том самом месте, где дрался Грицко с лиходеем-Суховеем.

Прижал казак покрепче к груди ларчик с чудесным цветком и спрыгнул на землю. А конь взмахнул серой гривой и пыльным вихрем унесся на восток...

Оглянулся хлопец по сторонам. Тихо в степи, жарко, как в доброй печи. Мертвая, опаленная солнцем расстилалась перед ним земля – серая, иссохшая, в глубоких трещинах.

Копнул казак в одном месте пахоту и нашел пшеничное зернышко. Было оно целым и невредимым, бережно сохранила его мать-землица...

«Дождь бы сейчас хороший – и враз бы зазеленела вся степь! – подумал Грицко. – Видать, пришла пора испробовать Цветок-Дождевик!»

Открыл казак зеркальный ларец – и сразу пахнуло ему в лицо влажной свежестью. На дне ларца, на зеленом бархате лежал чудесный, невиданный цветок. Сердцевина этого цветка ярким синим огнем горит. А вокруг голубеют лепестки, такие тонкие и прозрачные, что сквозь них зеленый бархат просвечивает. И перекачивается по этим лепесткам светлая, сверкающая росинка. Так красив был Цветок-Дождевик, что жалко стало Грицко калечить его, отрывать лепесток. Но взглянул хлопец на иссушенную солнцем землю, вздохнул... И, оторвав один прозрачный лепесток, бросил его. Закружился лепесток, засверкал на солнце. А у казака вдруг в голове помутилось и в глазах потемнело...

Как только упал лепесток на землю – разнесся по всей степи гулкий грохот.

Прояснилось в глазах у Грицко и видит он: наползает огромная сизая туча, яркие молнии ее подгоняют, гром грохочет... Потом далеко-далеко, там, где, кажется, что небо с землей сходится, встала, как занавеска, серая стена дождя. Минуты не прошло, как обрушился на степь прохладный, освежающий ливень. Зашелестела земля, жадно пьющая влагу. Затянулись ее глубокие раны-трещины. И вот уже заплясали по лужам пузырьки...

Под прохладными, дождевыми струями зашагал Грицко к родной станице. А там – на любой улице праздник. Ребятишки смеются, по лужам в припрыжку носятся. Казаки веселыми голосами перекликаются, глядя на пляску дождевых струй. Даже старики и те из хат повылезали, мочат чуприны под дождем.

«Вон сколько радости я людям дал!» – подумал Грицко и, улыбаясь, пошел в свою хату...

Почему-то чувствовал он себя совсем больным и усталым, а поэтому сейчас же скинул мокрую одежду и лег спать.

Утром встал казак, вышел из хаты и заулыбался. Яркое светило горячее солнце. И оно, и голубое небо казались вымытыми дождем. Листья на деревьях стали сочными, упругими и налились густой зеленью...

Через несколько дней выбились из земли зеленые пшеничные ростки, и вся степь покрылась изумрудной щетинкой.

Повеселела станица, вновь зазвучали над ней звонкие песни, по ночам, до самого рассвета, заливалась гармонь...

И снова счастливый Грицко стал по вечерам пробираться в атаманский сад, где на скамеечке, в самой чаще густого вишняка ждала его любимая, черноглазка Галя. И опять до первых петухов сидели они обнявшись и говорили о том, какой светлой и радостной будет их жизнь, когда они поженятся...

Но лето в том несчастном году выдалось небывалое – сухое, знойное, без единого дождика. И когда пришла пора пшенице наливать колос – стала она никнуть и желтеть от лютой жажды.

– Не бывать в этом году урожаю, – вздохнула как-то Галя. – Бели дождик не поможет, то посохнет все... В несчастливую пору, видать, задумали мы нашу свадьбу!

– Не горюй, Галочка, на тревожься, цветочек мой полевой, – успокоил любимую Грицко. – Будет дождь! Завтра же будет! И мы с тобой свое счастье найдем!

Наутро взял Грицко свой заветный ларец и вышел с ним в свой садок. Сорвал он еще один лепесток с чудесного цветка...

И сейчас же опять разразился над степью дружный грозовой ливень, вдоволь напоивший все живое свежей прохладной водой. А казак, словно побитый, кое-как добрался до своей хаты и без сил свалился на постель...

Вечером Галя ждала-ждала любимого, а тот все не шел. Не выдержала дивчина и сама побежала к Грицко. Вошла она в хату тихо, бесшумно, как легкая ночная тень. Оглянулась по сторонам и видит: лежит казак бледный, дышит тяжело, бессильно раскинуты могучие руки.

– Что с тобой, Грицко? Что с тобой, любимый мой – в тревоге запричитала дивчина.

Открыл казак затуманенные глаза, обнял любимую и ответил:

– Ничего, Галочка! Не тревожься! Все хорошо будет!

– Нет, Гришенька! Ты скажи мне, что с тобой случилось? Или надорвался ты? Или ветром гнилым тебя продуло?

Так горячо просила дивчина, такая боль-тревога слышалась в ее голосе, что не выдержал казак и рассказал ей о своей битве со злодеем-Суховеем, о Цветке-Дождевике и о том, как убывают с каждым сорванным лепестком силы молодецкие.

Заплакала тут дивчина, заголосила. И начала упрашивать:

– Любимый мой! Желанный! Не трогай ты этот проклятый цветок! Не нужен он нам! И без цветка хватит у моего батьки и хлеба, и денег, а я у него одна дочка, единственная...

– Да ведь я не только о себе забочусь – о людях тревожусь, – ответил казак. – Выгорит хлеб – вся станица, кроме нескольких богатеев, по миру пойдет...

– И пусть идет – не наша это забота!

– Дети с голоду помрут...

– Пускай помирают, не наши это дети!

– Да разве ж можно так, Галочка, серденько мое? – удивился Грицко. – Ведь тем и силен наш русский народ, что всегда был один за всех и все за одного. Я для народа постараюсь, а он для меня...

– Пускай каждый сам о себе заботится... Ой, не любишь ты меня, – заплакала дивчина. – Не любишь! Чужое счастье для тебя дороже нашего... Не трогай проклятый цветок!

– Да не могу я, не могу жить только для себя, только о себе думать! – воскликнул Грицко и без сил упал на горячую подушку.

– Ладно, мой милый! Ладно, коханий! – испуганно заговорила Галя. – Не сердись на меня, глупую, не расстраивайся! Пусть, если хочешь, все по-твоему будет! А пока – спи мой родной! Спи, отдыхай, сил набирайся!

Тихим ручейком журчал девичий голос, мягкие руки гладили горячий лоб Грицко, на лицо ему упали темные косы, пахнущие пьянящей горечью степного полынка.

– Спи, родной мой! Отдыхай, любимый!

И заснул казак, крепко и сладко.

А дивчина, как только заметила, что спит ее милый, сейчас же от его кровати отошла, зажгла каганец и давай по хате шарить. Заглянула в запечье, в сундуке все перебрала. Потом открыла шкафчик, где хранилась немудреная посуда. И там, на самой верхней полке, заметила она полированный железный ларец тонкой и хитрой работы.

Достала она ларец, открыла крышку и ахнула от удивления. На дне ларца голубым сиянием светился чудесный цветок, прозрачный, словно выточенный из хрусталя. А в самой середине цветка, где голубой цвет сгущался в густую синеву, дрожала и переливалась звездочка-росинка.

Долго стояла дивчина, любуясь Цветком-Дождевиком. Потом вдруг сдвинулись ее крылатые брови, и она сердитым толчком прихлопнула крышку ларца.

«Вот он где, этот проклятый Цветок-Дождевик, который грозит разлучить меня с любимым! – подумала дивчина. – Не бывать этому! Теперь чертячий цветок в моих руках!»

И, подхватив ларец, атаманская дочка выбежала из хаты...

Ночь была тихой и звездной. Словно уснув, стояли вишни и яблоньки в маленьком садочке, за хатой Грицко.

Добежала Галина до колодца-копанки, перекрестилась и с размаха швырнула ларец в колодец...

Не успела она и голову от колодца поднять, как сверкнула на небе змеистая молния и грохнул гром, потрясший всю степь. И сейчас же вздрогнули и застонали от налетевшей бури деревья, а затем со зловещим шумом обрушился на землю ливень с градом.

Порыв ветра швырнул дивчину на землю, струи ливня чуть не задушили ее. Ползком, задыхаясь и припадая к мокрой земле, добралась дивчина до хаты, перелезла через порог и захлопнула дверь...

В горнице было очень тихо, только доносился приглушенный рев бури да шум дождя. На столе желтоватым светом горел каганец.

– Грицко! – окликнула дивчина. – Слышишь, Грицко, какая буря разгулялась?

Но хлопец даже не шелохнулся.

– Грицко?!

Поднесла дивчина к лицу казака каганец, и его свет отразился в мертвых, широко открытых глазах...

– Ой, родной мой, единственный! – во весь голос закричала дивчина.

Но никто не слышал ее, никто не пришел к ней на помощь.

И тогда догадалась дивчина, что сама она погубила своего любимого, погубила тем, что бросила заветный цветок в колодец...

Три дня бушевала непогода. Дождь с градом и буря погубили все посева, обломали деревья, побили много скота и птицы.

На четвертый день, когда ушли дождевые тучи и засияло солнце, зашли казаки к Грицко Коломийцу. И увидели они, что лежит хлопец мертвый, широко раскрыв очи и раскинув руки. А над ним, с простым бумажным цветком в руках, склонилась атаманская дочка. – Не шути, Грицко, не притворяйся! – приговаривала дивчина. – Ну, взгляни на меня! Это – я, твоя Галя! А вот – твой Цветок-Дождевик заветный...

Она протягивала мертвому смятый бумажный цветок. И мутны, дики были ее глаза...

Знатный дядюшка

Думается мне, что земля не знала более вредного человека, чем Тихон Лихолуп, который когда-то атаманствовал в нашей станице. С собой он был маленький, хлипкий, тонконогий, только глаза у него всегда горели, как у волка. А характер у Тихона был паучий – всю станицу и наш Заречный хутор своими сетями оплел, со всех кровь сосал. Так всегда оказывалось, что все казаки, которые победней, не вылезали из долгов, и делал Лихолуп с ними все, что захочет.

Когда наступала пора выбирать станичного атамана, надевал Лихолуп на себя черкеску с урядничьими погонами, кубанку мелкого, черного курпея – и шел по хатам. Войдет в хату и тоненьким, скрипучим своим голосом начинает требовать у хозяина:

– Когда же ты мне долг отдашь? Или ждешь, чтобы я худобу твою описал да надел забрал?

– Погоди немного, Тихон Антонович! – начинал просить хозяин. – Вот тебе крест, отдавать сейчас нечем.

– Погоди, погоди! – ворчал атаман. – Как братъ – так сразу давай, а как отдавать – так погоди! Ну, да что с тобой поделаешь! Сердце у меня мягкое до своего брата-казака. Только вот сход скоро, атамана выбрать будем... Так ты того, помни, кто тебе благодетельство оказывает.

Ну, ясно на сходе вновь выбирали его атаманом – кому же интересно последнего достояния лишаться, по миру идти!

И еще любил атаман Лихолуп прихвастнуть. То о своих боевых подвигах начнет рассказывать, как турок рубил да рабочих умирять. Все знали, что брешет господин атаман, как самый настоящий станичный кобель, – всю действительную он отбыл на кухне у одного полковника, в денщиках. Там и чин урядника выслужил. То начнет он хвастать, какой он приятель господину отдельскому атаману, да как его в Екатеринодаре начальство уважает.

Сам атаман был паук пауком. А дочка у него – не дивчина, а солнышко красное! Румяная, черноглазая, брови густые, точно два крыла над тонким прямым носиком сходятся. И характер у нее был простой, веселый, приветливый...

Многие хлопцы по дочке атамановой сохли. Но полюбила Галя Лихолуп простого казака Ивана Перебийнос, жившего на Заречном хуторе. Правда, был Иван – хлопец, хоть картинку с него рисуй. Высокий, тонкий в поясе, но широкоплечий, глаза – карие, ласковые, запоет – за сердце хватает его мягкий голос.

Встречались Галя и Иван то на гулянках, на станичной улице, то под вербами над светлой Лабой, то в садах. И так захватила их любовь, что поняли они – не жить им друг без друга.

Пошли они к атаману, упали ему «ноги и рассказали о своей любви. Тихон Лихолуп сначала даже онемел от их речей. А потом как соскочит с лавки и давай визжать, как порося под ножом:

– Ах ты, голодранец! Собачий ты сын! Да как ты смел мою, атаманскую, дочку с пути сбивать? Как ты решился на нее глаза поднять, байстрюк ты этакий! Да знаешь ли ты, что весь ваш хутор у меня в кулаке, все вы в долгу, как в шелку, и я наделы и худобу у вас думаю отбирать? Да помнишь ли ты, что я не кто-нибудь, а господин станичный атаман, господин урядник, что меня все начальство жалует и даже сам господин полковник – отдельский атаман – за стол с собой сажает! Да я тебя свободно могу упечь туда, куда Макар телят не гонял!

Галя слушает отца и все ниже к земле клонится, слезами обливается. А Иван слушал, слушал да вдруг поднялся, подбоченился, и спокойно так говорит Лихолупу:

– Хотел я с вами, Тихон Антонович, попросту, по-душевному договориться. Не хотите – воля ваша. В таком разе отбиваю я сегодня телеграмму моему дядюшке в Катеринодар, пускай он сам приезжает Галю

сватать. Да и на дела ваши пускай посмотрит – куда, скажем, сено с общественных лугов идет...

– Что?! – задохнулся от злости атаман. – Да ты забываешь, с кем говоришь!

– Нет, помню, – спокойно отвечает Иван и подбоченился. – Невелика птица, урядник. А вам известно, что дядюшка мой – генерал, помощник атамана всей Кубанской области?

– К-как?! – удивился Лихолуп.

– А вот так! – пожал широкими плечами хлопец. – Попрошу дядюшку, пускай он приедет.

Тут наш атаман сразу тон сбавил. Но не больно поверил он Ивану, хотя и сказал ему:

– Ладно! Пиши своему дядюшке! Если они и вправду генералы, то, конечно, за честь почту.

Иван тряхнул смоляным чубом и вышел из хаты.

И вскоре дошли до атамана Лихолупа чудесные новости: Иван Перебийнос снял для своего дяди – генерала дом у местного богатея. За неделю постоя обещал уплатить двадцать пять целковых, А ночью, когда уже совсем стемнело, пронеслась по станице лихая тройка с бубенцами и остановилась возле снятой Иваном квартиры. Станичные бабы видели, как из тачанки незнакомые казаки под руки вывели низенького старичка – седобородого, в генеральском мундире. Перевели они его через широкую улицу, почтительно препроводили в хату и закрыли ставни в горнице.

Тут у нашего атамана затряслись и руки и ноги. Надел он праздничную черкеску с урядничьими погонами и вприпрыжку побежал к тому дому, где остановился генерал. А у ворот встретил атамана Иван Перебийнос.

– Ив-ва-нушка! – ласково так заговорил атаман. – Говорят, дядюшка ваш прибыл. Так я хочу ему лапорт по всей форме отдать, от вверенной мне станицы.

– Никак невозможно это сейчас, Тихон Антонович, – покачал головой Иван. – Дядюшка мой с дороги утомился, старенький он... И гневен он сегодня очень.

– А чего же они изволят гневаться?

– Жалобы разные ему поступили. Написал кто-то, что вы сено с общественных лугов продали, а денежки себе в карман положили... И еще довели до его сведения, что тыждневые у вас не в правлении дежурят, а на вашем огороде капусту полют.

Атаман от страху даже покачнулся. Если бы Иван не поддержал его, то рухнул бы он на землю.

– Ив-ва-ва-нушка! С-сыночек! – чуть справившись со страхом, заговорил атаман. – Да ведь мы – родственники, можно сказать... Да я всегда любил тебя, как родного. Что же теперь делать?

– Идемте, папаша, к вам, там все вопросы решим! Взял Иван атамана под руку и заботливо провел его

до самой хаты. Там заперлись они в отдельной горнице и стали вести разговор.

– Я, папаша, конечно, могу вас спасти, – прямо сказал Иван Перебийнос. – Хоть очень гневается на вас дядюшка, а родича своего не тронет. И вот есть у меня до вас такое предложение: сейчас поедем до попа – нехай он нас с Галей окрутит.

– Да как же это, сразу так? – всплеснул руками атаман.

– Нужно так, папаша! Проснется завтра дядюшка, – а тут вы к нему: «Мое почтение, родич! Прошу вас до меня, к свадебному столу!» Ну он и смягчит свой гнев.

Прикинул атаман умишком – и согласился.

– Ладно уж!

– Конечно, и приданое надо дать за Галей подходящее, – продолжал Иван. – Это ведь не какая-нибудь бесприданница, а атаманская дочка! Многого я с вас не спрошу. Но коровенку там, тройку коней, пару волов да тысячи три деньгами дать придется.

– Ой! Да где же я возьму три тысячи? – затрясся атаман.

– Ладно, папаша! Деньгами вы мне сейчас дадите полторы тысячи. А остальное – расписками, что наши заречные казаки вам дали за свои долги. Я сам с них все получу.

– Хорошо! – прошептал атаман.

– Конечно, приданое все вы выдадите сейчас же, чтобы утром можно было сказать дядюшке – дело, мое, еще до вашего приезда было, решено! Он тогда и копать в этих жалобах не будет.

В эту ночь полстаницы не спало. Поднял атаман баб приготовить к утру пареное да вареное для свадебного пира. Казаки оружие чистили, к параду готовились. Работники атамана повезли на хутор приданое, погнали волов и корову. На утренней зорьке обвенчали Ивана с Галей. В церкви народу было – не пройдешь.

После венчания осыпали молодых хмелем да кубанской пшеницей. А потом Иван и говорит Тихону Антоновичу:

– Очень я вами доволен, батюшка! Можете не сомневаться – все для вас будет в полном порядке. Сейчас я с женошкой своей любимой домой к себе на хутор, за родителями поеду. А вы готовьте столы. Как солнце к полдню повернет, мы все к вам приедем. А вы к этой поре дядюшке представитесь, на свадьбу его пригласите!

Усадил тут Иван свою молодую жену на тачанку и разобрал поводья.

– Да как звать-то твоего дядюшку? Как его по имени-отчеству величать? – опросил атаман.

– Звать его Василием, величать Васильевичем! – ответил Иван и щелкнул вожжами.

Рванулись застоявшиеся кони, помчались по улице, играя лентами и бубенцами. Только пыль за клубилась за тачанкой.

В полдень собрал атаман самых богатых стариков и пошел звать генерала на свадьбу. И старые, и малые – вся станица столпилась возле генеральской квартиры. А в ней все тихо, вроде и нет никого.

Заглянул атаман украдкой в окно и зажмурился: видит, висит на спинке стула около кровати генеральский мундир. А в кровати лежит кто-то под одеялом, голова платком повязана, седая борода клинышком торчит.

Поправил черкеску атаман, окинул строгим взглядом стариков и первым вошел в дом. Смотрит – в передней нет никого, а дверь в генеральскую спальню открыта.

На цыпочках вошли старики и атаман в спальню. Темновато в ней, потому что все окна, кроме одного, ставнями прикрыты. Видно только, что шевелится над одеялом седая бородка да глаза поблескивают.

– Здравия желаю, ваше превосходительство! – гаркнул Лихолуп. – Честь имею представиться – урядник Лихолуп, станичный атаман. Во вверенной мне станице все, значит, в полном порядке! Прошу вас пожаловать на свадьбу племянника вашего, Ивана Перебийноса!

Тут генерал что-то вымолвил слабым дрожащим голосом, не то «благодарю!», не то «мо-ло-дец!» Атаман повеселел и крикнул в сенцы:

– А ну, открыть ставни в спальней его превосходительства!

Сразу загрохотали болты, застучали ставни, и яркий солнечный свет хлынул в спальню.

– Ой, да шо ж це таке? – выкрикнул кто-то из стариков.

А атаман Лихолуп раскрыл рот, выкатил глаза и словно онемел.

Перед кроватью, на спинке стула, висел блестящий генеральский мундир. А из-под одеяла высовывалась голова старого станичного козла Васьки. Козел испуганно тряс бородой, алый платок, которым была перевязана его голова, сбился на сторону.

Наконец атаман опомнился. Он подскочил к кровати и сорвал с нее одеяло. Точно, под одеялом лежал козел. Ноги его были крепко связаны веревками. Он закрутил головой и простонал:

– Бэ-э-э-з!

– Ах, он подлец! Ах, он охальник! – закричал атаман. – Да я его в Сибирь загоню! Да меня сам отдельский атаман...

Взглянул он на улыбающихся стариков и поперхнулся.

«Да ведь все они видели, что я козлу лапорт отдавал! – подумал он. – И все знают, что Иван Перебий-нос на дочке моей оженился. И приданое я им дал. Да ведь если это дойдет до господина отдельского атамана...».

И вдруг Лихолуп залился тоненьким, булькающим смехом:

– Хи-хи-хи! А что, старики, какую мы с зятьком моим шутку учудили! Хороша шуточка, а? Добрая шутка, веселая! А теперь прошу вас всех к столу, шоб горилка не простыла да жареное градусы не потеряло! А того подлеца, что по правленческой конюшне дневалил и козла упустил – на три дня в холодную! Верно, господа старики?

В этот день атаман был как никогда веселым, приветливым и хлебосольным. Вся станица гуляла у него.

К вечеру, по приглашению атамана, приехали вместе с молодыми и казаки с Заречного хутора. Им было особенно весело – Иван Перебийнос еще утром собрал их и в клочки разорвал все долговые расписки.

До следующего утра пили и гуляли у атамана. И все славили удальца – Ивана и красавицу Галю. И желали им многих лет счастья. И кричали «горько». И атаман, улыбаясь, чокался чаркой со своим зятьком, обнимал и целовал его... Только иногда лицо атамана становилось недовольным, кислым, точно он пил не сладкое вино, а уксус.

Кочеты генерала Суворова

Душно летом в кубанской степи. Никнут, клонятся к земле тяжелые пшеничные колосья, опускает листья подсолнух. Горячей серой лентой тянется дорога, и путник, шагающий по ней на север, начинает жалеть, что в такой зной ушел от студеной Кубани.

И вдруг встречается тихая речка, точно задремавшая от жары. По ее берегам привольно раскинулись сады, огороды, хаты, фермы богатого колхоза.

– Что за станица? – спросит отдохнувший путник, напившись в какой-нибудь хате холодного молока, смыв с себя дорожную пыль и усталость в светлой речке.

– Это не станица, а хутор Первая Речка Кочеты, – ответят ему.

Пройдет путник еще десяток километров и снова встретится тихая речка и хутор – Вторая Речка Кочеты. Через несколько часов ходьбы – Третья Речка Кочеты.

И удивляется путник: что это за петушиный край? Почему все речки в честь кочетов названы?

А названия эти старинные, еще с тех времен, когда командовал здесь русским войском Александр Васильевич Суворов. От него эти названия и пошли.

Дело было так. Как приехал на Кубань Александр Васильевич, то отдал своим войскам строгий приказ не обижать адыгейцев и другие горские народы; завелось у него среди горцев много добрых друзей-кунаков, любивших его за справедливость и простоту. Мирно и дружно, как добрые соседи, зажили русские и адыги.

Недовольны были этим только турецкие визири, которые думали прибрать к рукам кубанскую землю и продать ее английским господам. Послал турецкий султан на Кубань многочисленное войско и поручил своему паше – генералу собрать всех турецких прислужников – пши да орков – и отнять у русских Кубань.

Насыпали тогда суворовцы у брода через Кубань валы, поставили пушки. Сунулся паша со своими янычарами и дружинами верных турецких псов-пши к крепости, а орешек-то оказался не по зубам. Хоть было русских втрое меньше, чем турок, а так врагов своих встретили, что потерял паша охоту лезть на крепость, когда там Суворов со всем своим войском стоит. Но турок тоже был опытный воин и решил русских взять измором. Оставил он половину своего войска за Кубанью, а конницу отправил в обход крепости и велел перехватывать все обозы, которые шли к Суворову.

Плохие времена наступили для суворовских богатырей: и хлеб к концу подходит, – и пороху не достача. А главное – никак не удавалось им по туркам ударить. Выйдут они из крепости, пойдут на север, где засели враги у тихой степной речушки, а тут посыльные мчатся – передают, что турки крепость штурмуют. Вернется Суворов к крепости – турки за Кубань уходят,

а янычары да делибаши безнаказанно в тылу обозы громят, на станицы и хутора нападают.

Оставил тогда Александр Васильевич в крепости небольшой гарнизон, а сам с войском встал лагерем на безымянной степной речке.

– Выжду время... Обману турок и ударю по одной половине их войска неожиданно. А потом и другую половину добыю, – сказал он своим офицерам.

Но и тут ничего не вышло. Никак не поддавался паша на обман, словно знал все приказы Суворова. Только отойдут русские от лагеря, пройдут десяток верст – турки к крепости подступают, их пушки начнут гроыхать, и приходится обратно поворачивать.

В это время пустил кто-то в русском лагере слухок о том, что завелись предатели, которые туркам все приказы Суворова передают заранее. Некоторые прямо на адыгейцев-добровольцев указывали – они, мол, передают.

Был тогда в лагере при штабе Суворова офицер один по фамилии Павлиди. Говорили, что прислали его из Петербурга присматривать за Александром Васильевичем и обо всем цариче доносить. Вел себя этот Павлиди в лагере, как хозяин – никого не слушал, всем командовать пытался, хвалился, что он родственник греческого царя и что со всеми петербургскими вельможами за ручку здороваётся.

И вот явился этот Павлиди в палатку к Суворову, задрал высоко свой горбатый нос, выкатил черные глаза и говорит:

– Господин генерал! Черкесы, которых допустили вы в лагерь, – предатели. Они все ваши приказы туркам передают. Их надо немедленно расстрелять.

Посмотрел на него Александр Васильевич, расстегнул свой старенький мундирчик и спрашивает:

– А какие вы к этому доказательства имеете, господин Павлиди?

– Само дело показывает, что ваши приказы известны туркам. Кто же, кроме черкесов, передавать их может?

Покачал Суворов головой.

– Нет! Не согласен я с вами, господин Павлиди. Не пойман – не вор. Не буду я своих друзей-кунаков обижать, они вместе с нами против турецких супостатов воюют...

Запыхтел тут Павлиди, посинел от злобы его длинный нос.

– Как угодно, господин генерал. Мой долг предупредить вас. А не хотите слушать, так я государыне отпишу, – прохрипел он и вышел из палатки.

Утром зачитали в лагере новый, приказ Суворова: ночью, как запоют первые кочеты, подниматься и форсированным маршем идти на турок. Как прокричат вторые кочеты, быть у второй речки. С третьими кочетами ворваться в турецкий лагерь и разбить врага.

Настала ночь, темная, беззвездная. Облака небо закрыли. Лягушки в речке перекликаются – к дождю.

Только уснули солдаты, как вдруг над лагерем разнесся петушиный крик, громкий, залиvistый.

– Что за чудеса? Не бывало этого, чтобы в такое время кочеты кричали, – удивлялись солдаты, торопливо разбирая оружие и строясь в колонну.

А кочет кричит, как на заре:

– Ку-ка-реку! Ку-ка-реку!

Двинулась колонна широким шагом, по-суворовски. Так шагали солдаты, что рубахи на них взмокли. Не дошли версты до второй речки, как вдруг раздалось впереди:

– Ку-ка-реку! Ку-ка-реку!

– Братцы! Вторые кочеты кричат, а мы еще до речки не дошли. А ну, бегом! – крикнул кто-то.

Перебежали вброд речку, остыли немного, вылили воду из сапог – и дальше.

– Ночь сегодня, видать, особенная – кочеты не вовремя кричат, – переговаривались солдаты.

Еще полночь не наступила, когда вышли русские к хутору у степной речки, где стояли лагерем турки. Как волчьи глаза, засветились между деревьями костры. Послышалась турецкая протяжная песня. Тихо, без шума и разговоров, обложили русские турецкий лагерь со всех сторон.

И тут снова закричал кочет:

– Ку-ка-реку! Ку-ка-реку!

Рванулись русские солдаты вперед. И когда бежали мимо рощицы, увидели: стоит казак, держит двух лошадей, а рядом с ним Александр Васильевич Суворов – приставил ладони ко рту и кричит по-петушиному:

– Ку-ка-реку! Ку-ка-реку!

И так похоже, точно настоящий кочет.

Загремело тут русское могучее «ура», сверкнули штыки. Турки не ждали нападения, и мало кто из них успел за оружие схватиться. Большинство спронеся сдаваться стало или бежать пустилось.

Захватили тут русские много пленных, оружие, обозы и почти всех турецких коней взяли.

Тогда Александр Васильевич дал приказ: оставить караул при пленных и обозах, а остальным садиться на турецких коней и спешить обратно.

Чуть-чуть светать начало, когда подошли русские солдаты к своему лагерю. И тут стало слышно, как закричали в крепости первые петухи.

Теперь настоящие кричат! – засмеялись солдаты, слезая с коней и строясь в колонну.

Как только запели вторые петухи, ударили по крепости пушки, послышался вой и визг янычаров, идущих в атаку. И двинул тут Суворов свои войска, отрезая турок от реки. В ту ночь было уничтожено почти все турецкое войско. На вражеских лодках переправились русские солдаты за Кубань и захватили ковровый шатер турецкого паши-генерала, еле-еле успел он сам ускакать.

Возле шатра нашли повешенного.

Сняли его с дерева, взглянули, а это петербургский офицер Павлиди. Потом уже от пленных турок узнали, что был он турецким шпионом и сообщал паше все приказы Суворова. Получил предатель от паши немало золота. Много вреда принес русским, а в эту ночь попал впросак и турок подвел. Увидел паша, что обманул его Суворов, недоглядел шпион, погибло турецкое войско, и приказал повесить предателя.

Прошли годы. На безымянных степных речках построились хутора. И в память ночного суворовского похода, когда кричал Александр Васильевич по-петушиному, назвали казаки речки и хутора: Первая Речка Кочеты, Вторая Речка Кочеты, Третья Речка Кочеты.

Как казак Наполеона в плен брал

Маленькая тихая речка, как серебряный наборный пояс, протянулась через луг. Она блестела под солнцем, но там, где падали тени редких облаков, на сверкающей поверхности проступали темные узоры. Далекий лес казался похожим на цепь родных Кавказских гор. А березка? Стройная, белая березка, опустившая зеленую голову к воде, на кого она похожа? На далекую девушку, на Марусеньку. Ну, конечно! Вот так же стояла Маруся на берегу Кубани, понутив голову, когда уходили казацкие сотни в далекий поход...

Молодой казак Семен Чепега еще раз посмотрел на березку и вздохнул. Далека родная станица! Много верст лежит между ним и русоволосой Марусей! На Кубани уже, наверное.

гнутся к земле тяжелые колосья, а в садах пламенеет золото жерделей!

А здесь, на севере, все еще весна – нежная, пугливая, застенчивая. Ой, непохожи вы подмосковные края, на кубанские! Бледнее здесь небо, тише реки, беднее земля. И все же чувствует сердце, что это – Родина! Так же широко льется здесь русская речь. Так же в деревнях женщины долго смотрят вслед проходящим войскам, вздыхают и крестят солдат дрожащей рукой. А вчера старуха в подмосковной деревушке назвала Семена ласковым, нежным словом: «Сынок».

Нельзя отдавать родную землю врагу – нет этого в боевых законах русских воинов! Но все дальше и дальше идут французы. Казаки атамана Платова только задерживают их, охраняют тылы отступающей армии да в лихих неожиданных налетах выливают свою ярость.

И всему этому виной – он, французский царь, с таким громким именем «На-поле-он»!

«Вот захватить бы его, этого самого французского Наполеона, да привести к атаману Платову! Или, еще лучше, к самому Багратиону!»

Молодой казак даже заулыбался от этой мысли. Недавно влились кубанские сотни в войска Багратиона, но все кубанцы уже полюбили этого невысокого, быстрого, горбоносого генерала. В блеске его темных глаз, в

звуках гортанного голоса, в том, как он прямо держался на коне, было что-то родное, кавказское...

За спиной казака тревожно захрапел конь. Семен обернулся. Двенадцать всадников показались из леса. Солнце играло на золотом шитье их мундиров, на пышных эполетах. Ветерок колыхал перья на шляпах. Впереди ехало двое: высокий, красивый офицер в голубом мундире с блестящими орденами и маленький грузный человек в простом сером сюртуке.

Всадники медленно двигались к густому осиннику, где скрывался казачий пикет.

– Дядя Михайло! Проснись! Францы! – прошептал Семен.

Одновременно он тихонько похлопал своего коня по лоснящейся шее. Маленький, быстрый казачий скакун послушно поджал ноги и лег на землю.

Старый казак, сладко спавший в траве, моментально проснулся и гибко вскочил на ноги. Он выглянул из-за молодой осинки, и карие глаза его стали хищными, как у коршуна.

– И-их! Генералы! И сам Наполеон, видать! Карауль-ка их, Семен! Я мигом к сотнику слетаю! Может, возьмем их!

Он нырнул в густой осинник. Чуть слышно звякнули стремяна его коня – и стало тихо.

Всадники приближались. Маленький человек в сером сюртуке уверенно правил рослым, белым, как молоко, скакуном. Высокий, в голубом мундире, что-то записывал, склонившись к голове своего гнедого коня. Сзади них, блистая шитьем мундиров, звеня оружием, разговаривая, ехали остальные.

«Который из них Наполеон? – раздумывал Семен. – Наверно, передовой! Неужели этот, толстый, на белой лошади? Да нет! Одежда у него слишком простая! Должно, второй! Недаром столько золота и орденов на его мундире!»

Французы остановились всего в двух десятках шагов от казака. Высокий что-то спросил у толстого и, повернувшись назад, бросил отрывистую фразу. Сейчас же один из всадников начал сигналить платком.

Семен почувствовал, как от возбуждения капли пота выступили на его лбу. Он закусил свои тонкие рыжеватые усы, торопливо, трясущимися пальцами отвязал от седла аркан, сплетенный из конского волоса, и прошептал:

– Эх, была не была!

Плавным, быстрым движением он бросил волосяную веревку и свистнул. Его привычный конь, ломая осинник, вскочил на ноги. Семен был уже в седле.

– Эх! Выручай, милый! – крикнул казак, ударив коня.

Встряхнув косматой гривой, степной скакун помчался в заросли осинника. Аркан дернулся. Тяжелое тело натянуло его. Сзади слышались крики и ударили пистолеты. Пули провизжали мимо казака.

Конь мчался по зеленому берегу реки. Семен обернулся. Сзади волочилось и подпрыгивало тело пленника. Бились вражеские кони, продираясь сквозь заросли.

«Скорее бы в овраг!» – подумал Семен.

Конь прыгнул с обрывистого берега в топкий овражек. Казак остановил его и стал выбирать аркан. Вот на обрыве показалось тело пленника. Казак прижал коня к краю оврага, и, ухватив врага за обрывки голубого мундира, перебросил через седло.

Французы уже выбрались из осинника и скакали к оврагу.

– Эх, пошел, конек мой верный – кубанская кровь! – крикнул казак и свистнул.

Конь рванулся вперед. Он помчался по оврагу, разбрызгивая грязь и ломая кусты. Густой тальник хлестал казака, пригнувшегося к луке.

«Французские кони непривычные, загрузнут в грязи!» – подумал казак.

Снова сзади ударили выстрелы, и точно стая шмелей прожужжала мимо Семена.

– Эй, французы! Ау! Не достанете! – крикнул, обернувшись, казак, когда его конь завернул в лесок.

В глубине леса он остановил коня и стащил пленника на землю. Голубой мундир разорвался о кусты, белые узкие штаны были измазаны грязью. Пленник стонал, откинув в беспомощности красивое бледное лицо с черными бакеннами. Глаза его были закрыты, и кровь выступила на тонких губах.

«Он самый, Наполеон», – решил Семен, осмотрев целый десяток орденов и медалей, звеневших на груди у француза.

Казак завернул пленника в бурку, положил поперек седла, вскочил на коня и неторопливо двинулся дальше.

«Теперь, небось, конец войне! Не пойдут дальше французы без своего Наполеона», – думал он.

Лес кончился. И сразу же за последними дубами, шумевшими молодой, зеленой листвой, встретился казак с целой толпой конных офицеров. Впереди на рослом красавце коне ехал сам Багратион. Взглянув на вьюк, завернутый в бурку, генерал нахмурил брови и остановил коня.

– Стой, казак! Что это за дуван везешь? – строго спросил он.

– Не дуван это, ваше сиятельство, – ответил казак. – Это я его, самого французского Наполеона заарканил...

– Что?! – удивился Багратион. Офицеры тесным кольцом окружили казака.

– Так что он, ваше сиятельство, на разведку выехал... а я его арканом из осинника достал...

Густые черные брови генерала удивленно метнулись вверх. Он спрыгнул с коня, возбужденно выкрикнул: – А ну, давай его сюда!

Офицеры расступились, когда Семен снял с коня вьюк и опустил его на землю. Стройный молодой офицер торопливо развернул бурку.

Француз уже очнулся. Багратион заговорил с ним на: плавном непонятном языке. Потом улыбнулся, положил руку на плечо казаку и сказал:

– Это не Наполеон, друг! Бросая аркан, ты ошибся всего на один аршин!

– Как не Наполеон, ваше сиятельство?! – закричал казак. – Да ведь он впереди всех ехал... Он и еще один, толстый, на белом жеребце... А орденов и золота у этого на мундире сколько! Больше, чем у других!

– Вот тот, что на белом жеребце, и был Наполеон, – засмеялся генерал. – Это только французский полковник, впрочем, тоже важная птица. А насчет золота – знай: не все то золото, что блестит...

Он взглянул в широко открытые глаза Семена Чепеги, и лицо его стало серьезным.

– А за смелость твою – благодарю, казак! Скажу атаману Платову, чтобы представил тебя к награде! Воюй и дальше так же! Родине нужны такие храбрые воины. Молодец!

Чертов колодец

Жил на хуторе пан по фамилии Борзик. На кургане, над тихим Бейсугом, стоял его большой дом, крытый белым железом. До самой реки опускался панский сад. Каждое лето был этот сад сначала темно-красным от вишен, потом золотым от жерделей, а к осени желтым от яблок. Далеко за Бейсуг протянулись земли пана Борзика. Каждый год наливалась на этих землях пшеница, росли табуны коней и стада овец. И так сумел устроить хитрый пан, что вся земля постепенно перешла к нему – остались у казаков только дворы, огороды и выгон возле дорога, рядом с панским садом.

Да и выгон пан грозился отобрать. – Съезжу в Екатеринодар и высушу его у вас, – говорил пан. – Докажу, что этой землей деда мои владели... Лучше сейчас платите мне за выпасы, а то дороже выйдет!

С каждым годом богател пан Борзик, но оставался все таким же бледным, худым, похожим на старого кочета. Целыми днями ходил он по своим полям, крутил длинным тонким носом, водил желтыми круглыми глазами и вздыхал. Увидит, что казак-батрак рассыпал горстку пшеницы, и завздыхает:

– Эх, эх! Грабите вы меня, старика! Скоро по миру пустите! Ишь, вот зерно рассыпал. Бог тебя покарает на том свете, а на этом ты мне два денька отработаешь...

Заметит, что батрачка каплю молока на землю пролила, и опять завздыхает:

– Эх, эх! Разоряете вы меня! Бог тебя на том свете накажет, а на этом ты мне четыре денька без денег отработаешь... Эх, эх!

Грызла пана лютая черная жадность. И чем больше росло его богатство, тем скупее он становился. Всегда так бывает. Жадность, как снег в степи: чуть зацепится за бугор пяток крупинок – глядишь, еще и еще цепляется, пока не вырастет целый курган-сугроб.

А когда выкопали казаки у дороги, возле панского сада, колодец и начали доставать из него прозрачную, холодную и сладкую воду, потерял старый пан последний покой.

– Э, эх! Грабители! Мою воду пьете да еще на землю плещете! Вода-то, небось, моя! Жила из-под моего сада идет! А вы берете бесплатно! Эх, эх!

Услышал его молодой казак Трофим Рожков и крикнул:

– Куда деньги будешь девать, пан? В гроб с собой не возьмешь! Ничего мы платить тебе не будем – наш колодец, наша и вода!

Рассердился пан, заплевался, закрутились его желтые глаза, и начал он ругаться:

– Грабители вы! Абреки! Покарает вас господь, а я судом свое возьму!

Однако в суд дело пан все же не передал, потому что слишком ясной была казачья правда. Чтобы очернить ее даже в неправом царском суде, нужно было пану отсыпать добрую сотню золотых червончиков. А пан не любил с червончиками расставаться.

Так и брали казачки воду из своего колодца, пока не завелась в нем эта самая чертовщина...

Стала как-то казачка спускать цибарку в колодец, а там что-то вдруг как затрепыхается, как застонет:

– Угу! Угу! Угу!

Обмерла женщина, но все же заглянула вниз и видит: в самой глубине, в темноте, шевелится что-то мохнатое, машет, вроде как крыльями, и стонет глухо и страшно:

– Угу! Угу! Угу!

Упустила тут казачка свое ведро и бегом на хутор. Бежит и кричит:

– Ой, беда! В нашем колодце чертяка завелась... Черная, лохматая! Чуть-чуть меня не утащила, а цибарку мою унесла...

Весь хутор всполошился. Собрались все женщины – и туда. Тихо-тихо подкрались понад плетнем панского сада и давай заглядывать в колодец. Темно там, спокойно, только вода на дне чуть поблескивает. Нашлась одна казачка посмелее, стала опускать цибарку. Дошла цибарка до воды, зачерпнула – и ничего. Стали тогда смеяться женщины:

– Вот дура! Нет никакого черта, почудилось!

– Да ты, небось, не черта, а себя в воде увидела! И спустили в колодец сразу пяток ведер.

Тут что-то в колодце опять как заворошится, захлопает, застонет:

– Угу! Угу! Угу!

Побросали казачки ведра – и ходу на хутор. Всем скопом прямо в хату к бабке Матрене ввалились. А эта бабка по всей округе была известна как

самая знаменитая ворожея. Начали ее упрашивать казачки, чтобы выгнала она чертяку из колодца.

Подняла бабка серые мутные глаза, тряхнула сухой сморщенной головой и прошамкала:

– Можно! Несите-ка, красавицы, с каждой хаты по курице... А у кого их нет – можно и утку, разрешаю...

Уже к вечеру снесли женщины со всего хутора к ней и кур, и уток, и гусей. Остригла тогда бабка клочок шерсти со своего черного кота, нащипала девять перьев с белых кур, взяла цибарку и заковыляла к колодцу. Только одна она и подошла к срубам, а остальные женщины у плетня остановились. Прижались к плетню, стоят и, чуть дыша, за бабкой наблюдают.

Пустила бабка перья в колодец и давай шептать. Шептала на восход, шептала на закат, а потом положила шерсть в цибарку и начала спускать ее на веревке в колодец. Только коснулась цибарка воды, вдруг ее кто-то как дернет вниз, да как заухает:

– Угу! Угу! Угу!

Бабка Матрена с перепугу прямо в лужу села, раскрыла беззубый рот и обмерла. А казачки – бегом к хутору.

Уж смеркаться стало, когда бабка Матрена кое-как добралась до хутора и простонала:

– Ой, бабоньки! Нет моей власти над этим чертякой. Потому, чертяка эта особенная, не простых, а дворянских чертячих кровей...

Когда замигали первые звездочки, вернулись казаки со степи. И пошла тут по хатам война. Казаки у жилок сладкой воды из нового колодца требуют, а те им; солонцовую из старых колодцев дают. Ну, ясно, кое-кто жинок за косы...

Жинки кричат:

– Чертяка в колодце завелась... А казаки другое твердят:

– Бабы испортились, лень у них завелась... Поздно ночью один казак, георгиевский кавалер, взял цибарку и сам пошел к колодцу. Луна взошла и своим светом, как медом, землю поливает. А деревья в панском саду стоят темные, строгие, и синие тени от них стелются. Только подошел казак к колодцу – видит: сидит на плетне что-то большое, лохматое, черными крыльями хлопает и вдруг как закричит: – Угу! Угу! Угу!

Плюнул казак, выругался, но все же повернул обратно к хутору, потому что хоть и Георгия за храбрость в турецкую кампанию получил, а с чертями связываться непривычно! Пришел на хутор и сообщил:

– Правду говорят бабы! Завелся в колодце чертяка. Молебн надо служить!

Наутро снесли попу кур и гусей. Нарядился батя в ризу, походил вокруг колодца, погнусавил, дыму напустил и ушел домой.

Стали набирать бабы воду – ничего, тихо в колодце. Казаки поехали в степь, казачки занялись делами: по хозяйству.

Только в полдень снова поднялся по хутору крик. Прибежала одна хозяйка от колодца, бледная, заплаканная, волосы растрепались:

– Опять сидит нечистый! Угукает и цибарку мою утащил...

Вечером собрались казаки на сход и стали думать, как черта из колодца выгнать. Одни говорили, что к архиерею в Екатеринодар надо податься, другие твердили, что, наоборот, ведьму надо найти. А самый древний старик заявил:

– Ничего не выйдет, казаки! Если чертяка завелся в колодце, ничем его не выгонишь... Так и будет: чертов колодец...

Только Трофим Рожков стоял и молчал. Но ему и говорить не полагалось – куда соваться молодому, когда старики спорят... Спорили много, но ничего решить не могли.

Вдруг кто-то из темного угла сказал:

– Хотите, я выгоню черта, казаки? Я такое заклятие знаю, что ни один черт не устоит!

Оглянулись все и видят: сидит в углу пан Борзик, огнем горят его желтые, кошачьи глаза, усы до, худых плеч свисают. Сидит и улыбается.

– Просим, пан! Попробуйте! – ответили казаки.

– Точно, что выгоню черта, – всеми кривыми желтыми зубами оскалился пан. – Только вы мне дадите за это двадцать червончиков!

Заскучали тут казаки. Конечно, хорошо опять пить свежую и сладкую воду из нового колодца, да откуда деньги взять?

Несколько дней никто не ходил к чертову колодцу. Пили казаки солонцовую воду, ругались и начали уже поговаривать о том, что придется, пожалуй, продать кое-что из скотины и заплатить червонцы пану.

Один лишь Трофим Рожков ничего не говорил, только улыбался. Смелый был казак Трофим Рожков – не боялся ни бога, ни черта! Порешил он сам выгнать нечистого из колодца.

Поздно ночью, когда «а всем хуторе не спали только собаки, побрехивающие на луну, взял Трофим веревку покрепче, прицепил к поясу острый дедовский кинжал и пошел к саду пана Борзика.

Вот и колодец. Заглянул казак в глубину – ничего страшного не видно: круглая луна купается в воде да две звездочки поблескивают рядом. Привязал Трофим веревку к срубу, взял в зубы кинжал и стал спускаться, опираясь ногами о камни. Вот уж и вода близко. И тут вдруг ушла нога казака в пустоту.

«Что за бесовщина?! – подумал удалец. – В стене какая-то дырка получилась! Или это чертова нора».

Влез он в нору. Темно в ней, ничего не видно, а только чувствуется, что идет ход куда-то вбок и кверху.

«Как бы не ухватил меня здесь чертяка! – подумал Трофим. – Но какой же ты казак будешь, если черта испугаешься! Полезу вперед!»

Выставил он вперед кинжал и пополз по наклонному ходу. Долго полз. И вдруг видит, что кончился чертячий ход. Свежий ветерок пахнул в лицо сладким запахом яблок. Листья деревьев зашумели над казаком. Оглянулся Трофим вокруг: впереди стена дома белеется, сзади плетень.

«Э! Да я ведь в саду у пана Борзика! Вон какой черт в колодце угукает», – догадался казак и засмеялся.

И сейчас же залаяли панские собаки, зашуршали листья под их лапами. Нырнул Трофим поскорее в нору, выбрался из колодца и побежал домой.

Утром шли казаки в степь – глядят, а Трофим достал старую дедовскую пищаль и засыпает в нее добрую осьмушку пороха. Потом пыж забил и давай крупную соль сыпать.

– Что делаешь, Трошка? В кого это ты солью стрелять удумал? – спросил самый старый дед.

– В черта, дедушка! – ответил казак.

– Тю, дурень... Да разве черта солью возьмешь? Черта только гвоздями, освященными самим архиереем, можно сбить!

– А она у меня не простая, а заговоренная! – засмеялся Трофим.

Стали казаки переглядываться да чесать чуприны. А Рожков, знай, смеется: купил он эту самую соль в лавчонке на базаре.

Вечером, когда солнце стало спускаться на покой, накинул Трофим на плечи бурку, схоронил под ней пищаль, взял цибарку с веревкой и пошел к колодцу. А за ним весь хутор отправился.

Подошел Трофим к колодцу, стал цибарку спускать.

Посмотрели вниз казаки: ничего не видно, кроме чистой серебряной воды. Ударилась цибарка о воду, замутилось ясное зеркало на дне колодца. И вдруг мелькнула в сумраке лохматая тень. Кто-то схватил ведро и заухал:

– Угу! Угу! Угу!

Женщины – сразу кричать... Даже казаки попятились – так страшно застонал черт. А Трофим выхватил из-под бурки пищаль, да и выстрелил вниз, в колодец.

Здорово грохнула старая дедовская пищаль – недаром всыпал туда Трофим осьмушку пороха. Даже в ушах зазвенело у казаков.

С тех пор исчезла нечисть из колодца.

А Трофим Рожков на следующее утро прямо к пану Борзику пошел. Не пускали его сначала панские слуги, говорили, что заболел старый пан. Но потом, когда сказал Трофим, что умеет заговаривать любые болезни, допустили его в горницу.

Лежал Борзик в постели на животе и стонал. Неизвестно, что нашептывал ему Трофим – всех он выслал из горницы. Но вскоре позвал старый пан к себе приказчика и велел написать бумагу, в которой полностью признавал права казаков на выгон; И колодец признал хуторским, а не панским. И шубу подарил Трофиму с собственного: плеча.

Долго удивлялись казаки и даже сам приказчик: чего это вдруг расщедрился жадный старый пан – и с Трофимом обошелся по-хорошему, и бумаги выправил, как полагается. Только шуба была дрянная, дырявая: сзади, от самого ворота до полы, была она, как решето, будто нарочно в ней кто-то дыры сверлил.

Вот с тех пор и зовут старый колодец, что стоит возле колхозного сада, Чертовым колодцем. Название у него плохое, а вода – лучше не бывает! Нигде не найти такой студеной, сладкой и чистой воды!

Правильный поручик

Было это в те годы, когда пытались заморские английские господа да султан турецкий прикарманить кубанскую землю. Как гадюки подлые, напозли в адыгейские аулы турецкие да английские шпионы и давай адыгов своей ядовитой брехней отравлять. Чего только не ввалили они – говорили, что русские хотят адыгейскую землю захватить, а всех адыгейцев перебить; твердили, что русские – нечистые, гяуры. Соловьями разливались, обещая тем, кто пойдет воевать против русских, и оружие, и славу, и золотые английские монеты. Султанские приспешники – пши да орки силой заставляли адыгейских джигитов с русскими воевать, торговали кровью своего народа. В то время пришел сюда, на берега студеной Лабы, Тенгинский полк и начал строить здесь укрепление – станицу. Шумели тогда в этих краях вековые леса. В реке было столько рыбы, что казаки шароварами ловили ее. А в степи, на плодородном черноземе, бушевали могучие травы выше человеческого роста.

Строили солдаты хаты и мечтали о том, как хмельной весенней зорькой пройдут они с сохой по этой нетронутой степной целине, как прорастут пшеничные зерна и вместо диких трав зашумят в степях хлеба, как заплещутся вокруг розовым морем сады.

Но кругом полыхала война. Ночами к самой станице подползали лихие джигиты и кинжалами снимали часовых. Пойдет казак в лес, только зайдет в кусты, как вдруг гулко грохнет откуда-то турецкий мултук – и нет казака.

– Пришло как-то в станицу Тенгинскую пополнение – сотня солдат и несколько офицеров. Прибыл с этой «оказией» молодой поручик – худощавый, маленький, быстрый.

Прошло немного времени, и заметили солдаты, что не похож этот поручик на остальных офицеров. Другие все привычными, понятными были: то в карты режутся, то чихирь пьют, то подвигами своими хвастают. А этот все один да один. Выйдет на берег Лабы, сядет на камень, смотрит, как бурун буруны догоняет, что-то шепчет и в книжечку записывает. А глянет – так страшно становилось от его взгляда, столько в нем тоски было.

Потолковали между собой солдаты и решили, что тоска эта от страха: боится, мол, офицерик под пулю угодить, потому и невеселый такой.

Но вскоре убедились солдаты, что поручик не трус, а храбрый до отчаянности. Купил он у казаков гнедого черкесского коня, дикого, быстрого, как ветер, и начал чудить. Другие офицеры за палисад боятся выйти, потому что кругом из-за каждого куста пули жди, а поручик заседлает коня, возьмет пистолеты да шашку и уезжает в степь или по берегу Лабы, как бешеный, мчится. Стреляли в «его не раз, бурку проббили, картуз как-то

сшибли, а ему все нипочем. Зачем ему была нужна такая лихость, никто догадаться не мог. И прозвал» между собой солдаты нового офицера «чудным поручиком».

Служил в ту пору в Тенгинском полку старый бывалый солдат Иван Секачев. Двадцать лет тянул он солдатскую ляжку, и уважали его не только солдаты, но и офицеры – «белая кость». В бою он был отважен, после боя – добр и приветлив, настоящий русский солдат.

Среди офицеров только один попался, который не уважал седин старого солдата, не ценил его отвагу и сметливость. Был в полку князек какой-то из Петербурга. Говорили, что сослали его на Кавказ из царской гвардии за растрату казенных денег. Так вот этот князек и донимал Секачева и других солдат злыми выходками.

Придрался как-то он к Секачеву, что честь, мол, он неправильно отдает. И придумал такое издевательство: надел свой белый офицерский картуз на столб, к которому коней привязывали, и велел старому солдату два часа маршировать мимо столба и честь картузу отдавать. Гоняет князек Секачева по солнцепеку, а сам присел в тени и наблюдает, скалится от удовольствия, как хорь на куру, и еще командует:

– Ногу выше, скотина!

Марширует старый солдат, потом обливается. И вдруг видит, из-за домов вышел поручик, посмотрел на него, послушал, как князек ругается. Передернулось лицо у поручика. Направился он легкой своей походкой к столбу и, не доходя несколько шагов, подобрался весь и тоже отдал честь белому картузу.

Князек даже подскочил от злости и закричал:

– Поручик! Почему вы не меня, а этот столб приветствуете.

А поручик подошел к нему, улыбнулся кривой усмешкой – и ответил:

– Так вы же сами, господин штабс-капитан, доказываете, что нет никакой разницы между вами и этим столбом, картуз на него свой надели, козырять ему заставляете солдата. А для меня даже приятнее этому столбу честь отдать, чем вам, – столб пользу приносит, к нему коней привязывают...

Князек даже позеленел от злости.

– Это оскорбление! Не угодно ли, господин поручик, дать мне за это удовлетворение!

– Когда хотите, господин штабс-капитан, – пожал плечами поручик.

Сверкнули его большие темные глаза, и вдруг выхватил он пистолет, взвел курок и почти не целясь выстрелил в картуз. Подбежал князек к столбу, схватил свой картуз, а в нем дырка, в самой середине, там, где лоб штабс-капитанский приходится.

Затряслись руки у князька, и крикнул он Секачеву:

– Пошел вон!

А сам в другую сторону подался.

Во второй раз поручик его проучил, когда напали на станицу турки. Посылал тогда князек солдат на верную гибель, напрямик через поляну, под

вражеские пули. А сам сзади за палисад прятался. Увидел это поручик и вдруг крикнул ему.

– Русский офицер всегда пример своим солдатам показывает! Поидемте впереди, штабс-капитан...

У князька даже поджилки затряслись от страха. Не решился он идти под пули. И солдат задержал, чтобы скрыть свою трусость.

С тех пор стали звать солдаты молодого офицера «правильным поручиком». Полюбили его, во время боев от пули, от шашки вражеской прикрыть старались.

Только все солдаты замечали, что держится поручик как-то особняком, разговаривает мало, а в глазах у него боль какая-то...

– Грызет, ребята, нашего поручика какое-то лютое горе, – говорил Секачев товарищам. – Потому он и под пули суется. Успокоить надо человека. Надо, чтоб высказал он, что его точит... Выскажет – легче станет...

И как-то, когда поручик, ссутулившись, сидел на берегу Лабы, Иван Секачев заговорил с ним:

– Что это вы грустите все, ваше благородие? Зачем понапрасну под пули лезете? Ведь молодой вы... Вам жить да жить.

Поднял офицер на солдата большие темные глаза, дрогнули у него над губой усики.

– А зачем мне жить, братец, коли томимся мы все в тюрьме? Душа свободы просит... Свободы или смерти...

Удивился тут Иван Секачев. Кругом приволье дикое, солнце горячее да радостное, леса шумят, степи медовым запахом дышат, а офицер о тюрьме говорит.

– Непонятно, ваше благородие! Посмотрите – простор какой, а вы про тюрьму говорите...

Дрогнуло лицо поручика, такая горячая тоска в глазах у него загорелась, что старый солдат опустил взгляд.

– Какое приволье, братец! Все мы в тюрьме, все мы в кандалах, за каждым жандарм в голубом мундире смотрит. Ты вон, наверное, уже не один десяток лет о своей деревне, о семье мечтаешь, а попробуй уйти домой...

Вздыхнул тут старый солдат и долго молча стоял рядом с поручиком, глядя, как плясали и пенились быстрые волны реки.

Через несколько дней вернулся в станицу из-за Лабы казачий отряд. Привезли казаки с собой пленницу – худенькую черноглазую девочку-адыгейку, взятую в горах. Поселили ее у пожилой казачки Марфы, разрешили ходить по станице, но зорко стерегли, чтобы не убежала.

Девочка была дикая и пугливая, как горная козочка. Целыми днями она просиживала в темной горнице. Когда кто-нибудь заходил туда, она забивалась в угол, сжималась в комочек, дрожала и поблескивала большими глазами. Вечерами Марфа чуть не силой выводила ее на берег Лабы подышать свежим воздухом. Девочка садилась на берегу и горячими печальными глазами смотрела за реку. Она не пыталась бежать, понимая, что из этого ничего не выйдет – ведь если она бросится в воду, караульный казак

на коне сразу же догонит ее.

Иногда девочка пела. Тоскливые, протяжные звуки рождались в ее груди, и слезы катились из ее карих глаз. И бывало, что на звуки этой песни из зарослей диких яблонь, на другом берегу, к самой Лабе выезжали адыгейские джигиты. Они долго маячили у светлой кромки воды, пока караульный не спугивал их выстрелом.

«Правильный поручик» почти каждый день приходил слушать пение девочки. Несколько раз он пытался конфетками ее угощать, спрашивал ее имя. Но пленница замолкала, закрывала лицо рукавом, и только ее большие глаза испуганно смотрели на офицера.

Как-то несколько дней шел дождь. Река разлилась, помутнела и неслась мрачная, яростная, с корнем вырывая высокие деревья, оглашая все вокруг гневным шумом.

Перед вечером из-за туч выкатилось солнце, и кровавые отблески замелькали на желтой быстрине Лабы. Девочка-адыгейка, как обычно, уселась на берегу, взмахнула широкими рукавами, словно птица крыльями, и запела. На другой стороне реки показалось трое джигитов, Их кони замерли возле самой воды, неподвижно застыли всадники, точно чернью нарисованные на розовом закатном небе. Караульный казак даже не вскинул ружья – он видел, что пуля не перелетит разлившийся поток. Он только нахмурился и кулаком погрозил джигитам.

Из-за хат к берегу медленно подъехал поручик. Его бурка, сапоги, темно-гнедой конь – все было забрызгано грязью. Он только что вернулся из дальней прогулки.

Девочка смотрела, смотрела за реку, потом вдруг вскочила, взметнула руки и с разбегу прыгнула с невысокой кручи в воду. Набежавший вал ударил ее, покрыл с головой, швырнул в быстрину. Где-то внизу мелькнуло ее бледное лицо и черная коса.

Поручик ударил шпорами коня. Скакун вскинул голову, затоптался на месте и, разбрызгивая комья глины, ринулся в воду.

– Ваше благородие! Куда вы? Пропадете, – крикнул караульный и выстрелил в воздух.

На скаку ловя ногами стремя, к берегу помчался дежурный казачий наряд. Далеко внизу в воде мелькнуло черное крыло бурки, оскаленная морда коня.

– Сгибли! И офицер и полонянка сгибли, – крикнул передовой казак, галопом мчась вдоль берега.

По другой стороне Лабы, разбрызгивая воду, скакали джигиты-адыги.

– Хлопцы, глядите! Вытащил он девчонку! На седло взял, – вдруг закричал один из казаков.

– Вытащить-то вытащил, да сам пропал... Его к тому берегу, прямо к черкесам сносит, – отозвался передовой.

Могучим рывком усталый конь выпрыгнул из быстрины на отмель. Было видно, как офицер, одной рукой сдерживая скакуна, нагнулся над

спасенной девочкой. Выхватывая на скаку кривые клинки, к нему мчались джигиты.

– Сгиб! Сейчас собьют, – вздохнул казак.

– Может, пугнуть из ружья? – спросил второй.

– Пустое дело! Не долетит пуля... Ишь, Лаба какая широкая да яростная.

Передовой джигит был уже возле поручика. Тот бережно, обеими руками протянул ему неподвижное тело девочки.

– Взял – тихо сказал один из казаков.

Джигиты и офицер слезли с коней и нагнулись над девочкой, положенной на песок.

Казаки столпились у воды, вглядываясь в другой берег. Девочка приподнялась, села и протянула руки к одному из горцев. Джигиты стали что-то говорить офицеру, горячо размахивая руками. Затем все сели на коней и скрылись в лесу, подернутом синеватой дымкой сумерек.

– В плен увели! Прощай теперь, правильный поручик, – вздохнул кто-то из солдат.

– Кто его знает! Может, и не пропал! Черкес – он тоже сердце имеет... Может, и вернется еще наш поручик, – задумчиво ответил черноусый сотник.

Поручик вернулся через неделю, когда Лаба уже вошла в свои берега. Вместе с двумя адыгейскими джигитами он выехал из леса, о чем-то поговорил с провожатыми, а затем спокойно, не торопясь переправился через реку. Его встречали и казаки, и солдаты, и офицеры. На поясе у поручика висел серебряный с чернью адыгейский кинжал.

– Теперь он и те черкесы – кунаки, друзья, вроде побратимов, – объяснил сотник.

Не встречал «правильного поручика» только старый солдат Иван Секачев. Несколько дней назад его отправили с турецкой пулей в груди в лазарет в Усть-Лабинскую крепость.

Недолго пробыл в Тенгинской поручик. Пожил он недели три в станице, поездил на своем гнедом скакуне» а затем начальство перевело его в другой полк. Среди солдат прошел слухок, что отправили его из станицы па доносу князька – за дружбу с адыгейскими джигитами, за то, что не давал он издеваться над солдатами.

Когда облетела золотистая листва с деревьев и загуляли по бурой степи холодные зимние ветры, в станицу Тенгинскую прибыла «оказия» и с ней вернулся из лазарета солдат Иван Секачев. Вечером в хате казачки Марфы сошлись самые старые солдаты полка, чтобы поздравить товарища с возвращением. Седоусый, худой, с желтым от лихорадки лицом, сидел Иван Секачев на почетном месте и разливал чихирь.

– Да, братцы, убили нашего «правильного поручика», нет его уже на свете, – вздохнув, сказал Иван.

В полутемной комнате наступила тишина. Бледный огонек каганца вздрогнул, и на стенах запрыгали серые тени.

– Где убили? Кто? Черкесы? – посыпались вопросы.

– Да нет, не черкесы... Офицер один убил, жандарм, наверное... Наш поручик против царя, слышать, писал, чтобы, значит, все свободно жили на своей земле: и русские, и черкесы, и другие... Вот, говорят, за это его и убили...

Старый солдат роздал чарки и предложил:

– Выпьем же за то, чтобы сбылась думка о свободном житье, выпьем за светлую память нашего правильного поручика Михаила Юрьевича Лермонтова! Пусть будет земля ему пухом!

Седоусые солдаты молча чокнулись чарками и под злобный вой зимнего ветра, бьющегося в окна, выпили: крепкий хмельной чихирь.

Как Илья Журба казаком стал

Растет у нас на Кубани такой кустарник – лозняк. Как подует ветер, он ниже любой травы кланяется, а в тихую погоду – выпрямится, поднимет ветки и стоит себе красуется, словно богатырь какой... Наш станичный атаман Тимофей Убийвитер был точь-в-точь как тот лозняк – начальству ниже всех кланялся, а перед простым человеком большого начальника из себя строил.

Надо вам еще сказать, что был Убийвитер, как говорится, казак с головой и умел дела с выгодой для себя устраивать. Свою старшую дочку он умудрился выдать замуж за полковника, который в канцелярии самого Кубанского войскового атамана служил. Вторая дочка нашего атамана была замужем за богатым екатеринодарским купцом. Потому был Тимофей в большой чести у высокого начальства и не знал, куда девать гроши.

В станице он делал все, что захочет, и страшился только одного – смеха. Стоило при атамане каким-нибудь казакам посмеяться промеж себя – как Тимофей сразу выпячивал грудь, хмурил брови и с подозрением смотрел на смеющихся.

И вот как-то пришла весть, что проедет через нашу станицу сам господин атаман войска Кубанского. Что тут началось! Всех казаков Тимофей выгнал равнять дорогу и чинить заборы. Бабам было строго приказано хаты белить. Даже ребятишек Убийвитер к делу приставил – велел улицы подметать и водой сбрызгивать;

Атамана ждали на следующий день утром. И вот еще солнце не успело подняться из-за хат, а станица наша уже вся была на ногах. У правления, возле оседланных коней, дежурила сотня отборных казаков. Правленческий писарь в садочке в сотый раз дрессировал станичный духовой оркестр, в котором было четыре трубы и барабан. На площади толпился принарядившийся народ, а на колокольне сидел самый глазастый казачок и следил за Екатеринодарской дорогой. Сам Тимофей Убийвитер, потный и запаренный, в белой черкеске бегал по улицам и проверял, хорошо ли выбелены хаты и подметено ли возле дворов. Потом Тимофей прибежал на

площадь и, стал осматривать казачьих коней, потому что была всем известна любовь кубанского атамана к отличным лошадям.

Часов в десять, когда все уже здорово умаялись и размякли под жарким солнцем, раздался с колокольни истошный крик:

– Едет! Едет! Пыль аж до неба подымается!

Атаман сорвал с себя шапку-кубанку, перекрестился и подал команду: – Давай!

И сейчас же казаки вскочили на коней, из садочка, как горошины из стручка, брызнули музыканты, а на колокольне запели, заиграли колокола.

Не прошло и пяти минут, как в конце улицы, возле выгона появилось пыльное облако.

Атаман наш соколом влетел на коня, махнул рукой и еще раз выкрикнул: – Давай!

Духовой оркестр грянул, не то «Боже, царя храни», не то Похоронный марш, но так страшно и оглушительно, что у казаков шарахнулись кони. Вперед шагнули станичные старики с хлебом и солью. Соловьями заливались колокола.

– Смир-рно! На краул! – гаркнул атаман и рванул из ножен шашку.

Пыльный клубок докатился до площади, остановился и рассеялся.

И все увидели, что в тачанке, запряженной лихой гнедой тройкой, сидит всего один человек. А когда разглядели, кто этот человек – по площади прокатился хохот. Захлебнулся и смолк: оркестр. Только колокола продолжали свой веселый перезвон.

В тачанке, натянув поводья и улыбаясь, сидел Илько Журба – всем известный цыган-конокрад, лихой, веселый, но неудачливый хлопец. Сколько раз он крал коней – столько его и ловили. А не убили только из-за веселости. Как видно, Илько не рассчитывал на такую торжественную встречу и был поражен ею – яркий рот его под черными усами широко раскрылся от удивления темные глаза стали совсем круглыми. Но находчивый цыган быстро преодолел растерянность. Он встал в тачанке, махнул смоляным чубом и гаркнул:

– Молодцы, казаки! Благодарю за торжественную встречу! Жалую пану атаману нанки на штаны! – Он тронул поводья, и гнедые жеребцы нетерпеливо затоптались на месте. – А теперь, звиняйте – некогда! Спешу по своим делам... Ждут меня жинка моя да ребята малые, так что, прошу дороги!

– Нет, погоди! – недобрым голосом проговорил Тимофей Убийвигер и сердито покосился на колокольню, где все еще заливались колокола. – Откуда у тебя эти кони?

– Нашел – насилу ушел! А догнали б – еще дали! – с лихостью отчаяния ответил цыган. – А что бедному Илько делать? Земли у него нет, а жена, дети есть-пить просят.

– Да я теб-бе! – задохнулся от злости Убийвигер. – Сгною подлеца!

Он обернулся, чтобы позвать тыждневных, и замер с открытым ртом. В нескольких шагах от него остановился новенький щегольский фаэтон, и из-под поднятого верха выглядывали генеральские погоны и седобородое, румяное лицо войскового атамана.

Догадливый писарь махнул рукой, и оркестр нестройно, но оглушительно грянул свою смесь гимна с маршем. И сейчас же, по заранее намеченному распорядку, к фаэтону подошли старики с хлебом и солью.

Войсковой атаман рассеянно принял поднос с хлебом и солью, сунул его в руки своего адъютанта, нетерпеливо выскочил из фаэтона и мелкими шажками направился прямо к Ильковой тройке.

– Эх! Хор-роши кони! – любуясь тройкой, выкрикнул атаман. – Черные лебеди, а не кони!

И тут Тимофей Убийвигер показал себя.

– Ваше превосходительство! – выкрикнул он, молодецки вскинув два сжатых пальца к кубанке. – Разрешите доложить! Владелец этих распрекрасных коней цыган Илько Журба, известный своим трудолюбием и примерным поведением, просит вас принять от него этих лошадей в презент!

– Что?! – недоверчиво и радостно переспросил атаман.

– Так точно, ваше превосходительство! – подтвердил находчивый цыган. – Так что прошу принять от меня этих коней! Куда простому цыгану такие орлы! Не побрезгуйте, ваше превосходительство!

– Вот это уважил, так уважил ты меня, Журба, – растроганно проговорил генерал. – Люблю коней.

– Так я же сразу это подметил, ваше превосходительство, – таким же растроганным тоном подхватил цыган и даже шмыгнул носом. – Я ж только для вас и доставал... то есть растил этих соколов.

– Что хочешь за коней, цыган? Хочешь – тысячу рублей.

– Да нет, ваше превосходительство! Куда мне тысяча рублей! – отмахнулся цыган. – Я о другом прошу! Желая стать казаком, ваше превосходительство! Прошу принять меня в казачье сословие!

– Похвально! Молодец! – обрадовался генерал и подозвал станичного атамана, который в это время высылал казаков за околицу с приказом задерживать и не допускать в станицу всех, кто будет искать гнедых коней.

Так, значит, Журба хорошего поведения? – спросил войсковой атаман.

Отменного, ваше превосходительство! Отлично! – милостиво кивнул цыгану войсковой атаман. – Будешь казаком! А в какой станице ты желаешь поселиться?

– В этой, ваше превосходительство, будьте так милостивы! – попросил Журба. – В этой! Уж больно здесь атаман хороший! Добрейший человек! И душа у него открытая, щедрая, прямо как у меня! И характер мой!

– Быть по сему! – решил генерал и приказал Тимофею: – Нарезешь Журбе надел! Хату построите новому казаку! Пару коней и корову дадите! Ну, можно за мой счет!

Наш атаман с кислой улыбкой покорно кивал головой. А Журба только приговаривал:

– Покорнейше благодарю, ваше превосходительство!

Покорнейше благодарю!

– Коней пока к себе на конюшню поставь, атаман, – распорядился генерал. – Мне сейчас недосуг, дальше еду. А дня через три перешлешь их с надежным человеком ко мне в Екатеринодар. – Генерал подошел к Тимофею, милостиво похлопал его по плечу и закончил: – А тобой я доволен! Очень доволен! В станице – порядок, чистота. Оркестр хороший. Хотя я, правду сказать, не понял, что он играл. А ты – молодец! Жалую тебя и казаков, которые достойно встретили меня, сукном на праздничные шаровары!

Войсковой атаман повернулся на каблуках и направился к своему фаэтону. Снова задудели трубы и загрохотал барабан.

Фаэтон, провожаемый казаками, промчался по станице и скрылся.

– Ну, ирод, веди скорее коней до моей конюшни! – прикрикнул на Илько атаман. – Да скажи спасибо, что я тебя выручил!

– Э, атаман! – засмеялся цыган. – Это ты мне спасибо говорить должен. За один день две пары добрых штанов заработал – одну от меня, а другую от пана войскового. И еще лихого казака для своей станицы приобрел... – Журба с тревогой посмотрел на выгон, где снова клубилась пыль, и присвистнул: – Ой, не нравится чего-то мне эта пылюка! Но теперь я не цыган, а казак, и перво-наперво должен приказ атамана выполнять!

Тут Илько вспрыгнул в тачанку, щелкнул поводьями, и лихие гнедые унесли, его в боковой переулочек, где стоял атаманский особняк.

А на станичную площадь чуть погодя влетел неизвестный казачина, окруженный целым десятком станичных казаков.

– Где он, ваш атаман? – басом орал казачина. – По какому такому праву он не конокрадов, а казаков хватает?

– Чего разоряешься, кум? – выступил вперед Тимофей Убийвигер.

– Да как же мне не кричать, когда утром в Екатеринодаре на Сенном у меня коней с тачанкой увели!

– Нет у нас чужих коней, кроме тех, которые самому его превосходительству господину войсковому атаману принадлежат! – строго заявил Тимофей. – А тачанку действительно хлопцы на шляху подобрали... Может, твоя? Пойдем поглядим!

Он подхватил заезжего казака под руку, велел тыждневым выходить и напоить его коня. По дороге к атаманскому дому новые друзья сперва зашли в трактир, потом к атаманскому свату, затем – к свахе. И когда подошли к воротам особняка Убийвигера – хозяин похищенных коней почему-то никак не мог пройти в калитку и удивлялся, почему она такая узкая.

На атаманский двор заезжий казак попал через ворота. Илько Журба сказывал, что казак долго ходил вокруг своей тачанки и сомневался: – Чи моя? А може, не моя? Но в конце концов решил, что его...

А на коней он бросил равнодушный взгляд и проговорил:

– Разве ж це кони?! Вот у меня были кони! А це так, букашки-таракашки, хоть и хозяин у них сам господин войсковой атаман.

На следующий день Илько заставил Тимофея нарезать ему земельный надел, припомнил все обещания войскового атамана и потребовал, чтобы были они выполнены. А когда Тимофей Убийвитер пытался подсунуть ему неудобную землю и плохих коней, Илько качал головой и приговаривал:

– Ай-яй-яй! Придется мне дойти до пана войскового атамана и спросить, почему не выполняют его слово? Неудобно, пан атаман. Две пары штанов заработал, а жилишь... Ай-яй-яй! На моих конях ведь суконные шаровары заработал.

– Да какие они твои! – взрывался Убийвитер.

– А чьи же? Хозяина на них не нашлось – значит, мои, кровные... Вот тачанка – та действительно не моя. А кони, видать, мои.

Атаман только сопел, но все требования Илько уважил.

Так не стало на Кубани цыгана-конокрада Илько и появился в нашей станице казак Илья Журба.

Девичьи слезы

Между нашей станицей и хутором Советским, в глубокой балке звенит и переливается холодный светлый родник Девичьи слезы. Выбегает родник из-под небольшого курганчика и весело несет свои чистые воды к родной и далекой Лабе. Во всей округе не найти места лучшего, чем эта балка. Над звонким ручейком клонят свои ветви могучие дубы, серебристые ивы и стройные тополя. Даже в самую жгучую засуху по берегам родника зеленеет свежая густая трава, качаются фиолетовые колокольчики да голубые незабудки. Днем приходят сюда отдохнуть колхозники, а ночами, чуть не до самой ранней летней зорьки, гуляют здесь девушки и хлопцы, и по бескрайней степи доносятся широкие и нежные кубанские песни.

И мало кто помнит, почему этот веселый холодный родничок зовется грустным названием – Девичьи слезы...

Старики рассказывают, что в давние времена была эта балка мертвой, сухой, поросшей седой полынью да колючим татарником. В то черное время хутор за балкой звался не Советским, а Иногородним. Жила в нем самая горькая беднота, которая всю свою жизнь батрачила на полях станичных богатеев. Станичный атаман-живоглот запретил иногородним селиться в станице, но совсем их не выгонял, потому что и ему и другим богатеям-живоглотам нужны были дешевые батрацкие руки. Вот и разрешил он пришлым батракам селиться за балкой, на бросовой пустыющей земле, которую никто и пахать не хотел. Богатеи батраков иногородних и за людей не считали – не имели иногородние никаких прав и звались «хамселами голопузыми», да «прихлебниками». А если кто из казаков хоть слово

ласковое говорил батраку, того тоже начинали травить станичные богатеи, как волка-одинца.

В ту пору жила в нашей станице черноокая дивчина Галя, по которой сохли все станичные хлопцы. Была она стройной, точно тополь молодой. На смуглом тонком лице темными звездами горели ясные глаза. Когда вскидывала Галя густые длинные ресницы и улыбалась – своим маленьким алым ротиком – самое холодное сердце вспыхивало радостным огнем.

Хотя была Галя из бедняцкой семьи, сватались к ней и сыновья богатеев. Даже сам сын станичного атамана Павло, прозванный в станице Длиннободылым, похаживал возле Галиной хаты с певучей гармошкой – «тальяночкой».

Как-то вечером, когда возвращалась Галя с гулянки. Длиннободылый встретил ее около хаты и сказал: – Подожди! Есть у меня к тебе один разговор.

– Ну, говори! – сказала Галя и откинула за спину свои длинные черные косы.

Взглянул на нее атаманский сынок и смущенно затоптался на месте, как кочет на насесте. Был он узкоплечий, нескладный, длинноногий, с острым лицом. Дорогая шелковая рубашка, перетянутая наборным серебряным поясом, висела на нем, как на пугале.

– Говори же! – повторила Галя.

– Так вот такое дело, Галя! – сказал Павло. – Иди за меня замуж... Батя на это согласие дали.

– Чего? – удивилась Галя.

– Иди, говорю, за меня замуж... Жить будешь, как королева.

– Нет, – покачала головой девушка. – Не люблю я тебя. А жить я хочу не как королева, а как человек. Душно бывает вольной степной пташке даже в золоченой клетке.

– Да ведь батя согласие дали.

– Ну и женись на своем бате, если он согласен! – засмеялась девушка.

Тут облапил ее атаманский сынок длинными руками и потянулся к ней своим слюнявым ртом. Рванулась девушка и чувствует – не вырваться ей из крепких паучьих лап атаманского сынка. Вздрогнула Галя от омерзения и крикнула:

– Серко! Сюда, Серко! Куси! Куси его!

Услышал пес Серко зов хозяйки, перемахнул через плетень и повис на штанах Длиннободылого. Заорал с перепугу атаманский сынок, выпустил девушку и наутек. А собака еще пуще разъярилась – шаровары с него спустила и целый квартал по улице гнала, пока Галя не отозвала ее обратно.

На следующий день пришел Павло со сватами и давай просить у Галиного отца отдать за него дочку. Разгладил отец седые обвисшие усы и кликнул Галю:

– Вот, дочка, сваты пришли. Пойдешь за атаманского сына?

– Нет! Лучше в омут брошусь! – отрезала Галя.

– А зачем в омут бросаться, – пожал плечами отец. – Не хочешь – не надо! Так что не обессудь, хлопец, – не хочет идти за тебя дочка!

– Так вы же отец, вы заставить ее можете! – заговорил один из сватов.

Нахмурился отец и отрезал:

– Нет! Заставлять я ее не буду! Без любви не может быть счастья. Кого полюбит – за того и пойдет!

Так ни с чем и ушли атаманские сваты.

Бежали деньки, тянулись недели, но никто из станичных хлопцев не мог похвастать, что получил от Гали ласковый взгляд. На гулянки она приходила редко и все-время держалась с подругами – девчатами. Напрасно хлопцы выхвалялись перед нею своей лихостью, впустую терзали они свои «тальяночки» и вздымали пыль в присядке.

И никто в станице не догадывался, что гордая дивчина-недотрога полюбила простого батрака Ивана по прозвищу Воронежца.

Любовь – она, как солнце весеннее, не смотрит, кого греет. Придет пора – и зацветают два сердца чистым и радостным цветом.

Впрочем, если бы приодеть Ивана, то стал бы он первым хлопцем по всей станице. С собой он был высокий, плечи широкие, могучие, волосы русые, как лен, мягкие, а глаза – голубые, ласковые, глубокие, как озера северные. И еще умел Воронежец петь задумчивые русские песни. Идет он в степи за волами и поет. Поет про ямщика, что замерзает на широкой снежной равнине, про атамана Степана Разина, про добра молодца, разлученного с красной девицей. Разливается его голос, словно бархатную дорожку стелет, то тоской неизбывной звенит, то буйной удалью молодецкой.

Кто его знает, за что полюбила Ивана Воронежца молодая казачка. Может, за очи его ясные, может, за силу молодецкую или за песни эти! Настоящая любовь расчета не знает. Вспыхнет она в сердце ярким живым пламенем и греет только одного, единственного...

Крепко любили друг друга Иван и Галя, но головы не теряли, понимали, что, если дознаются в станице об их любви, не миновать им беды.

Встречались они глубокими ночами, в дикой, глухой балке, куда и днем мало кто хаживал.

Сойдутся, сядут на высохшую траву среди горькой полыни и колючего татарника, возьмутся за руки, и расцветет для них сухая балка сказочным садом. Не полынь-трава возле них качается, а чудесные зеленые деревья, не дикий татарник шевелит колючими листьями, а розы цветут. И даже знойный ветер-сухоей сладкой прохладой дышит.

Поняли хлопец с девушкой, что не жить им друг без друга. И договорились осенью вместе уйти куда-нибудь в город и повенчаться.

Как-то ночью сидели они обнявшись и мечтали о том, как в городе жить станут. И думалось им, что только серебряный месяц да полынь-трава слышат их разговор. – Я сил не пожалею, днем и ночью работать буду, лишь бы твои очень ясные слез не знали! – говорил Иван.

– Вместе, Ваня, работать будем!

Вдвоем, вместе, любую беду одолеем. Лишь бы ты меня любил, синеглазый мой! – отвечала девушка.

– Да как же мне не любить тебя, цветик мой полевой, зоренька светлая! – воскликнул Иван, нежно прижимая к себе девушку.

Вдруг зашуршали где-то позади густые кусты полыни.

Нахмурился Иван, вскочил на ноги, развернул могучие плечи и пошел туда, откуда донесся шорох. Но кругом было тихо. Побродил Иван в кустах и вернулся обратно.

– Должно, лисица мышей гоняет! – объяснил он, снова обнимая любимую.

Уже зорька алая на востоке загоралась, когда расстались они, пообещав друг другу снова встретиться на следующую ночь. Галя по станичным садам побежала к своей хате, а Иван напрямик через степь пошел к хутору. Жаркой любовью горели их сердца, и смотрели они только вслед друг другу. Ни он, ни она не оглянулись ни разу назад, не заметили длинного, несуразного человека, что поднялся из кустов горькой полыни и, вытянув вперед острую голову, глядел им вслед...

Весь день Иван косил сено на лугах казака-богатея. До вечерней зорьки разливались по степи его песни. И была в этих песнях широкая, светлая радость.

А Галя работала на своем огороде и тоже пела. И темные глаза ее светились ярким солнечным светом.

И ни он, ни она не знали, что Павло Длиннободылый еще в полдень собрал десяток сынков станичных богатеев и долго шептался с ними, разливая в стаканы хмельной самогон.

Когда стемнело, в балке заворошились, зашелестели кустами полыни молчаливые тени.

В полночь поднялся над степью серебристый месяц. И почти сейчас же по крутой тропке сбежал в балку Иван Воронежец.

– Галя! Цветик мой степной! – тихо окликнул он.

И сейчас же затрещали, зашумели кругом кусты дикой полыни. Поднялись из них злобные и пьяные сынки богатеев.

– Что, попался, хамсел!

– Будешь знать, как на казачек заглядываться!

– Бей его!

Взметнулись вверх толстые дубины, и хлопцы, тяжело дыша от лютой злобы, полезли на Ивана. Но Иван Воронежец не привык отступать от врагов. Выхватил он у одного из них дубину и начал ею отбиваться от нападающих. Отступили сынки богатеев, бросились врассыпную. Но тут за спиной Ивана змеей скользнул Павло Длиннободылый, ухнул и по самую рукоять вогнал в спину Воронежца свой кинжал.

Качнулся Иван, сделал шаг вперед и рухнул вниз лицом, на сухую траву.

Торопливо шмыгнули в степь, к станице, воровски крадущиеся тени...

Светлый месяц пугливо спрятался за тучку, и темнота затопила сухую балку.

В темноте раздались легкие девичьи шаги и тихий голос спросил:
– Ваня! Где ты, мой любимый, мой синеглазый!

Молчала сухая балка. Только полынь-трава чуть слышно шелестела своими серыми, перистыми листьями. Только степной ветер вздыхал в колючих терновых кустах.

Вышел месяц из-за тучки, и Галя увидела у ног своих распростертое безжизненное тело любимого. Зарыдала, забилась она над ним. Облила горячими слезами холодное, застывшее лицо, пыталась оживить его жаркими поцелуями.

Но сурово и неподвижно было лицо любимого, а синие глаза потускнели и стали холодными, незрячими.

Тогда выдернула девушка из спины Ивана кинжал, воткнула его рукоятку в землю, обняла любимого и бросилась грудью на окровавленный клинок.

Только днем нашли люди мертвых возлюбленных. Пытались они разжать Галине руки, обнимавшие любимого, но они словно приросли к Ивану. А из мертвых, потухших глаз девушки бежали и бежали чистые слезы...

Так и похоронили Ивана и Галю вместе, в одной могиле, в сухой, неприветливой балке. А через неделю, говорят старики, выбился из могилы чистый и свежий родник. Журча и переливаясь, покатился он по сухой балке, к полноводной Лабе.

Уже на следующую весну оживил родник мертвую балку. Пробилась по его берегам свежая, зеленая травка, зацвели нежные цветы-незабудки, синие колокольчики, горячие, алые маки. Потом выросли дубки, серебристые ивы, шумливые тополя. Каждую весну слетаются сюда соловьи и рассыпают свои серебристые трели.

И прозвали люди этот животворный родник – Девичьи слезы.

Одной дружной колхозной семьей живут сейчас хутор и станица. Любят наши хлопцы и девчата встречаться под густыми деревьями у журчащего живого родника. И ходит в народе молва, что у тех, кто слюбится у родника Девичьи слезы, любовь бывает чистой, светлой, радостной и крепкой на всю жизнь.

Как школа у нас была построена

До прихода Советской власти было у нас в станице три церкви, два трактира и одна школа на три класса. Да и ту школу построили с великим трудом. Четыре раза на станичном сходе толковали о постройке школы, и четыре раза старый Козуб – церковный староста и первейший станичный мироед – рывкал хриплым басом:

– Не треба нам школы! Лучше божий храм обновить!

А было в те годы так: как старики решат – так тому и быть. Если кто с ними спорить начнет – то растянут такого спорщика на лавке в станичном правлении, да и окрестят плетюганями, чтобы старших уважал.

Наверное, до самой революции так бы и не было у нас школы, если бы не появился в станице инженер. Приехал он, чтобы наметить, где пройдет железная дорога на Екатеринодар.

Был этот инженер очень молод, с русыми волосами и такой же бородкой. А глаза у него были совершенно-особые – «колдовские глаза», как говорили казачки.

Иногда они казались голубыми и ласковыми, как чистое весеннее небо, а иногда становились колючими, серыми, точно добрый стальной клинок.

Надо сказать, что приезд инженера взбаламутил всю нашу станицу. Старики перво-наперво интересоваться стали – где пройдет железная дорога – по станице, или по выгону? Старый Козуб пришел к инженеру в горницу, уселся в красном углу, под образами, уткнул бороду в костыль и прямо заявил:

– Нам эта самая железка без надобности! На кой ляд нам она? Мы и с волами добре управляемся. Ежели же пойдут через станицу нашу всякие там паровозы, то и сады от пару погибнут, и, обратно, телят, поросят и другую худобу давить будут.

Инженер схватился за свою русую бородку и удивленно уставился на Козуба синими ясными глазами. А тот свою линию гнет:

– Прослышали мы, господин хороший, что от тебя зависит, где эту самую железку провести. Так вот, сделай милость, протяни ты ее подальше от станицы! А мы в долгу не останемся, отблагодарим...

Глаза молодого инженера посветлели и стали колючими, как ножи. Широкими шагами он подошел к дверям и распахнул их.

– Идите! – сказал инженер приглушенным голосом.

– Хорошую цену дадим! – настаивал Козуб.

– Идите! – повысил голос инженер. – А то лестница у меня крутая, лететь по ней неудобно.

Тут старый Козуб забеспокоился и заковылял восвояси.

Прошло несколько дней, и молодой инженер стал своим во многих станичных хатах. Был он простым и веселым, звонко смеялся и пел задумчивые украинские песни. Нанял инженер с десятков наших станичных хлопцев и начал их обучать, как рейки ставить, где колышки забивать, какие записи надо делать. И очень удивился, что все хлопцы оказались неграмотными.

– Да как же это так? В наше время и вдруг такая отсталость. Почему не учились?

Тут парни и объяснили, что в нашей станице учиться негде, потому что Козуб и другие старики, которые побогаче, не хотят дать денег на постройку школы.

– Вот дубы! – выругался инженер, и глаза его снова приобрели серо-стальной оттенок. – Значит, на школу денег у них нет, а на то, чтобы дорогу подальше от станицы отодвинуть – на это монета находится. И вдруг, глаза инженера поглубели, и заплясали в них веселые, задорные искорки. – Ладно, хлопцы! Будут у вас деньги на школу! Ради такого доброго дела можно даже взяточником прослыть.

На следующее утро собрал инженер всю свою команду и повел ее в самый центр станицы. Десятники теодолиты тащат, наши хлопцы – рейки, за ними ребяшня бежит. Одним словом, шуму хоть отбавляй!

– Куда ж мы идем, Петр Иванович? – удивился молодой, сметливый десятник, который ходил у инженера в подручных. – Ведь по проекту железнодорожное полотно должно в трех верстах от станицы пройти, напрямик.

А инженер подмигнул своему помощнику и сказал:

– Молчи да дышь, будет барыш! Должны мы сегодня заработать на станичную школу.

И прямо к высоким воротам Козуба направился. Постучал он в ворота, а за ними целый собачий хор выступление начал. Потом открылась калитка, и вышел сам Козуб – борода лопатой, черные глаза зверями под седыми бровями рыскают.

– Разрешите, хозяин, провести в вашем дворе и саду топографическую съемку, – вежливо, но твердо заговорил инженер.

– На какой это предмет? – забеспокоился Козуб.

– А на тот, что как раз через вашу усадьбу пройдет линия железной дороги, – спокойно и приветливо объяснил инженер. – На том месте, где сейчас ваш дом стоит, будка путевого обходчика будет, а где сад – там закругление линии.

– Да как же это? Да что же это? – взволновался Козуб. – Да по какому праву? Не позволю! До самого его высокопревосходительства войскового атамана дойду.

– Пожалуйста, доходите! – кивнул головой инженер, – а только не поможет! Под железную дорогу отчуждаются любые земли, кому бы они ни принадлежали.

– Да почему же моя земля потребовалась? – уже слезливым голосом заговорил Козуб.

– Рельеф подходящий. Научные данные, – холодно пояснил инженер. – Но вы не беспокойтесь, казна вам заплатит за вашу землю...

– Заплатит! – всплеснул руками Козуб, – Да я сам заплачу, только не троньте меня!

– Прошу, хозяин, привязать собак, и не препятствовать мне в моей работе! – строго проговорил инженер. И тут началось на Козубовом дворе представление не хуже, чем в кино. Козубиха и ее четыре снохи в крике соревнуются, сыны Козуба за кинжалы хватаются, а хлопцы, знай, колышки забивают, – в саду, во дворе, в палисаднике рядом с хатой.

Закончили у Козуба – к другим богатеям пошли, там боевая тревога поднялась.

Богатеи даже станичного атамана на ноги подняли. Пришел атаман к инженеру и спросил:

– По какому праву, извиняюсь, вы через дворы и огороды дорогу тянуть собираетесь? – Вот мое право!

Инженер подал атаману бумагу с гербом, а тот передал ее писарю.

Торжественным голосом писарь прочитал о том, что «руководителю изыскательной партии поручается прокладка трассы будущей железнодорожной линии» и что «всем властям предлагается оказывать ему всяческое содействие в его работе».

Атаман слушал писаря, нахмутив брови и глубокомысленно глядя себе под ноги.

– Та-ак! – протянул он. – Все понятно! Но только окажите, ваше благородие, почему это дорогу тянуть потребовалось через Козубов двор?

– Рельеф такой, – пожал плечами инженер.

– Рельехф?! – переспросил атаман и задумчиво почесал чуприну. – Ну если рельехф, тогда все понятно. _ Атаман посмотрел на наших станичных богатеев и пожал плечами. – Ничего не могу сделать. Потому – рельехф не позволяет!

И он, в сопровождении писаря, важно проследовал в станичное правление.

Вечером в хату, где проживал инженер, пришел Козуб, а с ним еще трое стариков-богатеев.

– Ты уж пожалей нас, ваше благородие, – льстиво улыбаясь, заговорил старый Козуб. – Не пускай в разор наши дедовские садочки да усадьбы. Перенеси, эту самую дьяволу чугунку куда подальше.

– Оно б, конечно, можно это сделать, хозяева, – кивнул головой инженер. – Да дорого вам обойдется такое дело.

– Рельехф? – спросил самый догадливый из стариков.

– Точно, рельеф...

– А сколько оно примерно будет стоить, если чугунку версты на две – на три от станицы отвести? – осторожно поинтересовался Козуб.

– Да тысяч шесть, не меньше...

– Обратно рельехф? – спросил Козуб.

– Рельеф, точно!

Переглянулись богатеи, побряхтели, пошептались между собой и решили:

– Делай, ваше благородие! Мы согласны. Деньги завтра принесем до копеечки!

На следующее утро, как только встал инженер, пришел к нему Козуб и с рук на руки передал пухлую пачку денег.

– Добре! – буркнул инженер.

– Значит, колы твои можно повыдергать? – повеселевшим голосом спросил Козуб.

– Дергайте!

Старый Козуб потоптался у порога, нерешительно посмотрел на инженера и сказал: – Дозвольте вопрос один задать.

– Задавайте! – кивнул инженер.

– Скажите, ваше благородие, он что, небось, из баронов или графьев? Немец, небось?

– Кто?! – удивился инженер.

– Да этот... Рельехф...

Инженер отвернулся к окну, закашлялся и ответил:

– Да почти так...

Вечером, сидя у своего двора в кругу друзей-богатеев, старый Козуб рассуждал:

– Энто дешево мы с вами отделались, казаки. Потому, видать, дешево, что инженер еще молодой да глупый. Ведь кто такой Рельехф – большой немецкий граф, коло самого царя, стоит... А чем выше немец стоит – тем больше в карман кладет.

Через полмесяца, когда инженер уже уехал в соседнюю станицу, прикатил к нам чиновник из канцелярии войскового атамана. Собрали сход. И начал тот чиновник говорить, что нужно в станице строить школу.

– Не треба нам школы! И грошей на школу у нас немає! – закричал старый Козуб.

– Нет грошей, хоть удави нас, ваше благородие, – подхватили его дружки-богатеи.

Чиновник поднял руки, и когда крики смолкли, объявил:

– Деньги на строительство школы в вашей станице в сумме шести тысяч рублей имеются...

– Откуда? Кто дал? – удивились казаки.

– Добровольное целевое пожертвование инженера Петра Ивановича Селиверстова, – ответил чиновник. – Его превосходительство господин войсковой атаман поручил мне передать вам, что никакого отказа в строительстве школы он не примет. Школьное здание должно быть к осени построено!

Так в нашей станице, кроме трех церквей и двух трактиров, появилась одна трехклассная школа.

А железная дорога прошла там, где и намечалась по проекту, – в трех верстах от станицы.

Сказ о пане Крикуне

Привольные, веселые у нас места. Хутор наш весь в садах утопает. А вокруг него, точно зеркала в зеленой оправе, тянутся рисовые чеки, дальше – бескрайнее море пшеницы звенит переливчатыми волнами, виноградники

колхозные на сотни гектаров раскинулись... Прямо не верится даже, что всего полсотни лет назад были эти места, самыми гиблыми и нежилыми.

Станица наша чуть подальше, на буграх расположилась. А здесь – вековые камыши шумели над ржавой болотной водой, птица всякая гнездилась да вечерами все звенело от лягушачьего гомона и тонкого комариного писка...

Наверное, на всей Кубани не было станицы беднее и непригляднее нашей. Каждый год казачьи наделы затопляла рыжая едкая плавневая жижа и урожаи у нас были такие, что хлеба хватало не больше чем до нового года. Вся станица кормилась рыбой, которой было в лиманах несметная сила, да дикой птицей. Каждый день во всех станичных хатах ели рыбу: рыбу пареную, рыбу жареную, рыбу вареную, рыбу соленую... Даже в муку бережливые хозяйки мешали молотую сушеную рыбу...

И вот как-то, лет за десять до Великой революции, прикатил в нашу станицу неизвестный человек, поговорил с атаманом, распил с ним пару четвертей водки и уговорил собрать станичный сход. Собрались казаки на площадь, курят злой табак-самосад, пересмеиваются да поглядывают на маленького, худого, тонкошеего человечка, который о чем-то с атаманом шепчется.

Поднялся атаман, поднял руку и объявил:

– Слушайте, господа-казаки! Приезжай пан-сотник желают вам важное предложение сделать!

Тут выступил вперед приезжий, одернул черкеску, расправил торчащие усы, да вдруг как гаркнет на всю площадь таким зычным голосом, что казаки даже переглянулись – не другой ли кто-нибудь басит.

– Желаю я, господа-казаки, купить у вас вашу землю, – заявил приезжий.

– Землю? Да какую землю? Плавни, что ли? – удивились казаки.

– Точно, плавни! – кивнул маленькой головой пан сотник.

И дальше сообщил он нам, что покупает у станицы по десять копеек за десятину сто десятин гиблых плавней, среди которых, точно кротовая куча, торчал один-разъединственный незатопляемый холмик.

– А больше, пан, не купите? – спросил чей-то голос. – А то ведь на десять рублей и по шкалику водки на казака не выйдет!

– Это уж моя забота, чтобы каждый станичник глотку смог промочить! – ответил пан.

В тот же вечер наши казаки пропили деньги, вырученные за землю, а пан сотник стал хозяином ста десятин Диких плавней.

Прошло немного времени, а новый пан расчистил кротовую кучу от камыша и построил на ней целый хутор.

Целыми днями покрикивал он на плотников и приказчиков, которых нанял на какой-то случай целый десяток.

И громовой голос пана далеко разносился над плавнями.

Тогда и прозвали наши казаки своего нового соседа паном Крикуном, а новый хутор – Крикуновым.

Разные слухи ходили о пане Крикуне. Одни говорили, что он хочет гнать водку из камыша, другие – что будет он разводить в плавнях диких кабанов, а третьи утверждали, что надумал Крикун раскапывать курган, на котором стоит его хутор, потому что закопан в этом кургане заветный турецкий клад...

Все стало ясным, когда приехали в нашу станицу переселенцы с Воронежчины и Тамбовщины. Оказалось, что послал пан Крикун своих приказчиков в те места, где не хватало земли. Собирали приказчики мужиков и начинали соловьями разливать; есть мол, земля на Кубани – плодородная, богатая, только немного дикой травой заросла. Можно эту землю получить в аренду у пана Крикуна совсем дешево – всего по пяти рублей за десятину в год. А через пять лет перейдет земля к арендатору на веки вечные... И еще добавляли разные разности про горячее кубанское солнце, про кавуны и дыни, сладкие, как мед, про рыбу, которую ловят казаки просто шароварами...

У многих от этих посулов кружилась голова. Продавали мужики свои избы и живность, платили деньги приказчикам – и целыми семьями ехали на привольную Кубань.

Выходило все почти так, как пели соловьи-приказчики; солнца было вдоволь, земли пан Крикун нарезал без отказа. Но только по земле этой нельзя было ходить, а приходилось ездить на лодках-плоскодонках...

– Вот она – земля-землица! – громогласно трубил пан Крикун. – Жирная, целинная, плодородная – гляньте, какие камыши на ней растут! Приходите – и владейте, пользуйтесь моей добротой, ведь за бесценок я ее вам отдаю! А что вода на ней – так это ничего! Вот к осени подсохнет трохи, тогда беритесь, насыпайте валы, копайте каналы – и будет у вас своя землица!

Нарезал пан новоселам участки гнилых плавней и начинали они «добывать себе землю». Хочешь, не хочешь, а начинай осушать плавни – хозяйство продано, деньги потрачены, куда с семьей денешься?

Целыми семьями, со стариками и детишками, принимались переселенцы корчевать камыши, насыпать валы и копать каналы. Работали, пока сил хватало, от света до темноты. Дрожали от лихой болотной лихорадки, стонали от боли в застуженных ногах и руках, но работали. Чтобы с голоду не помереть, копали белые толстые корни чакана и пекли их на огне. Еще ни одной десятины земли не было осушено, а возле Крикуновского хутора уже целое кладбище образовалось, где в топкой болотной трясине лежали тела погибших от непосильного труда, от лихорадки и голода...

Тут пополз по станице слухок, что новоселы чуть было не убили обманувшего их пана. Захватили они его на охоте, в плавнях, и начали требовать обратно свои деньги. А когда отказал им Крикун, бросились они на

него с лопатами и топорами, еле ушел от них пан на легкой лодке-плоскодонке.

Видать, эти слухи были верными, потому что приехал в скорости пан Крикун в нашу станицу и стал нанимать молодых казаков себе в охрану. К этому времени сдохла у нас корова, а потому и определил меня батька к пану Крикуну в охранники.

Служба у нас была нетрудная, кормил нас пан хорошо, по воскресеньям ставил нам по чарке водки, разговаривал с нами льстиво и ласково. Но уж больно муторно было ходить за паном с винтовкой за плечами да чувствовать, как тебя люди недобрыми взглядами колют...

Весной пошли плавни в атаку на отвоеванные у них земли. Мелкие канавы не успевали отводить воду, заплывали вязкой и липучей грязью. Вода прорывала валы и затопляла осушенные участки. Люди из сил выбивались, а пан Крикун похаживал, крутил свои тараканьи усы да покрикивал:

– Бог в помощь, православные! Кто не поленится, того озолотит матушка-землица! Вон какая она жирная да плодородная!

В ту пору сдружился я с одним новоселом, таким же, как я, молодым хлопцем. Шел я как-то из станицы на хутор. А пройти можно было только по гребню вала, насыпанного переселенцами. По одну сторону вала, совсем близко, возле самых ног, колыхалась плавневая вода, и сквозь нее зеленая щетина камыша пробивалась. А с и стороны, на дне осушенных котлованчиков, копошились люди – перекапывали мокрую землю, корчевали длинные корни камыша, укрепляли валы...

И вот дошел я до места, где вал опустился, оплыл в размякшую землю. Целая семья старалась закрыть промоину, чтобы вода не затопила осушенный участок. Беловолосый костлявый хлопец и рослая, но худая женщина таскали на носилках землю. Широкоплечий, сгорбившийся человек, похожий на кряжистый дуб, задыхаясь, сбрасывал землю в промоину прямо в пузырящуюся, грязную воду.

В нашей станице всякий знал, как надо валы насыпать и промоины в них гатить, недаром мы жили в самих плавнях. Я как глянул, так сразу понял, что делают люди бесполезное дело. Они носят землю, а вода глотает ее и вал еще больше оползает.

Скинул я тогда пояс с кинжалом, сбросил черкеску и сапоги, закатал повыше шаровары и давай помогать новоселам. Перво-наперво крикнул я хлопцу:

– Эй, однокашник! А снопы камыша у вас найдутся? Вскинул на меня хлопец голубые удивленные глаза и ответил:

– Есть камыш...

– Так давай его сюда скорее!

– Зачем?

– Давай, давай! Не разговаривай! Послушался хлопец и притащил пяток снопов сухого камыша. Я сразу этот камыш в промоину бросил. Вода

снаружи прижала его к валу, тиной затянула и получилась хорошая пробка. Вскоре мы так закрыли промоину, что лучше и не нужно!

– Спасибо, казак! – низко поклонился мне пожилой новосел.

– Да за что тут! – отмахнулся я, надевая сапоги и черкеску.

– Вот оно что, видать, и среди казаков есть добрые люди! – удивленно проговорил хлопец. – Даже среди тех, кто пана-кровососа охраняет...

– Когда жрать станет нечего, черта возьмешь охранять, не то что пана, – ответил я.

– Что верно, то верно! – вздохнул пожилой.

С этого и началась наша дружба с Михайлой Миляковым. Начал я похаживать в маленькую глиняную хату, в которой жил Михайло, его отец, мать да трое маленьких братишек моего друга. Ходил, конечно, я с оглядкой, тайком, чтобы не пронюхал о нашей дружбе пан Крикун, который никак не одобрял, чтобы его охранники с мужиками якшались.

В ту осень сманили приказчики пана еще десятка два семей и посадили их в плавни. А через год пан Крикун уже сумел сдать в аренду всю свою землю и прикупил еще две сотни десятин. С того времени приказал он, чтобы звали его паном-помещиком...

На четвертый год случилась в семье моего друга большая беда – умер от лихой трясушки-малярии отец Михайлы.

Но Михайло хоть и сильно горевал, а не пришел в отчаяние. Остался он старшим в семье и твердо решил сохранить за собой землю, которую он со своим батькой и матерью отвоевали у плавней. К этому времени наловчился он выращивать помидоры и получал хорошие урожаи.

Через год, когда подошла пора пану отдавать землю навечно тем новоселам, которые сумели победить темную силу плавней, начались у нас на хуторе недобрые дела. Одного переселенца, осушившего целых три десятины, нашли в плавнях мертвым, с простреленной головой. Второй ушел в плавни на охоту – и не вернулся, исчез безо всякого следа. Третьего кто-то кинжалом убил... А семьи этих новоселов пан Крикун согнал с земли и сделал своими батраками...

Черные слухи поползли по хутору. А мы, казаки, служившие охранниками у пана, заметили, что один из нашего же брата вредный такой гнилозубый казачишка вдруг заважничал и разбогател. Завел он себе новую, нарядную черкеску, кинжал серебряный с чернью, кубанку серебряного мелкого курпея. И деньги у него завелись, да не только серебряные, но и золотые... Шептались люди, что по приказу пана Крикуна этот самый казачишка порешил новоселов, чтобы пан мог сохранить за собой осушенную ими землю. Но мало ли что говорят люди, а ведь не пойманный – не вор...

Случилось мне как-то летом поехать на охоту в плавни, к Черной трясине, на остров, где водились дикие кабаны. Добрался я туда на плоскодонке, подчалил и вылез на топкий берег. Тихо на островке, так тихо, словно вымерло все живое.

Только-только я зарядил пулевыми патронами оба ствола отцовской двухстволки, как вдруг грохнул где-то неподалеку сначала один выстрел, потом второй... И сейчас же затрещали, зашептались тревожно камыши...

«Охотник, видать, кабана подранил, – подумал я. – Уходит зверь к Черной трясине... Надо его перестреть!»

И пустился я бегом наперерез зверю... Бежал-бежал, выскочил на крутой бережок, что обрывается прямо в Черную трясину, и чуть не споткнулся о человека.

Лежал человек на животе, уткнув окровавленную голову в колючую осоку, и только худая спина его то поднималась, то опадала от тяжелого дыхания.

Отложил я ружье и осторожно перевернул раненого. Гляжу – передо мной мой друг, Михайло Миляков. Посмотрел он на меня и словно ледяные иглы сверкнули в его голубых глазах.

– Ну, что же! Добивай! Не мучай только! – прохрипел Михайло.

– Да ты что! – удивился я. – В своем ли ты уме? Что я, бандит-душегубец какой-то? Кто это тебя так разделал?

– Пан Крикун! – хрипло прошептал Михайло. – Он и еще один охранник... Гнилозубый такой, похожий на гадюку... Беги скорее, а то они и тебя порешат, чтобы свидетеля не было.

Но, конечно, не мог я бросить раненого на верную погибель, не этому учат наши древние казачьи обычаи. Закинул я ружье за спину, – поднял Михайлу на руки и зашагал в камыши.

Только сделал несколько шагов – вдруг слышу совсем рядом зычный голос пана Крикуна:

– Здесь он где-то... Никуда он далеко не мог уйти...

– Точно, пан-помещик, – мерзко захихикал гнилозубый. – Сейчас найдем и добьем этого подранка... А могила надежная рядом – Черная трясина.

Тут меня, словно кипятком, гневом обожгло, даже дышать трудно стало.

Опустил я осторожно раненого на землю, взвел у ружья курки – и жду, смотрю вперед сквозь камыши.

И вот вышли из камышей на бережок оба злодея – веселые, довольные. Идут – папиросочки панские курят, дымок синий пускают. Впереди – гнилозубый с винтовкой, а за ним – пан с охотничьим ружьем.

Тут я шагнул вперед, поднял ружье и приказал:

– Бросай оружие, убийцы!

Гнилозубый ахнул, попятился и сразу с берега в трясину свалился, только брызги полетели...

А пан Крикун в лице переменялся, но ружья не бросил. Глянул он на меня и говорит, только голос у него вроде хриловатый стал:

– Ну, что ты, казак! Ты же мой хлеб ешь! Помоги мне – озолочу, пятьсот рублей выложу!

– Нет, пан! Бросай ружье! Я тебя сейчас к атаману в станицу доставлю...

– Да ты что, одурел? – прежним гулким басом рявкнул пан Крикун. – Что же это, из-за какого-то хамсела ты меня, брата-казака в правление потащишь?

Тут словно какая-то сила швырнула меня на землю. А пан Крикун вскинул ружье да из обоих стволов пальнул в меня, пули над головой просвистели.

Ну, и я не остался в долгу. Только он мимо выстрелил, а я его первой же пулей достал.

Покачнулся пан, упустил ружье, шагнул назад... И тоже свалился в трясину...

Подбежал я к откосу, а внизу, в жидкой, черной грязи только пузырьки булькают...

Отвез я раненого Михаилу домой, сам вернулся на хутор. Так никто и не узнал, куда девался пан Крикун...

А Михайло Миляков, мой самый лучший и верный дружок, и сейчас живой и здоровый.

За годы Советской власти изменился наш хутор не – узнаешь. Могучие машины осушили гнилые плавни, жадные до труда руки человеческие превратили гиблую землю в богатые сады, виноградники, рисовые плантации и пшеничные поля.

Только Черная трясина, в которой погиб проклятый пан и его злодей-прислужник, еще существуют. Но это проклятое место стало маленьким болотцем, которое с каждым годом становится все меньше и меньше. Скоро и оно исчезнет...

Сказ о пластунах

У самого въезда в нашу станицу, на крутом берегу Кубани, как часовой на помету, стоит Пластунский курган. По весне буйно цветут на нем степные травы и становится курган то алым от маков, то розовым от чабреца и иван-чая, то белым от степного ковыля. Вечерами любят приходить сюда наши хлопцы и девчата. С высокого кургана вся степь, как на ладони. И станицу, и сады колхозные, и Кубань широкую – все отсюда видно. Хорошо здесь сидеть вечерами, жадно пить бодрящий степной воздух, смотреть в степную даль да петь раздольные кубанские песни!

Похоронен в этом кургане простой казак-пластун Николай Недилько, о котором до сей поры поют по станице задумчивые песни-бывальщины.

Было это в те годы, когда командовал русскими войсками на Кубани Александр Васильевич Суворов. Станица наша тогда совсем маленькой была. Жили казаки тревожно – рядом, за Кубанью бродили по предгорьям отряды врагов – турок, то и дело собирались они в хищные волчьи стаи и нападали

на казачьи станицы и кордоны.

Турецкие да английские шпионы по адыгейским аулам шныряли, золото князьям адыгейским подсовывали, чтобы те тоже вставали на войну с русскими. Известно, у английских буржуев всегда глаза завидушими, а руки загребущими были. Мечтали они своими деньгами и чужой кровью завоевать кубанский край.

На том месте, где Пластунский курган насыпан, стояла в то время казачья залога. Однажды ночью дежурил на деревянной вышке казак Николай Недилько с младшим сыном. Никто в станице не ждал врага. Лазутчики сообщили, что турки задумали напасть на Усть-Лабинскую крепость и стягивают туда все свои отряды.

Ночь выпала тихая, лунная. Серебристая дорога поперек широкой Кубани пролегла. Ветер теплый травами в степи шелестел. Бесшумно носились над степью ночные птицы.

Сидел казак Николай Недилько на вышке, думал свои думы, слушал, как травы шумят да плещутся кубанские воды. На сына иногда с лаской поглядывал. А сына к полночи сморила дремота. Лежал он на сене широкоплечий, с крутым подбородком, со сросшимися бровями и сладко посапывал во сне. Глядел на него казак и думал, что удался в отца казачонок – и по груди широкой, и по рукам могучим, и по лицу твердому и упрямому... Время к рассвету близилось, когда услышал вдруг казак Недилько – плеснулась в реке вода как-то по-особенному, не то сом хвостом ударил, не то сула выпрыгнула. Насторожился казак, вгляделся вдаль и вдруг заметил на перекате несколько черных точек.

– Вставай, сынок! – шепнул пластун Недилько.

А перекат уже весь черным стал, словно тучи темные закрубились на светлой кубанской воде. И плеск стал громким. Знал казак, что возле станицы есть через Кубань только одна переправа – против залого. И сразу понял он, что крадутся на русский берег враги.

– А ну, сынок! На кремень да кресало! Поджигай сигнал. А сам беги в станицу, народ поднимай! – приказал Николай Недилько. – Я врагов задержу, по тропке на кручу трудно им будет подниматься!

Бесшумной ночной птицей соскользнул пластун со сторожевой вышки, залег в кустах, как раз в том месте, где узкая тропка от Кубани взбегала на высокую кручу.

Ярким пламенем вспыхнули сухие снопы. И при их свете совсем близко на тропинке заметил казак высокие фески. Прямо в них и разрядил Недилько свой самопал. И сразу дрогнула предутренняя степь от яростного, многоголосого крика врагов.

«Да их здесь тысяча будет! – подумал пластун и сурово сдвинул густые брови. – Задержать их требуется, пока други-казаки подспеют!».

Стал он торопливо заряжать свой самопал. И вдруг чувствует, тянет кто-то оружие из его рук и шепчет:

– Давайте, батя, я заряжать буду! А вы стреляйте! Вот берите мой самопал!

То сын пришел отцу на подмогу.

Схватил казак второе ружье и снова выстрелил в турок. А в темной степи уже яркими точками пылали сигнальные вежи: другие казачьи залого передавали тревожную весть о нападении врага.

На узкой тропинке каждый выстрел попадал в цель. С хриплыми криками падали турки, сбивая с ног своих товарищей. Враги в других местах пытались взобраться на кручу, камни и песок сыпались из-под их ног.

И вдруг кончились у казаков заряды.

– Все, батя! – проговорил младший Недилько и потянул из ножен шашку.

Взглянул на сына Николай Недилько, и жалко ему стало хлопца. Видел он, что приближается неминуемая гибель...

– Беги, сынку, в станицу! Торопи подмогу! – приказал старый казак.

– А вы как же, батя? – сдвинул густые брови сын.

– Беги, тебе говорят! – блеснул глазами старый пластун. – Я здесь старший, я приказываю!

Вздыхнул сын, взглянул на батьку и побежал к станице. А Старый пластун разрядил в турок пистолет и за шашку взялся.

– Алла! Алла! – орали турки, все выше карабкаясь по круче.

Передовой янычар взмахнул кривым ятаганом и свалился, разрубленный надвое лихой казачьей шашкой.

Но уже целый десяток турок накинудся на Николая Недилько, защищающего узкую тропку. Молнией сверкала казачья шашка, каждый ее удар попадал в цель.

И тут один из янычаров, как кошка, подкрался к казаку сзади и ударил его ятаганом по шее...

Ликующий крик турок прокатился по степи. Вереница врагов быстро поднималась по узкой тропинке. Звенело оружие, храпели кони.

– Скорей, скорей! – торопил своих воинов мрачный и надменный паша...

И вдруг в степи послышался топот. Это мчались из станицы казаки. Грозной лавой налетели они на турок, и закипела сеча.

До полудня бились казаки с турками, не пуская их в кубанские степи. Но все новые и новые вражеские отряды переправлялись через Кубань и поднимались на крутой берег...

В полдень подоспел со своими войсками Александр Васильевич Суворов. Казаки со степи ударили, а суворовские чудо-богатыри на другом берегу оказались, с тыла на турок навалились. Все турецкое войско было побито, а сам надменный паша в плен сдался. И рассказал он Александру Васильевичу о герое пластуне, который один задержал переправу турецкого войска.

– Клянусь честью, это был настоящий русский богатырь! – воскликнул Суворов и приказал насыпать над телом Николая Недилько высокий курган.

Тело мертвого пластуна положили у самой кручи. И каждый из казаков и солдат принес в шапке мягкой кубанской земли. А первую шапку земли высыпал на мертвого казака сам Александр Васильевич Суворов.

Вот и вырос высокий могильный курган среди широкой и гладкой степи...

Но говорит народ, что всякий раз, когда ненавистный враг вторгался на святую русскую землю, вставал из могилы пластун Николай Недилько и шел защищать свою Родину.

...Было это в тот год, когда высадились несметные вражьи орды у Севастополя. Поставили они против Малахова кургана батарею огромных пушек. Ядра от этих пушек весили до десяти пудов. Как ударит такое ядро, так сразу целый погреб вырвет. Очень досаждала нашим английская батарея! И однажды Павел Степанович Нахимов приказал кликнуть добровольцев, которые возьмутся эту батарею изничтожить.

Первым вызвался пробраться на вражескую батарею широкоплечий казак-пластун с густыми сросшимися бровями. Ему и поручил Нахимов командовать отрядом охотников-пластунов.

Темной ночью бесшумно спустился маленький отряд с кургана и словно растаял в степной тишине – ни травинка не шелохнулась, ни камешек не скатился.

Ползком подобралась пластуны к самой вражеской батарее. Глядят – возле пушек двое часовых похаживают, в темную степь всматриваются.

Оставил тут казак-пластун своих товарищей в маленьком овражке, а сам дальше пополз.

Идет английский часовой, поглядывает в степь, песенку какую-то про себя напевает. Только дошел до крайней пушки и исчез, словно его не бывало. Другой часовой пошел посмотреть, куда его товарищ девался, сделал несколько шагов, и вдруг на него кто-то сзади навалился, горло сжал так, что тот и охнуть не успел.

А Павел Степанович Нахимов стоит на бастионе, вглядывается в ночную темноту и волнуется – рассвет скоро, а в лагере у англичан все тихо и спокойно.

«Заблудились, наверное, пластуны! – подумал Нахимов. – Сбились с пути в ночной темноте... А ведь скоро светать начнет... Погибнут понапрасну!»

И только успел он это подумать, как вдруг прямо перед ним, точно из-под земли, человек вырос. На что был адмирал Нахимов не робкого десятка, и то вздрогнул. Пригляделся – стоит перед ним широкоплечий казак-пластун и докладывает:

– Все в порядке, ваше высокоблагородие! Пушки заклепаны! Двух пленных часовых ребята волокут! А сейчас фейерверк предвидится!

И тут взвился над вражеской батареей столб пламени.

Казалось, до самых облаков дотянулся. Задрожала земля от громового удара. И сразу во вражеском стане началась паника – стрельба, крики...

– Что это? – спросил адмирал Нахимов.

– Так что пороховой погреб на воздух взлетел, ваше высокоблагородие! – спокойно объяснил пластун. – Мы фитилек с огоньком там оставили!

Крепко обнял пластуна Павел Степанович Нахимов, расцеловал в обе щеки. А потом снял со своего мундира Георгиевский крест и повесил на грудь казака.

– Как зовут тебя, молодец? – спросил адмирал.

– Пластун Николай Недилько! – ответил казак...

...Было это под Царицыном в ту пору, когда обороняла его наша Красная Армия от белых полчищ. Говорят, что потребовалось тогда добыть «языка» у белых, чтобы узнать, откуда враг на город наступление думает начать. Ну, конечно, поручили это дело пластунам-кубанцам.

Штаб белых на хуторе одном располагался. Под вечер началось в этом штабе совещание командиров бело-казачьих полков. Со всех окружающих хуторов съехались в штаб белые полковники со своими конвоями. Только совещание началось, заспорили о чем-то под окнами штаба беляки, крик подняли, ругань. Выскочил из дома бравый седоусый урядник, раскричался и всем конвойным велел ждать своих командиров у околицы. Уехали казаки, а урядник по каким-то своим делам на конюшню пошел. Входит туда, и видит: незнакомый густобровый казачина чистит серого коня одного приезжего полковника. И так ловко круп у коня щеткой на клетки разделяет, что залюбовался урядник. В одной клетке шерсть направо зачесет, в другой – налево, вроде шашечной доски получается. А казачина заметил урядника, улыбнулся и еще быстрее щетками замахал.

– Откуда, служба? Из Первого Кубанского? – спросил урядник.

– Так точно, ваше благородие, из Первого Кубанского, – бойко ответил казачина. Отложил в сторону щетки и зовет: – Можно вас, ваше благородие господин урядник, на одну минуту.

У урядника даже глаза заблестели: решил он, что зовет его незнакомый казак самогоном заправиться. Только отошел урядник в угол, а густобровый казак как ахнет его кулаком в висок. Беляк и пикнуть не успел, как был раздет, связан и с потником во рту уложен в сенник, где уже лежал, тоже связанный, дневальный по конюшне.

Когда кончилось совещание, вышли офицеры из штаба и давай свои конвои искать. А уже ночь над хутором спустилась темная-темная.

Сгушай, бгатец! – прогнусавил часовому высокий сухощавый полковник в белой черкеске. – Куда мои дугаки из Пегвого Кубанского подевались?

– Не могу знать, ваше высокоблагородие! – ответил часовой.

И вдруг молодеватый густобровый урядник подводит полковнику серого коня, лихо честь отдает и докладывает:

– Ваше высокоблагородие, конвой вас у околицы ожидает! Отослан, чтобы криком совещанию не мешал! Разрешите проводить вас!

Полковник даже крикнул от удовольствия: так ему урядник понравился.

А урядник стремя поддержал, сам на другого коня вскочил и дорогу показывает:

– Прямо по улице надо ехать, ваше высокоблагородие!

Проехали они посты и караулы, в степь выехали, а конвоя все нет.

– Где же мои казаки, бгатец? – удивился полковник.

– Не извольте беспокоиться, ваше высокоблагородие! Здесь, рядом, в балочке ожидают! – ответил урядник.

Свернули в балку. Темно в ней, глухо. Заволновался полковник.

– Сгушай, бгатец! Да ведь мы с догоги сбились! А урядник успокоил:

– Никак нет, ваше высокоблагородие! Правильно едем! Скоро в Царицыне будем!

– Как, в Цагицине?! Куда ты меня везешь, дугак?! – закричал полковник.

– Правильно везу, ваше высокоблагородие! Желают с вами наши красные командиры побеседовать.

Хотел полковник коня повернуть, за наган схватился. Да не тут-то было! В один момент разоружил его урядник, связал, к седлу приторочил...

Перед утром доложили товарищу Ворошилову, что казак-пластун выкрал у белых полковника, командира казачьего полка, и со всеми документами доставил его в штаб.

– Молодец пластун! Герой! Как зовут его? – спросил товарищ Ворошилов.

– Николай Недилько! – ответил дежурный по штабу...

...А в Великую Отечественную войну был в Кубанской пластунской дивизии снайпер один, которого вся дивизия называла «Смерть фашистам». Каждый день, на рассвете, выползал этот снайпер за нашу передовую. С собой он был парень видный, широкоплечий, а ползал – травинка не шелохнется. Упадет в траву – и нет его, точно сквозь землю провалится.

Но только на фашистской стороне кто-нибудь голову из окопа поднимет, сразу щелкнет одиночный выстрел – и нет врага. Выглянет фашистский офицер в амбразуру дзота, бах – и нет офицера! Даже в тылу немецком, за полтора километра, без промаха доставал пулей врага этот стрелок.

И до того досадил он фашистам, что вытребовали они самого лучшего своего снайпера и дали ему приказ обязательно изничтожить меткого пластуна.

Целую неделю караулил фашист, но так и не мог обнаружить пластуна. На какие только хитрости не пускался: и каску из окопчика подымал, и чучело по густой траве волочил – ничего не вышло. Один только раз, когда подстрелил советский снайпер немецкого полковника, заметил фашист, как дрогнул кустик полыни. Ну, конечно, враг по тому кусту целую обойму патронов выпустил, но ни в кого не попал. Целый месяц караулил фашист

пластуна, а тот нет-нет да и выстрелит.

А как грохнет его винтовка – так новый крест на немецком военном кладбище прибавляется.

И вдруг вроде пофартило фашисту. Было это ранним летним утром. Розовое молодое солнце над степью поднималось. Тишина была такая, словно ушла война куда-то далеко-далеко.

Фашист за бугорком замаскировался. Сидит в глубоком окопчике и через бинокль следит за нашей стороной, А самого его невозможно обнаружить было: рядом гусеница танка подбитого, на каске зеленые веточки прицеплены, точь-в-точь тот же бугорок, что и накануне был...

Смотрел, смотрел фашист и вдруг вздрогнул. Под густым кустом орешника блеснуло что-то. А накануне там ничего не было видно. Всмотрелся фашист – точно, блестит что-то, как стекло в солнечных лучах переливается... А рядом в кустах что-то круглое шевельнулось вроде как каска. Отложил фашист бинокль, схватил винтовку, прицелился, чуть-чуть голову приподнял и выстрелил...

Почти сразу же другой выстрел грянул. И угодила меткая пластунская пуля прямо в висок фашисту...

А казак-снайпер бросил веревку, которой издали шевелил в кустах каску и пустую бутылку, и переменял позицию.

Здорово озлобились тогда фашисты! Часа два били по нейтральной полосе из минометов и артиллерии, всю степь перепахали...

Доложили фашистские командиры, что русский снайпер уничтожен метким минометным огнем,

К вечеру по глухой балочке из немецкого тыла подъехала к передовой легковая машина. Вышел из нее фашистский генерал. Спокойно, не торопясь направился он к офицерскому блиндажу. Опасаться ему вроде было нечего: до русских окопов почти три километра, тропинка в густых кустах проложена – маскировка отличная.

Только на две секунды показалась высокая генеральская фуражка в просвете между кустов. И вдруг свалился генерал, как подкошенный. А уже потом донесся до фашистов гул одиночного выстрела...

В эту же ночь представил командир Пластунской дивизии снайпера Николая Недилько ко второму боевому ордену...

...Как памятник былой славы, как часовой, стоит у въезда в нашу станицу древний Пластунский курган. Летними вечерами приходят сюда наши станичные хлопцы и девчата полюбоваться степью, цветущей, бескрайней, попеть задушевные кубанские песни. Приходят сюда трактористы и доярки, комбайнеры и звеньевые, садоводы и свинарки. Иногда до сотни хлопцев и девчат собирается на кургане. И среди них добрая половина – Недилько. А среди Недилько – десятка два Николаев наберется. В нашем колхозе чуть ли не половина семей – Недилько.

Сказ о человеке, победившем Смерть

Бессилен человек перед смертью, – говорят люди. Были полководцы грозные, полмира они покоряли, а со смертью справиться не могли. Были богачи, собравшие богатства несметные, а от смерти они не смогли откупиться. Были ученые великие, что многие тайны природы открыли, но со смертью не справились. Издавна ходит смерть по земле и косит сильных и слабых, богатых и бедных, и никто ее победить не может.

Но есть на свете Человек, который победил злую, беспощадную старуху – Смерть... С детских лет начал тот Человек бороться против насильников-угнетателей, что сидели на народной шее. Всего себя – и ум свой светлый, и волю стальную, и сердце горячее отдал Человек великой борьбе.

Еще совсем молодым он был, а уже дрожали перед ним и цари-кровососы, и помещики-душегубы, и буржуи-насильники. И решили они извести Человека. Во все времена насильники брали себе в союзники Смерть, чтобы истреблять все молодое, что мешало им творить их черные дела.

Схватили царские прислужники Человека и посадили его в самую глухую тюрьму-одиночку.

«Пускай камень выпьет его молодую силу, холод потушит его сердце, темнота ослепит его разум, – решили палачи. – Тогда Смерти легко будет справиться с ним...»

Прошел месяц, другой, третий, а Человек и не собирается Смерти поддаваться. Такая сила могучая в его теле живет, что никакие камни не могут ее иссушить. От холода еще ярче разгорелось его упорное сердце. В темноте еще сильнее стали его великие думы.

Пробралась как-то в темницу Смерть. Белесым туманом скользнула из мокрой каменной стены и вдруг выросла перед Человеком. Стоит, скалит зубы, косой звенит. Человек поднял на нее зоркие, ясные глаза и спрашивает:

– Чего тебе надо?

Захохотала Смерть, словно ржавыми цепями зазвенела, и говорит:

– За тобой пришла! Собирайся в могилу! А Человек спокойно отвечает:

– Ничего ты со мной не сделаешь, костлявая! Ростки мыслей моих уже проросли в разуме десятков людей – убьешь меня, а мысли мои жить будут... Уходи! Не мешай мне думать!

Попятилась в изумлении Смерть, стружкой сырого тумана вошла в каменную стену и исчезла.

– Не властна я над этим Человеком, – заявила она самому царю. – Он силен, бодр, дух его неустрашим. Не справиться мне с ним сейчас...

Заскрежетал от ярости зубами царь-кровосос и приказал слугам кликнуть помещиков-душегубов.

– Не сломила Человека моя сырая темница, – сказал им царь-кровосос. – Смеется он и над мраком могильным, и над каменными стенами, и над

гробовым холодом. Придумайте, как сломить его волю – иначе не жить всем нам...

Стали думать помещики-душегубы, опытные в палаческих темных делах, и придумали.

Сослали они Человека далеко-далеко, на самый край света, где морозы лютые леденят людские сердца, куда и солнце редко заглядывает. Встретил там Человек угрюмых людей, тоскующих по родному синему небу, по зеленой траве и яркому солнцу.

Огляделся Человек вокруг ясными, веселыми глазами и говорит:

– А здесь неплохо! Смотрите – равнина снежная серебром сверкает. Елочки, точно невесты, нарядные стоят.

Посмотрели люди – и вправду красиво кругом. А Человек продолжает:

– И сюда придет весна! А пока мы будем приближать ее приход!

С тех пор точно солнце незакатное пришло к угрюмым людям, сосланным на край света. Человек словно передал им частицу силы своей кипучей и бодрости великой.

А царь-душегуб во дворце своем роскошном от злобы трясется, все слуг посылает узнавать, не умер ли тот великий Человек.

Как-то ночью глубокой пробралась. Смерть в убогую избушку, где жил Человек. Сизым морозным паром проскользнула сквозь дверную щель. Глядит своими пустыми глазницами, а Человек спокойно сидит за покосившимся столиком и пишет что-то на бумаге. Пишет, улыбается в бородку и напевает весело.

Звякнула Смерть косой и спрашивает:

– Не устал ли ты от жизни каторжной? Не хочется ли тебе покоя? Хочешь, я тебя приласкаю – сразу все горести пройдут.

Взглянул Человек в безносое лицо Смерти и засмеялся:

– А какие у меня горести? Я весел, бодр и силен! Тот огонь, что горит в моем сердце, скоро в миллионах сердец будет пылать! И никто не сумеет погасить его. Уходи! Не мешай мне писать!

– А что ты пишешь? – спросила Смерть.

– Пишу я, как люди жить будут, когда царя-злодея и его приспешников прочь прогонят...

Отступила Смерть и выскользнула через дверную Щель.

Ничего не могу я сделать над этим Человеком, – сообщила Смерть помещикам-душегубам. – Живет он на краю света припеваючи. Не оправиться мне с ним сейчас...

Схватились помещики за головы и давай думать, как известить Человека. А пока они думали, Человек прошел через снега глубокие, через леса дремучие, через поля широкие и поднял весь народ на борьбу с царем-кровососом и его подручными. Выгнал народ всю эту нечисть из своей страны и зажил новой, счастливой жизнью.

Во всех странах забеспокоились помещики-душегубы и буржуи-насилыники, как бы и их владычество не кончилось. Ведь на весь мир разносились мудрые слова великого Человека и все люди жадно слушали их.

– Ой, беда! Кончается наша власть, – стонали заморские буржуи.

Собрали они со всей земли самых ядовитых гадов и стали уговаривать их пробраться к Человеку и ужалить его. Зашипели змеи, засвистели, забеспокоились. А буржуи их уговаривают, улещивают:

– Соглашайтесь, Змеи Змеевичи! Подкосите своим ядом смертельным силу великого Человека, чтобы легче было с ним Смерти управиться. Постарайтесь! Ничего для вас не пожалеем!

Согласились змеи на это черное дело. Со всех сторон стали подбираться они к великому Человеку. Хитрили, прикидывались, в гнилых болотах и под корягами о г людского глаза хоронились. Но не дремали друзья-соратники великого Человека. Истребили они змей подлых и в болотах, и под корягами, и в норах глубоких.

Только одна ядовитая гадина сумела пробраться к великому Человеку. Вползла она к Человеку, когда думал он свои великие думы, когда смотрел своими глазами мудрыми в далекое будущее. Тихо-тихо подобралась ядовитая гадина и ужалила Человека в руку. Ужалила и скорее в темный угол скрылась и стала оттуда тихим свистом Смерть призывать.

Почувствовал великий Человек, как холодит смертельный змеиный яд кровь его горячую, и понял, что не может быть от этого яда никакого спасения. Сел он тогда за стол и стал записывать мысли свои вещие, которые были еще не записаны. Смертельный яд все больше и больше сердце его сковывает, а он сидит и пишет.

Вдруг дохнуло на Человека таким леденящим холодом, какого никогда он не чувствовал. Оглянулся Человек и видит: стоит прямо возле него Смерть, костлявые руки к нему тянет, могильным смрадом в лицо дышит и хохочет скрипуче:

– Ну, теперь ты от меня не уйдешь! Нет силы такой, чтобы победила этот яд! Трепещи! Плачь от тоски и ужаса! Сейчас я потушу твое сердце, сломаю твою волю, скую твои мысли...

Отмахнулся Человек от Смерти и еще быстрее стал писать. А яд смертельный все сильнее и сильнее холодит его сердце, ледяные струйки уже до мозга добираются, мысли замораживают.

– Ну, что ж ты не стонешь от страха? – удивилась Смерть. – Все живое дрожит и трепещет, когда видит меня!

Кончил Человек писать, повернулся к Смерти и отвечает:

– Не властна ты надо мной, костлявая!

– Нет! Теперь мой верх! – захохотала Смерть. – Вот сейчас я потушу твое сердце!

– Не потушить тебе тот огонь, что горит в моем сердце! Я огонь в миллионы людских сердец перелил!...

– Вот сейчас я сломаю твою волю! – проскрежетала Смерть.

– Нет, не сломать тебе моей воли! Влита она в моих верных друзей-товарищей! – ответил Человек.

– Вот сейчас я скую твои мысли, – прошипела Смерть.

– Мысли мои нельзя сковать, – прошептал Человек. – Они на сотни лет вперед продуманы. Я их в книги свои вложил. А если что додумывать потребуется, так додумают за меня мои друзья-соратники боевые, которые шли все время моим путем...

Сковал тут губительный гадючий яд горячее сердце Человека. Взмахнула белесая злодейка Смерть своей косою и подсекла те нити, на которых держится жизнь человеческая. Подсекла, захохотала торжествуя и понеслась за моря-океаны, чтобы порадовать буржуев-наильников своею вестью...

Обрадовались и цари-кровососы, и помещики-душегубы, и буржуи-наильники... Но только недолгими были их радость и торжество. Скоро почувствовали они, что не умер великий Человек.

Все ярче и ярче разгорается пламя его сердца в сердцах миллионов людей!

Все больше и больше властвуют над разумом людским его светлые мысли!

Все крепче и крепче становится воля тех людей, которые встали на путь, указанный великим Человеком, – на трудную дорогу борьбы с царями-кровососами, помещиками-душегубами, буржуями-наильниками.

Живет великий Человек! Могучий и юный идет он по земле, всюду по его призыву поднимаются люди, встают на борьбу за жизнь, за свободу и счастье,

Жив великий Человек! И ни смерть, ни тьма, ни годы не в силах потушить его сердце горячее, сковать его разум светлый, сломить его волю несокрушимую.

Сказ о казаке Иване Кочубее

Вырвавшись из душных горных теснин на широкий степной простор, ревет и пенится Кубань-река. Цветной скатертью степь расстилается, а далеко-далеко синие горы зубчатой стеной встают.

Затерялся в этой степи небольшой хуторок. Хутор как хутор, каких немало на Кубани: белые хаты-мазанки, широкие пыльные улицы, желтые головы подсолнухов выглядывают из-за плетней.

На этом хуторе родился и вырос казак Иван Кочубей – казак как казак – стройный, яркоглазый, прокаленный щедрым кубанским солнцем.

Жизнь у Ивана Кочубея была простой и обычной – такой же, как жизни тысячи кубанских бедняков. Чуть ходить научился – уже коней пасти посылали, подрос – батраком-табунщиком стал. Потом война с германцем началась – на фронт его взяли вместе с другими казаками. И так же смерть кружилась над его папахой, как у других, и сердце сжимала злая окопная тоска. И так же, как все, кричал он: – Довольно, навоевались! По домам пора!

Но по дороге домой довелось казаку Кочубею побывать в Питере и услышать товарища Ленина. Говорил Ильич о вековой несправедливости, о том, что много лет миллионы людей трудились и горе мыкали, чтоб немногие купались в золоте.

Слушал казак Ленина я казалось ему, что о нем, о его жизни говорит этот простой, душевный человек с прищуренными умными глазами.

С тех пор по-иному стали смотреть глаза Кочубея зорко-внимательно. По-другому билось сердце в широкой груди – жгла его ненависть к врагам трудового народа. Великой силой богатырской налились крутые плечи. И все время вставали в памяти понятные и простые слова великого борца за счастье народа, и от этих слов горячо становилось на сердце казака.

Грянул Великий Октябрь, и гром его всколыхнул кубанские степи. Поднялись на борьбу за счастье все те, кто годами горе мыкал на кулацких и атаманских землях, у кого руки были в кровавых мозолях, кто обильно орошал землю соленым батрацким потом.

Словно освежающая весенняя гроза пронеслась над родной русской землей. Широко и вольно вздохнули груди забитых и угнетенных. Великая правда партии коммунистов запылала в сердцах простых людей, звала их на борьбу с насильниками и угнетателями. И тысячами, сотнями тысяч вставали люди, чтобы биться за свое счастье. Борьба была упорная.

Не хотели мироеды даром отдавать свое неправое, нажитое чужим трудом богатство. Создавали они свое войско – со всех сторон на Кубань, как вороны и а кровь, слетались белые офицеры да юнкера. Буржуи из-за рубежа слали белым деньги и оружие. Явился на Кубань злобный волк – Белый Генерал, принял команду над всеми силами и стал хвастаться:

– Мы бедноту в бараний рог согнем, еще больше работать на себя заставим! А кто не покорится нашей силе, того в землю загоним – есть у нас для этого сабли острые, винтовки меткие и петли-удавки крепкие... Все на старый лад повернем! Будет опять царь всей русской землей править. А мы, его верные слуги, в убытке не останемся.

Выехал тогда Иван Кочубей на высокий стенной курган и кликнул клич:

– Все, кто в папской неволе изнывать не хочет, чьи сердца нищета гложет, берите оружие, седлайте коней, вставляйте на бой с врагами!

Со станиц и хуторов, с аулов и сел, со всей Кубани широкой съехались к кургану воины в изодранных бешметах и пропотевших шинелях, с натруженными мозолистыми руками. Глядят: стоит на кургане всадник, конь его золотистый копытом землю роет, белая папаха алой лентой перекрещена.

Смотрят люди: казак как казак, только глаза его огнем пылают и взгляд их до самого сердца достает.

– Кто ты? – спросили люди.

– Я плоть от плоти, кровь от крови вашей, батрак Иван Кочубей.

Зашептались тут некоторые, переглянулись между собой и снова спрашивают.

– А чем ты тогда лучше нас?

Почему ты командовать нами собираешься? Есть люди и постарше тебя!

– Ничем я вас не лучше, такие же мозоли у меня на руках и вовсе не желаю я командовать. Кто в бою крепче врагов будет бить, тот пусть и будет командиром. А мне для себя ничего не надо! Мне общее, народное дело дороже жизни, за общее наше счастье в бой иду!

Снова зашептались недоверчивые и еще вопрос задали:

– А кто тебе поручил людей собирать?

– Сердце мое мне это повелело! Горит в нем огонь ненависти к богатеям-насильникам. А зажег этот огонь Друг всех угнетенных – великий Ленин.

Зашумел тут народ, заставил смолкнуть маловеров-шептунов. Всем миром избрали Ивана Кочубея своим командиром.

Перед боем повторил казак своему войску те слова, которые слышал от Ленина – будто пламя гневное из своего сердца в другие сердца перелил.

И пошли красные конники в бой на белые полчища.

Белый Генерал и его войска – ворон с воронятами, а Кочубей и кочубеевцы – ясные соколы. Налетели соколы на врагов и давай рубить.

Впереди всех врубился во вражеские ряды казак Иван Кочубей. Направо рубанет – десяток врагов на землю валится, налево – пяток мертвыми падает. Пробовали враги его из винтовки достать: только прицелятся – нет Кочубея, один конь его золотистый несется, опустят винтовки – вновь казак на коне и шашка его молнией сверкает.

И побежали белые полчища, сам Белый Генерал живым еле ушел.

Забеспокоились тут буржуи-мироеды да помещики-насильники. Растрясли они карманы, закупили за морем разного оружия, собрали новые войска и приказали Белому Генералу:

– Бери эти войска, смети с лица земли Кочубея и его бойцов, чтоб и духа коммунистического на Кубани не осталось! Не побьешь кочубеевцев – с Кубани придется нам всем бежать...

Долго думал Белый Генерал о том, как победить ему Кочубея. Долго карты свои рассматривал. И придумал он коварный план. Поставил свои войска в долине узкой – с одной стороны горы поднебесные, с другой – плавни гнилые, не пройти, не проехать. А вперед выставил сорок пушек английского заморского литья. Решил Генерал так: «Ударят на меня кочубеевцы прямо в лоб – какой же дурак в плавни или на горы полезет, если прямая гладкая дорога есть! А я пальну по красным из сорока пушек, сомну их ряды и потом конницей своей добыю»...

Сообщили Ивану Кочубею, где стоят войска Белого Генерала. Задумался Кочубей, а потом приказал своим красным конникам разделиться на две части. Одному отряду через плавни идти, другому – через горы. А как блеснет первый луч солнца – с двух сторон ударить на врага. И еще один тайный приказ дал своим верным помощникам.

Спросили казаки Кочубея:

– Зачем на горы лезть, когда гладкая дороге имеется?

– К чему нам через плавни пробираться, если посуху можно пройти?

Сдвинул Иван Кочубей на затылок папаху с красной лентой, улыбнулся и ответил:

– Хочет Белый Генерал, чтобы мы по гладкой дороге шли. А раз он этого хочет, нам надо наоборот поступить...

На рассвете донесли разведчики Белому Генералу, что движется по долине облако пыли. Обрадовался Генерал, оскалил свои гнилые зубы и давай хвастать:

– Вот я сегодня пропишу Кочубею! Вот я покажу ему, как воевать со мною, царским офицером голубых кровей!

А пыль уже всю долину застилает и топот слышится,

Отдал тут Генерал приказ и ударили разом все его сорок пушек. Задрожала земля, взметнулась кверху пыль, я разглядел Генерал, что стреляют его пушки не по кочубеевцам, а по большому гурту скота.

Белые от удивления даже рты пораскрывали: стреляли по кочубеевцам, попали в обыкновенных быков.

Но тут блеснул над степью первый золотистый солнечный луч. И вдруг с двух сторон раздался конский топот и ударили красные конники. Словно с неба свалились они и давай белых бить. А впереди всех мчится на резвом коне Иван Кочубей.

Побросали белые свои пушки и пустились наутек. Белый Генерал даже папаху свою генеральскую от испуга потерял, двадцать верст скакал без остановки, пока в себя пришел...

Долго после этого копили враги свои силы. Собрали они войско несметное, вооружили его заморским оружием, что буржуи прислали, и снова двинули свои полки на Кочубея.

Белый Генерал и его войско – злые вороны, а Кочубей и кочубеевцы – ясные соколы. Но, когда налетает сотня воронов на сокола, обивают они его. Тучей налетели белые на кочубеевцев. Засверкали шашки, загудела земля от конского топота, солнце ясное померкло в пыльных облаках.

Три дня и три ночи шел бой. Много врагов полегло, но стали злодеи одолевать кочубеевцев. Затупились в бою шашки красных конников, помутились от пота глаза, руки устали от взмахов.

– Разбили нас! Сдаваться надо! Покориться следует! – закричали слабые.

Сверкнул очами Кочубей и крикнул громовым голосом: – Нет, не побеждены мы! Правда не может быть побеждена! Скачите, други верные, через степи и пески на восток, откуда приходит солнце. Там войска красные стоят, они придут к нам на помощь! Скачите, а я вас прикрывать буду!

Помчались кочубеевцы, усталые и голодные, раненые и истомленные, туда, откуда солнце всходит. А Кочубей последним отступает, от врагов отбивается. Усталый, израненный, саблей машет и кровь его капля за кашлей на землю сухую падает.

Хотели кочубеевцы помочь своему командиру, повернули назад, но он не позволил:

– Скачите вперед! А то все погибнем! Скачите, я один управлюсь!

Три дня и три ночи отступали красные войска через мертвые степи-пески, степные злобные ветры в глаза воинам колючую пыль кидали, снегами пути-дороги застилали. Кони от усталости падать стали. Закричали тут конники, что послабее были:

– Не дойдем мы! Погибнем все! Лучше сдаться, лучше покориться!

– Нет, дойдем! – крикнул Кочубей, – Видите, солнце над степью встает! Близки уже красные полки! Вперед!

И снова стал он шашкой махать, прикрывая товарищей. Махнет направо – десяти врагов нет, махнет налево – пятерых как не бывало. А кровь его горячая из многих ран так и каплет на песок.

Увидел Белый Генерал, что уходят от него кочубеевцы, разъярился и приказал стрелять по коню Кочубея. Ударили из винтовок враги, зашатался неукротимый скакун и упал бездыханным на песок. Увидели это кочубеевцы и стали поворачивать назад.

– Не бросим мы тебя, Иван Кочубей! Лучше все поляжем в бою с врагами!

А Кочубей сверкнул очами и приказал:

– Слушайте меня, я ваш командир! Скачите на восток, соединяйтесь с красными войсками. Незачем нам всем погибать, врага радовать... Скачите! А я вас прикрывать буду!

Заплакали тут кочубеевцы, но слово командира – закон. И помчались они дальше, подгоняя усталых, качающихся коней.

А Иван Кочубей пешком стал от врагов отбиваться.

– Махнет шашкой – ряд срубит, отмахнется – Полряда как не бывало. А кровь за казаком алым следом стелется.

Вдруг слышит: загремело на востоке могучее «ура». Это вышли навстречу кочубеевцам непобедимые красные полки.

Взмахнул шашкой Иван Кочубей, сразил еще трех врагов и почувствовал, что не может больше поднять свою руку, – ослабел, ушла вместе с кровью горячей сила богатырская. Закачалась перед ним степь широкая, синие тени на глаза набежали, почернело солнце ясное... И упал казак Иван Кочубей мертвым на песок.

Примчался тут на коне Белый Генерал, взмахнул шашкой, разрубил грудь казака и вырвал горячее сердце.

Вспыхнуло сердце пламенной отвагой-ненавистью и испепелило врага – Генерала. А вольный ветер-степняк подхватил жар казачьего сердца и понес его к Кубани родимой, пронес над станицами и хуторами, селами и аулами.

И от горячего сердечного жара загорелись ненавистью к белым все те, у кого мозоли с рук не сходили, кто годами добывал богатство для богатеев-мироедов. Где капля горячей крови Ивана Кочубея на землю падала, там стоял конник с алой лентой поперек папахи. Мозолистые руки грозно шашки

острые сжимали, кони копытами землю били. И звали себя эти конники кочубеевцами.

Когда пошли в атаку на белых красные полки, кочубеевцы с другой стороны на врага ударили. И пришел тут белым полчищам конец.

Много лет прошло с тех пор, но до сих дней горит яркий кочубеевский огонь в сердцах у кубанцев. С молоком матери разливается он по жилам кубанских казачат. Потому так упорны и неутомимы в труде наши земляки, потому нет для них ничего дороже Родины.

Тёплый камень

Рассказывают, что еще лет сорок тому назад не было здесь этих розовых скал. Был тогда на этом месте брод через реку Белую, а за ним горная дорога на хутора.

Когда сражались кубанские партизаны в гражданскую войну за нашу Советскую власть, на Темнолесских хуторах их штаб размещался, а вокруг, по горам, бродили белые банды. Кулаки, атаманы, офицеры царские бешеной злобой кипели против Советской власти. Не щадили они ни женщин, ни детей, ни стариков – всех рубили и стреляли. Если попадались в их руки раненые красноармейцы или красные партизаны, тут они: всю лютость свою показывали. Не было мук, каких бы не придумали злодеи для своих пленников. Горели черные бандитские сердца смертельной ненавистью к людям, которые сражались за советскую правду, против злобы и насилия.

Знали врага, что на хуторах живут семьи советских бойцов, что там помещается партизанский госпиталь, что оттуда идут приказы о борьбе с их шайками. И как змею подколодную, вынашивали мысль: предательским ударом захватить хутора и учинить расправу.

И придумали как-то белогвардейские главари подлый план захвата хуторов. Решили они неожиданно напасть на беззащитных раненых, на женщин и детей, замучить и погубить их.

Известно: правда всегда прямым, светлым путем идет, а страх и злоба темные извилистые тропки ищут!

Начали враги через горы наступление на хутора, а с другой стороны, у реки Белой, в засаду отборную сотню своих душегубов посадили и дали им приказ: когда пойдут партизанские силы в бой, внезапным ударом с тыла ворваться в хутора и порубить партизанские семьи и раненых. С утра в горах загрохотали выстрелы. С трех сторон на хутора злодеи лезут, только на одной дороге у речного брода тихо.

Поседлали красные партизаны коней своих и пошли в бой, а у реки небольшой заслон из пяти бойцов оставили.

Как ударили партизанские сотни по врагам, так те сразу отступать начали. Партизаны за ними. Стрельнет бандит из-за дерева – и к другому назад перебегает. Сверкнут бандитские сабли за скалой, пойдут в атаку партизаны, а враги уже отступили.

Все дальше в горы отходили белогвардейцы, а за ними шли красные партизаны. К вечеру на хуторах уже и выстрелов не было слышно.

Спустились мирные вечерние сумерки над партизанской заставой у реки Белой. Луна выкатилась круглая, блестящая, точно отлитая из серебра. В реке рыба плещется, играет. По кустам соловьи, как стеклянные колокольчики, звенят.

Дозорные партизаны за камнями на бурках лежала и тихий разговор вели. Говорили о той будущей жизни, за которую вели бой, о детях своих говорили, о том, кем они станут, когда вырастут.

– У меня хлопчик все машины строит, – сказал один казак. – Подрастет – инженером будет.
– Моя дочка не иначе, как на доктора выучится, – проговорил другой.
– Мой парнишка особый талант имеет, – улыбнулся третий. – На что ни глянет своими синими глазами, сразу все запомнит. А потом из дерева вырежет и коня, и тура горного, и орла – все, что видел...
– Добудем мы для детей наших радостную жизнь, и все они, кем захотят, стать сумеют! В руках наших птица-счастье, только не выпустить бы ее, – заключил четвертый партизан.

А потом друзья замолчали и долго смотрели на родные горы, на леса дремучие, на буйную реку...

В полночь вдруг затрещали кусты на другом берегу. Казаки-партизаны умолкли, – приготовили винтовки и видят: разбрызгивая серебристую воду, мчится через реку лавина черных всадников.

Яркими вспышками ударили партизанские винтовки, забились в воде кони и люди. Черные всадники назад, отхлынули, затаились и тоже стрелять начали.

Долго шла перестрелка. Трудно вести бой, когда навстречу твоей пуле двадцать вражеских летит. Но никто из партизан и не думал о том, чтобы отступить – ведь сзади них были раненые товарищи, были жены и дети, ради счастья которых пошли они на смертельный бой.

К рассвету, когда за клубился над Белой молочный туман, из пяти бойцов остался в живых только один. Переползая от камня к камню, напряженно всматриваясь в светлеющий туман, слал он за реку меткие пули.

«Хоть бы ветер донес до моих друзей-товарищей весть об этом бое, – думал партизан. – Ранен я, уходят последние силы, а врагов не сочтешь! Если прорвутся они – погибнут раненые, жены и дети наши погибнут, никого не пощадят белые звери»...

Вспомнил тут он друзей своих боевых, что лежали сейчас в партизанском госпитале. И еще зорче стал целиться, посылая врагам редкие, но точные пули.

Заря разгоралась над горами и розовые полотна легли на бурную реку, разогнали туман, когда белые банды пошли в двадцатую яростную атаку. Собрал партизан у мертвых товарищей патроны и, истекая кровью, продолжал бой.

– Помоги мне, река родимая! Брось с верховья свои воды, зашуми волнами, оборони партизанский стан от врагов, – просил он.

Шумела, плескалась река, но не было у нее сил встать непроходимой преградой перед врагами.

А бандиты уже опять к броду толпой собираются, подпруги на конях подтягивают.

Кончились у партизана патроны. Осталась только одна граната.

Привстал он из-за камней, взглянул на молодое, веселое солнце и прошептал:

– В последний раз вижу тебя я, солнышко ясное! Не боюсь погибнуть за правое дело, но хочется мне, чтобы сын мой, что спит сейчас в своей зыбке, не знал горя-кручины, чтобы жизнь его была светлой и долгой, как солнечный летний день...

И встал в памяти казака его сынишка – синеглазый, русоволосый, с темными бровями.

А бандиты уже с криками и визгом через реку несутся, шашки пламенем пылают, брызги воды, как кровь, из-под конских копыт летят.

Взглянул партизан на розовые от солнца горы, вдохнул свежий утренний воздух и крикнул:

– Горы родные, сохраните моего сынишку и сынов друзей моих! Пусть живут они и радуются новой жизни! Пусть трудом своим славят родную землю!

С визгом и руганью налетели на казака злодеи, взметнулись над его головой клинки. А он поднял руку и бросил себе под ноги гранату.

Вздрогнула земля от взрыва, клубы пыли скрыли партизана и его врагов. Сдвинулись вековые утесы, поползли в ущелье. И долго еще грохотали горы, точно переговариваясь между собой суровыми, гневными голосами.

А когда смолк грохот и рассеялась пыль, поперек ущелья, там, где раньше лежала дорога на Темнолесские хутора, стояла несокрушимая каменная стена. И был этот камень не похож на другие – теплый, розовый, с алыми жилками. Точно согретый человеческой кровью, как живой, переливался он на солнце.

Потоптались перед стеной бандиты, которые уцелели в бою, и, не найдя дороги, повернули обратно...

Прошло с тех пор немало лет. Истлели бандитские кости в горах и лесах кубанских. Счастливая жизнь, за которую сражались красные партизаны, навечно пришла в наш край.

Много людей приходило любоваться чудесным камнем, теплым и светлым, как здоровое человеческое тело.

Пришли раз сюда и уральские камнерезы – мастера, понимающие красоту и душу каждого камня. Долго любовались они каменной стеной, в глубине которой точно горело и переливалось пламя.

Двое мастеров остались на берегах Белой и стали учить кубанских хлопцев своему вековому искусству.

Немало сейчас у нас хороших кубанских мастеров-камнерезов. Делают они из теплого камня разные вещи дивной красоты. Под их руками рождаются каменные чаши-цветы с тонкими прозрачными лепестками. Они высекают из камня горных орлов и узорные, точно кружевные, шкатулки.

Но каждый, кто входит в мастерскую, дольше всего стоит перед работой синеглазого камнереза. Почти десять лет жизни отдал этой работе кубанский мастер. Работа еще не окончена, но глаз не оторвешь от нее.

...Напрягая мускулистое тело, взметнув вверх руку с гранатой, поднимая истомленное лицо, стоит партизан в разорванной черкеске и кубанке,

перечерченной красной лентой.

Живыми розовыми красками отливают его сильное тело, сурово сдвинув густые брови, прямо и гордо смотрят широко открытые глаза.

Хочет мастер поставить свое творение высоко над шумной Белой, там, где добывают люди теплый розовый камень.

И будет красный партизан, как живой, стоять в вышине, смотреть на наш привольный советский край, за который погиб он в неравной битве... И каждый, кто пройдет мимо, вспомнит бойца, пролившего кровь за наше счастье. И станет оживший в камне казак-партизан звать наших детей ничего и никогда не жалеть для своей Родины.

Сказ о комиссаре Беликове

Это сейчас наш хутор стал большим, как станица. А лет сорок назад было в нем всего десятка три турлучных хат да в самом центре большой, крытый оцинкованным железом, дом Игната Рябошапки. А кругом хутора, там, где теперь рисовые чеки, поля да сады колхозные тянутся, шумели тогда дремучие камыши...

Даже когда Советская власть пришла на кубанскую землю, мало что переменялось в нашем хуторе. По-прежнему шумели вокруг камыши, тяжело вздыхала непроходимая болотная топь, тонким звоном звенели несметные стаи комаров. И как раньше, старый волк Игнат Рябошапка был полным хозяином на хуторе...

Правда, перерядился хищник в овечью шкуру, поджал хвост, хитрить начал, но повадке своей волчьей не изменил.

Все свое хозяйство – два десятка коней, пятнадцать коров, сады, сотни десятин земли для видимости разделил Рябошапка между шестью своими сынами да десятком верных людишек. Но на деле не то что эти людишки, а и сыны старика не смели без позволения отца капли молока выпить, яблок в саду нарвать. Ревком наш в ту пору тоже был одна видимость – всеми делами там заправлял верный прислужник Рябошапки, его бывший приказчик. Весь хутор был опутан хитрыми силками Рябошапки – одни у него уже добрый десяток лет в должниках ходили, другие – запуганы им были, третьи – на милость его надеялись. Попытались как-то двое братьев-фронтовиков обуздать старого волка, поспорили с ним на сходе, в станичный ревком грозили жаловаться. Но сделать ничего не успели, потому что на следующий день нашли их в плавнях мертвыми, с отрезанными носами и ушами.

Приезжали к нам на хутор комиссары из станицы, гостили у нас кто день, кто два. И каждый раз наш хутор другим в пример ставили – и порядок у нас лучше, и земля разделена по справедливости, и батраков вовсе нет... Действительно, глянет сторонний человек – не хутор у нас, а прямо росток коммунизма. Над ревкомом красный флаг полощется. Люди на полях, на огородах трудятся. Сход соберут, начнут говорить о продрозверстке, о том,

что Красную Армию и рабочих кормить надо – сейчас же выходит вперед престарелый трудовой казак Игнат Рябошапка и сердечно, со слезой в голосе, начинает призывать хуторян «помочь родной Советской власти». На следующий день отправляли с хутора обоз с зерном... Но почти каждый раз не доходил он до станицы – перехватывали его в плавнях бандиты. И никто не знал, что большая часть этого зерна ночами возвращалась в тайные амбары Игната Рябошапки.

Продолжалось так до той поры, пока появился на нашем хуторе комиссар Беликов. Был он в стоптанных сапогах, пропотевшей гимнастерке и выцветшей фуражке с красной звездой. Но эта линиялая гимнастерка так красиво облегла крутую грудь, так туго был подтянут пояс с медной морской пряжкой, так весело и задорно смотрели из-под белесых бровей светлые глаза комиссара, что казался он и нарядным, и красивым – прямо добрый молодец, о котором песни поют.

Спервоначала вел себя комиссар очень тихо и скромно – ни во что не вмешивался, никаких приказаний не отдавал. Ходил себе, с казаками разговаривал, с девушками пересмеивался, с хлопцами самосад курил.

Старый Рябошапка несколько дней глаз не сводил с нового комиссара, каждым шагом его интересовался. А потом зазвал комиссара к себе обедать, угостил жирным борщом и варениками в сметане. Выставил он на стол и пару бутылок самогона, но комиссар поблагодарил, а пить не стал, сказал, что доктора ему пить запрещают. Хитрый Игнат комиссара сынком называл, по плечу его похлопывал, на царское угнетение жаловался. Комиссар внимательно слушал, поглаживал кудрявые усики, смотрел на хозяина улыбочивыми светлыми глазами и кивал головой...

А на следующий день, как раз к обеду, забрел комиссар в хату Тихона Кияшко, самого наибеднейшего казака. По кубанскому обычаю, позвали гостя к столу, откусать крапивного борща... Присел комиссар, поел борща, похвалил хозяйку. А потом принялся рассказывать, какой жирный борщ да какие вкусные вареники Игнат Рябошапка ест.

– Ему бы еще не есть, когда он со всего хутора шкуру дерет! – не выдержала хозяйка.

И замолкла, остановленная строгим взглядом Тихона.

Но комиссар словно только и ждал этого. Начал он рассказывать, что Советская власть хочет, чтобы каждый, кто трудится, жил бы сытно и счастливо, что нельзя допускать кулацкого засилья.

Потом зашел комиссар к многодетной вдове, которая жила по соседству с Рябошапкой, и попросил угостить его холодным молочком.

– И рада бы, родной, да дети мои и то молока не видят! – вздохнула вдова.

– А почему? – удивленно вскинул брови комиссар. – У тебя же, хозяйка, две коровы в стаде гуляют. Видел я их – добрая скотина, каждая не меньше полпуда молока в день дает. Куда же ты его деваешь?

Покраснела вдова, даже слезы на глазах выступили. Но промолчала.

А комиссар Беликов, как ни в чем не бывало, в сад отправился, где ребяташки вдовы яблоки-падалицу собирали.

– Э, хлопцы, охота вам такую гниль да червоточину есть! – удивился комиссар. – Вон ветки от яблок спелых гнутся! Сорвали бы их да поели вдоволь. Ваши ведь яблоки!

– Не наши, а деда Рябошапки! – объяснил один из хлопчиков. – А он рвать яблоки не разрешает.

Так походил комиссар Беликов то хутору и многое узнал, во многих сердцах посеял недовольство лиходеем-кулаком. И прошло совсем немного времени, а новый – комиссар уже знал, кто чем живет и дышит...

Прошло немного времени, и прибыл на наш хутор продотряд – сто конников-молодцов. Собрал комиссар сход и стал говорить о том, что рабочие в городах голодают, в Поволжье засуха, Краевой Армии нужен хлеб. Помянул он недобрым словом бандитов, которые раньше не давали довести хлеб с хутора до станицы.

– Чтобы этого больше не случилось, я и вызвал конный отряд, – сообщил комиссар. – Так что теперь без опасения сдавайте хлеб, трудящиеся казаки! Попадет ваш хлебушек в те руки, в которые и должен попасть. Добрым словом помянут вас и рабочие и красноармейцы!

Игнат Рябошапка тут сразу смекнул, что старший его номер на этот раз не удастся – не смогут его друзья-бандиты отбить теперь хлеб, слишком уж сильна охрана. И запел старший хищник новую песню:

– И сердцем, и душой рады бы мы -помочь нашей родной Советской власти, которая, значит, освободила нас От царского угнетения! Разве ж мы не понимаем, разве ж мы не сочувствуем нашим кровным братьям-рабочим! – Тут Игнат Рябошапка тяжело вздохнул и развел руками. – Но ведь всем известно, что нет у нас хлебушка, еле-еле на пропитание да на посев зерна хватит... Все, что могли, мы уже отдали нашей Советской власти, как говорится, рубашки последней не пожалели. А разве ж мы виноваты, что проклятые бандиты отбили тот хлеб. А больше зерна у нас нет, как бог свят, нет!

Глядят наши казаки и дивятся. Комиссар Беликов слушает старого хитреца, кивает головой, а в светлых глазах его веселые и лукавые искорки мелькают.

Как только кончил говорить Рябошапка, спросил у него комиссар:

– Значит, нет у вас хлеба, гражданин Рябошапка?

– Нету, нету! Как бог свят, нету! – затряс бородою Игнат.

– Ну, если у вас хлеба нет, то что поделаешь? – усмехнулся комиссар. – Придется нам в другом месте хлеб искать. Только очень я рад и доволен, что вы хлеб не прятали.

– Да ведь нечего прятать, товарищ комиссар! – со слезами в голосе воскликнул Рябошапка. – Все, что могли, родной Советской власти мы отдали.

– Вот и хорошо! – хитрая улыбка скользнула под кудрявыми усами комиссара. – Значит, заберем сейчас мы не ваш хлеб, а чужой... И не будет промеж нас никакой злобы!

Вскочил тут комиссар Беликов на коня и вместе с продотрядовцами и целым обозом порожних телег направился к окраине хутора, к старой, заброшенной мельнице – ветряку. Конечно, туда и все наши хуторяне двинулись, потому что очень всем любопытно было, что за загадку загадал комиссар.

Въехали продотрядовцы на холм и приказал им комиссар отвалить старые жернова и копать под ними землю. Сняли чуть поменьше аршина земля – глядь, доски какие-то показались. А народ толпится вокруг ямы, удивляется: откуда клад такой на хуторе объявился?

Сняли доски. Под ними глубокая и широкая яма оказалась. И дно этой ямы, и бока были обшиты добрыми дожами. А сама яма до краев оказалась заполненной крупной золотой пшеницей – гарновкой.

Шум тут поднялся, крики. Только старый Рябошапка да его шесть сыновей стояли молча, бледные и мрачные, а глаза у них горели недобрым волчьим огнем.

Когда подводы с зерном, окруженные продотрядовцами, уже трогались в путь, подошел комиссар Беликов к старому Рябошапке и громко, чтобы все слышали, сказал:

– Вон какое чудо-чудное, гражданин Рябошапка! – Колючие насмешливые искорки запрыгали в светлых глазах комиссара. – Зерно никто не прятал, а его в земле оказалось почти тысяча пудов. Хорошо, что мне откровение вышло, а то погнил бы хлебушек...

Заскрипели зубами от злости дюжие сыны старого Рябошапки. А у старика лицо кровью налилось. Рванул он тугой воротник бешмета и прохрипел:

– Разбойник! Грабитель!

– Это как же понимать, гражданин Рябошапка? – удивился комиссар. – За что вы меня так оскорбляете? Разве это ваше зерно? Ведь вы перед всем миром клялись, что ничего не прятали и что хлеба у вас только на пропитание да на посев осталось...

Опустил сивую, волчью голову старый Игнат Рябошапка и зашагал к хутору. А за ним шли его шесть сыновей.

И тут впервые кто-то из наших хуторских крикнул им вслед:

– Бирюки проклятые! Гноили хлеб! Выходит, сам не гам и другому не дам!

Вечером собрал комиссар Беликов самых бедных наших хуторян в ревкоме и прямо заявил:

– Хватит вам батрачить на Рябошапку! Как представитель Советской власти, заявляю я вам категорично – сами пейте молоко от тех коров, которые вам Рябошапка дал, сами ешьте яблоки и груши из садов, которые он вам прирезал... Сами будете и хлебом со своих наделов пользоваться. И

объявляю я вам, что ничего вы Рябошапке не должны – все ваши долги берет Советская власть на себя.

– Да разве ж можно так?! – не выдержал Рябошапкин приказчик, который ходил у нас в председателих ревкома. – Ведь благодетель он, сколько лет всех нас кормил...

Тут комиссар Беликов сдвинул светлые брови, и веселые глаза его вдруг стали холодными, точно ледяными.

– Не Рябошапка кормил этих людей, а они, своим потом и кровью, кормили этого кровососа, – выкрикнул он. – А тебе, кулацкий прихвостень, давно уже нечего делать в ревкоме! Иди к своему пану Рябошапке, авось он тебе кинет объедок со своего стола...

В этот вечер был организован у нас комитет бедноты, а председателем его выбрали Тихона Кияшко.

Позднее, когда разошлись бедняки по домам, а комиссар Беликов засветил лампу-каганец в ревкоме и сел возле нее с книжкой, вдруг грохнул под окном выстрел, и пуля шмелем прожужжала мимо комиссаровой головы.

Дунул Беликов на каганец и одним прыжком выскочил из горницы. Только двери на улицу распахнул – опять прямо в лицо полыхнуло выстрелом и ухо обожгло пулей. А комиссар в ответ разрядил свой маузер... Наутро собрал Беликов всех наших жителей на сход и прямо заявил:

– Я, граждане, предлагаю выселить с хутора, как вредного нетрудового элемента, Игната Рябошапку со всей его кулацкой семьей. Землю его нужно разделить между бедняками, а в доме школу устроить...

– Большой кусок хочешь сглотнуть, комиссар! Подавишься, смотри! – злобно выкрикнул старший сын Рябошапки.

– А уж это не твоя забота! – пожал плечами комиссар. И предложил: – Кто за мое предложение?

Стали тут мяться наши казаки: уж больно они запуганы Рябошапкой были. Стоят, с ноги на ногу переминаются, а рук не поднимают. Словно сковали их злые взгляды Рябошапки и его зверенышей. Так ничем и кончился этот сход.

Когда расходились со схода, подошел старый Рябошапка к комиссару Беликову, ощерился и проговорил:

– Что, не вышло по-твоему, комиссар?

– Да, пока не вышло, – спокойно ответил Беликов. – Не разобрался пока еще народ, кто его заклятый враг... Уж больно запугал ты людей. Ну, ничего – сегодня не разобрались, завтра поймут. И тогда не жить тебе на хуторе!

– Не будет этого, слышишь, не будет! – прохрипел Рябошапка. – Жили мои родичи на этом хуторе сотню лет и еще сотню годов проживут! А ты для всех здесь чужой человек... Уйдешь отсюда или сдохнешь здесь – и слова доброго о тебе никто не скажет! Так ты лучше зараз уезжай, пока живой...

– А я погожу! – засмеялся комиссар.

Наутро нашли комиссара Беликова убитым возле ревкома. Кто-то из-за угла срезал его злой пулей. И, видать, мертвому уже распорол живот и насыпали туда пшеницы – на, мол, ешь!

В суровом спокойствии застыло лицо комиссара, строго сдвинуты были белесые брови, кровью пропиталась старая гимнастерка. А мертвые глаза, казалось, смотрели на нас с холодной укоризной.

Внесли мы комиссара Беликова в ревком, положили на стол, застланный красным кумачом. И тут вдруг в голос, горько зарыдали над ним женщины.

Да и казаки не одну слезу украдкой стряхнули. Весь хутор сбежался к ревкому, только из Рябошапок никого не было видно.

Вышел тут вперед Тихон Кияшко, окинул всех тяжелым, свинцовым взглядом, откашлялся и оказал:

– За нас погиб человек, за наше счастье! Правильно говорил он нам вчера – нельзя терпеть среди нас злобного старого волка с его выводком! Рябошапка сгубил нашего друга! Пошли до Рябошапок!

Прямой, крутоплечий, зашагал Тихон Кияшко к крытому белым железом дому Рябошапки. И казалось сначала, что один он дойдет к высоким воротам с железными цветами на столбах, что другие опять не посмеют и слова сказать против Рябошапки...

Но вот шагнула за Кияшко вдова с ребенком на руках, за нею двое казаков, потом старуха...

И, как лавина, хлынул к воротам весь народ. Как нажали – распахнулись настежь ворота, загремели цепями и залились злобным лаем здоровенные, раскормленные собаки. Выскочили на двор с обрезам в руках дюжие сыновья Рябошапки, торопливо вышел и сам старик.

Но и раза выстрелить не успела кулацкая семейка, как сгрудил ее народ, отобрал обрезы и потащил к ревкому...

В тот день решили казаки назвать наш хутор именем: комиссара Беликова. Так и зовется он теперь. И каждый на нашем хуторе знает, кто такой был товарищ Беликов и как он раскрыл нашим людям глаза на жизнь. И песни поют на нашем хуторе о комиссаре Беликове – хорошие, грустные и сердечные, песни. И могила комиссара Беликова всегда утопает в цветах...

Но никто не знает, не помнит и не хочет знать, где зарыты волчьи кости старого лиходея Рябошапки и его сынов!

Сказ о коммуне «Набат»

В станице Брюховецкой, в просторном станичном парке, есть братская могила, на которой никогда не увядают цветы. Наши пионеры проводят у этой могилы торжественные сборы. Возле нее в Октябрьский и Первомайский праздники собираются на митинги колхозники. Перед нею

снимают шапки старые, седоусые казаки. Здесь, под высоким могильным холмом, спят те, кто кровью и жизнью своею осветили нам путь-дороженьку к коллективному труду и общему счастью... А дело было так...

В скорости после того, как вышибли красные полки с кубанской земли белогвардейскую нечисть, появился в Брюховецкой балтийский матрос. Худое лицо его перекрещивали два багровых шрама от сабельных ударов, белогвардейская пуля засела в правой ноге, грудь пробита штыком. Весь изранен был матрос в боях с беляками, но живым огнем горели его веселые карие глаза и билось в груди горячее сердце коммуниста.

Пожил он в станице, осмотрелся, сдружился с нашими ревкомовцами и чоновцами.

А потом как-то собрал всех станичных батраков и бедняков и предложил им:

– Давайте, товарищи, жить так, как призывают коммунистическая партия и товарищ Ленин! Дружной коммуной, коллективом единым, чтобы один за всех и все за одного.

– Как это? – не поняли некоторые. Тряхнул матрос смоляным чубом и пояснил:

– Знаете вы, что в двадцати верстах от станицы есть остров в плавнях, а на нем монастырь. Побывал я там недавно. Богато жили, видать, паучки-крестовички! Дома – кирпичные, вокруг обнесены крепкой каменной стеной. Сад такой, что лучше не найдешь. Поля, огороды, коровы... Одним словом – благодать! А живет сейчас в том монастыре всего девять монахов – те, которые посмирнее. Остальные – кто с белыми ушел, кто в банды подался. Вот я и предлагаю создать там коммуну, хозяйствовать сообща. И пусть коммуна наша всей Кубани показывает путь к счастливой коллективной жизни.

Зашумел тут народ, вопросы посыпались со всех сторон. И на все эти вопросы давал матрос добрые ответы, только иногда закатывался он отрывистым кашлем, и тогда темнело его худое лицо.

– А как назовем мы нашу коммуну? – спросил один из батраков.

Ярким солнечным светом вспыхнули глаза матроса.

– Назовем мы ее «Набат»! Пусть весть о ней по всей кубанской земле несется, как набат, гремит и людей на новую жизнь поднимает...

Через несколько дней в старом монастыре появились новые жители. Под строгими сводами монастырских коридоров колокольцами зазвенели детские голоса и смех. В бывших кельях хлопотали домовитые хозяйки, и под их руками хмурые темноватые комнатки превратились в уютные и веселые. Мужчины во главе с матросом с хозяйством знакомились – одни скотом любовались, другие – сады осматривали, третьи – плуги чинили. На колокольне, у старенького «Максима», дежурило двое зорких часовых, следивших за тем, чтобы из плавней не подобралась бы незаметно к монастырю банда.

Словно недобрые – черные вороны, нахохлившись, смотрели на веселую суетню девять монахов, еще оставшихся в монастыре. Шестеро из них были совсем древние, еле-еле ноги передвигали, а трое – еще молодые и крепкие.

Заметил их матрос, нахмурился и сказал:

– Вот что, святые отцы! Завтра же выбирайтесь отсюда подобру-поздорову! Чтоб и духом вашим чадным здесь не пахло!

– Да куда же мы пойдём? Да что мы делать будем? – запричитали монахи.

– А это – Не наша забота! – ответил матрос. – Учитывая вашу старость и слабость, отвезем мы вас завтра в Брюховецкую, а дальше – идите сами на все четыре стороны!

– Негоже делаете, гражданин начальник! – вдруг заговорил тихим, но внятнм тенорком моложавый, русобородый монашек. – Мы все тоже желаем вступить в братскую семью трудящихся.

– Что это вы вдруг трудиться захотели? – недоверчиво спросил матрос.

– Мы и раньше трудились, – пояснил монах. – Я и мои друзья. – он указал на монахов помоложе, – к примеру, хорошие плотники. А среди наших -старцев добрые пчеловоды и садоводы найдутся.

– Ну и хорошо! – кивнул головой матрос, – Значит, не пропадете вы, святые отцы, найдете себе дело и в других краях,

– Никуда мы не желаем уходить, гражданин начальник! – тем же тихим голосом возразил монашек, окидывая коммунаров ласковым взглядом голубых глаз. – Здесь мы хотим трудиться, вместе с вами!

– Здесь вам делать нечего! – настаивал матрос.

– Не гони их, председатель, не надо! – вступился за монахов бывший батрак Семен Ревенко. – Пускай трудятся вместе с нами!

– Не верю я, чтобы трутни трудиться стали, – отрезал матрос и закашлялся. – А плохо будут работать – тогда и наладим их отсюда подальше! – предложил Семен. – Жалко ведь стариков. Пускай трудятся.

– Верно! Пускай остаются! Прогнать всегда успеем! – закричали коммунары.

– Ну что же! – вздохнул матрос. – Если народ так решил, оставайтесь...

А потом, отозвав Семена Ревенко в сторону, председатель сказал ему:

– Не верю я этим монахам. Кто бога часто поминает, у того всегда черт в душе. Следи за ними в оба глаза. Особенно за этим, сладкоголосым. Глаза у него какие-то блудливые.

Но монахи трудились так, что никто на них пожаловаться не мог. Старики хлопотали на пасеке и в саду. Молодые – плотничали, двери чинили, столы да табуретки для коммунаров делали.

Молодой монашек – Никодимом его звали – крепко сдружился с Семеном Ревенко. Когда на работу коммунаров наряжали, Никодим всегда просил послать его вместе с новым другом. Трудился он горячо, с охотой, хоть и не всегда получалось у него ладно. Косить начал – косу поломал, огород от сорняков поставили его очищать – рассаду повредил.

– Да, не плотницкое это ремесло!
– качал головой монашек. – Не приходилось мне раньше хлеборобскую работу делать.

– Так шел бы ты плотничать вместе со своими друзьями.

– Нет! – качал головой Никодим. И его голубые глаза светились вкрадчивой лаской. – Я с тобой лучше... Люблю я тебя, друг Семен, сразу полюбил, когда ты во мне человека увидал.

– Ну, что там! – смущался Ревенко.

А монашек начинал рассказывать, как его мальчонкой – малолетком привели в этот монастырь, как издевались над ним монахи, как он плотницкому ремеслу выучился.

По вечерам, после работы, сходились коммунары в саду и начинали песни петь. То хором, то в одиночку пели. То польется, полетит над плавнями старая запорожская песня о казаках, изнывающих в турецкой неволе, о сизой кукушке – зозуленьке, стонущей поутру. То звучит задумчивая кубанская песня о казаке, потерявшем свою любимую. И каждый вечер просили коммунары спеть молодого монашка.

Был у Никодима голос мягкий и ласковый, словно медовый. Тихо и вкрадчиво входил он в людские сердца и рождал в них умиление и легкую грусть. Пел монашек добрые русские песни – о стежках-дорожках, о сердечке, дрожащем точно осенний лист, пел, плотно закрыв свои голубые глаза и чуть-чуть раскачиваясь из стороны в сторону.

Дружно трудились коммунары, дружно жили, дружно отдыхали. И добрые вести о коммуне «Набат» неслись по кубанской земле. Даже колючий и раздражительный матрос – председатель коммуны – и тот окреп, поздоровел и стал добродушнее. Собрала коммуна неплохой урожай, от скота получился добрый приплод. Даже мелкие неполадки – то, что несколько коров отравилось какой-то вредной травой или что одна скирда сена сгорела по неизвестной причине – не портили радостного настроения коммунаров.

Вначале, сразу же после переселения, бандиты есаула Рябоконя, что прятались в плавнях, несколько раз пытались нападать на коммунаров. Но дозорные смотрели зорко, на все работы выходили коммунары с винтовками, давали жестокий отпор бандитам. И к лету стало совсем тихо, словно исчезла банда из плавней.

В самую хорошую пору посеяли коммунары озимые. И сейчас же, как по заказу, начали по ночам перепадать тихие, теплые дожди. Днем солнце, а ночью дождик, мелкий, частый, как через сито. Было отчего радоваться хлеборобам!

В одну из таких темных, непроглядных ночей старшим по охране был назначен коммунар Семен Ревенко. Хотя в последнее время бандиты не показывались, но коммунары каждую ночь выставляли караулы – одного посылали на колокольню, к пулемету, другой дежурил на крыше столовой, двое караулили возле стены, окружавшей двор, и еще один – у тяжелых, железных ворот, которые на ночь задвигались изнутри крепким засовом.

Все тихо и спокойно было в эту ночь. Чуть слышно, сонно шелестел мелкий дождик. Иногда что-то чмокало в плавнях, словно вздыхал кто-то огромной, натруженной грудью.

Семен обошел весь двор, проверил посты и вернулся гротам. Здесь он присел под деревянным навесом и закурил. Сладко ныли уставшие от дневной работы плечи. От влажной бурки шел особенный, уютный, усыпляющий запах мокрой шерсти. А дождь все шелестел и шелестел, словно сыпался мелкий песок на стол.

Незаметно Семен или задремал, или просто задумался. Только привиделась ему родная хата-завалюха и мать – такая, какой была она лет двенадцать назад – молодая, румяная. Стоит она, склонившись над столом, и сеет муку. И себя видел Семен голопузым, белобрысым мальчишкой. Будто бегают он вокруг стола и просит у матери хлеба...

Какой-то неясный не то крик, не то стон разогнал сонное оцепенение. Вскочил Ревенко, вскинул винтовку, выставил вперед штык.

И сейчас же послышались чьи-то тихие шаги. Кто-то шел от жилого здания и грязь чавкала у него под ногами....

– Стой! Кто идет? – настороженно выкрикнул Семен.

– Я, друже! – ответил знакомый, мягкий тенорок Никодима.

– Чего ты по ночам блукаешь? – ворчливо спросил Ревенко, опуская винтовку.

– Да знаешь, друже, какое дело вышло, – засмеялся Никодим, вплотную подходя к Семену. – Проснулся я и до того мне захотелось закурить, хоть помирай. А махры ни крошки. Вот я и вышел на двор, хоть щепотку махорочки достать.

– А крика ты никакого не слышал?

– Крика? – удивился Никодим. – Нет, не слышал... Только я сам вскрикнул, когда у крыльца оступился. Так дай закурить, друг.

Отставил Семен винтовку, полез за кисетом.

И вдруг что-то тяжелое ударило его по голове, словно ворота на него свалились. И застонать не смог казак, а грузно рухнул на землю.

А Никодим оттолкнул падающего ногой, сунул в карман наган и принялся открывать ворота. Тут подоспели к нему монахи-«плотники».

– Что там у вас? – отрывисто и строго спросил Никодим.

– Все в порядке, ваше благородие! Оба часовых сняты... Остались на крыше и на колокольне.

Взвизгнув, отодвинулся ржавый засов. И сейчас же во двор вбежала целая толпа людей.

– В кельи, быстро! – отрывисто приказал тот, кого коммунары звали Никодимом. – Отрезайте путь к трапезной – там оружие. Никого не щадить!

Торопливо и отрывисто хлопнули с крыши три огненные вспышки. Но кто-то из бандитов ударом в спину сбил часового.

Коммунар на колокольне спросонок никак не мог понять, что творится внизу, во дворе. Он перегнулся через ограду и крикнул:

– Товарищи, что там у вас?

Высокий бандит в белой папахе вскинул наган. Черной тенью промелькнуло в воздухе падающее тело и грузно ударилось о камни.

В темных монастырских коридорах и кельях засверкали огненные вспышки, послышались стоны и крики. Винтовок у коммунаров не было, они все остались в бывшей трапезной, которую сразу же захватили бандиты. Но кое у кого оказались наганы. Остальные яростно дрались с бандитами, чем придется, – табуретами, топорами, голыми руками...

Несколько часов сопротивлялись коммунары. Но что они могли сделать с вооруженными до зубов бандитами?

Когда были перебиты самые сильные и обессилели в неравной схватке те, что послабее, – началась жестокая расправа.

Ярким пламенем запылали сараи и конюшни, заботливо отстроенные коммунарами. И при этом трепещущем, зловещем свете бандиты стали добивать раненых коммунаров.

Выставив вперед тощую ногу в блестящем сапоге, худой и злобный, точно степной коршун-стервятник, стоял посредине двора есаул Рябоконь. А рядом с ним, уже переодевшийся в офицерскую форму улыбался тонкими губами тот, кого звали коммунары Никодимом.

Отчаянно кричали дети и женщины. Даже ненастная и хмурая ночь, казалось, в ужасе отшатывалась от того, что творилось на монастырском дворе. Бандиты шашками рубили женщин и детей, кидали их в огонь, резали кинжалами.

– А вы – артист, поручик Никодимов! – хищно усмехнулся есаул Рябоконь. – Ловко вы сыграли роль.

– В поместье моего папаши я не раз участвовал в любительских спектаклях, господин есаул, – ответил поручик.

К бандитским главарям подтащили седую женщину. Двое маленьких хлопчиков цеплялись за ее платье и плакали.

– Сынок! – простонала женщина, обращаясь к офицеру. – Ты не раз сидел за моим столом... Я стирала твои рубашки. Богом молю, если веришь ты в него, сжался над моими внуками.

Холодные, пустые глаза Никодимова равнодушно скользнули по морщинистому лицу женщины. Он неторопливым движением вытащил наган и, не целясь, тремя выстрелами скошил женщину и детей.

– Лихо! – кивнул своей коршунычей головой Рябоконь.

И тогда из темного угла вдруг метнулась к костру быстрая человеческая тень.

– Беда тому, кто змею в друзья принимает! – выкрикнул человек. – Змей бить надо! Вот так!

И быстрым ударом он вогнал в грудь предателя острый зуб кинжала.

– Вот тебе от Семена Ревенко!

Со всех сторон, как стая волков, кинулись на казака бандиты. Сверкнули над его головой окровавленные шашки.

– Стой! – вдруг выкрикнул Рябоконь. И, повернувшись спиной к хрипящему на земле Никодимову, приказал: – Давай его сюда!

Подтащили бандиты Семена Ревенко к своему главарю. И скрестились тут два взгляда – холодный, насмешливый есаула Рябоконя и пламенный, ненавидящий казака Семена Ревенко.

– Кто ты? Казак или иногородний? – сквозь зубы протянул Рябоконь.

– Казак, – хрипло ответил Семен.

– Ты понравился мне своей лихостью! – продолжал Рябоконь. – Иди ко мне служить, я помилую тебя. Лучше жить в плавнях, чем лежать в сырой земле.

Ярким огнем сверкнули глаза молодого казака.

– Нет! – крикнул он. – Лучше умереть человеком, чем жить змеей!

Дрогнуло насмешливое, замкнутое лицо Рябоконя. Он махнул рукой.

Сверкнули пашки... И упал казак Семен Ревенко на окровавленную землю рядом с мертвым матросом, председателем коммуны.

К утру подоспел отряд чоновцев и разгромил банду. Только немногие тогда успели скрыться в плавнях.

А погибших коммунаров перевезли в станицу Брюховецкую и похоронили в молодом парке, И насыпали над ними высокий курган – могилу, какой принято, по казацкому обычаю, насыпать над воинами-героями, павшими в бою за народное счастье.

Михаил Иванович

Станица наша в бескрайних степях затерялась, как пшеничное зернышко на просторном току. И прямо надо сказать, ничем она знаменита не была – ни богатством, ни садами, ни красотой и приглядностью. Течет мимо станицы сонная, степная речушка, глядя на которую не сразу узнаешь – движется в ней вода или уснула, зацепившись за дремучие камыши. Из пяти лет – три или четыре года бывали неурожайными. Частенько в наших краях от ранней весны до поздней осени ни одного дождика не перепало. Трескалась тогда земля от лютого зноя, осыпались листья с деревьев и пыльные столбы-заверти бродили по станичным улицам.

Потому, наверное, в нашей станице мало было кулаков-мироедов: ведь кулаки, как пауки, – там гнездятся, где жирнее добыча в их сети попадается. Однако и у нас было десятка полтора кирпичных домов, с крепкими железными воротами и флюгерами-петушками. Хозяева их промышляли скупкой скота, пшеницы да торговлей.

Много было в станице казаков, что числились середняками, хотя и трудно давалось им это самое середнячество – часто впроголодь жили, последние силы из себя, жен и детей своих выматывали, но тянулись

жадными руками к богатству. А еще больше было у нас бедняков – таких, что два раза в году мясо ели и одни сапоги всей семьей носили.

И когда поднялся весь народ на бой кровавый с помещиками и капиталистами, многие наши станичники перехлестнули свои кубанки алыми полосками и пошли служить в красные сотни Кочубея, Балахонова, Жлобы и Буденного.

Долго омывалась горячей кровью родная земля кубанская. Потом побили и выбросили с Кубани мы белогвардейскую нечисть. Красные эскадроны ушли бить Врангеля и польских панов. А станица зажила мирной жизнью.

Управлял в ту пору нашей станицей сперва ревком, а затем совет. Но время было беспокойное, тревожное – под боком, в плавнях белые банды прятались. А потому постоянно жил у нас в станице еще комиссар, посланный отделинской Советской властью.

Разные перебивали у нас комиссары – умные и поглупее, храбрые и трусы, настоящие коммунисты и те, кто только примазался к ним. Но особенно запомнился нам один комиссар с чудной фамилией Бубочка.

К нам в станицу этот самый Бубочка прикатил с охраной из двенадцати дюжих чубатых хлопцев. Носили эти хлопцы такие широкие клеши, что из каждой штанины вышло бы по юбке для самой дебилой станичной молодежи. Все они, с ног до головы, были увешаны гранатами, револьверами да кинжалами. И все объявляли себя лихими моряками. Сам Бубочка щеголял в красных, тонкого сукна галифе, зеленом френче и офицерской фуражке с лакированным козырьком.

Жил в ту пору в нашей станице черноморский минер-коммунист – залечивал он раны, полученные в боях с беляками. Увидел минер родные тельняшки и бескозырки, обрадовался и пошел знакомиться с «братишками». Но часу не прошло, как вернулся матрос злой, поминая всех богов и боженят.

– Что ругаешься, Корнейч? – спросил его хозяин хаты, в которой квартировал матрос. – Чего не поделил со своими братишками?

– Никакие они не братишки. И море-то они видели только во сне. Самая настоящая шпана, чтоб ей первым же вареником подавиться, – выругался минер.

С того дня, как прибыл к нам комиссар Бубочка со своим конвоем, пошли у нас в станице чудные дела.

Началось с того, что пошел Бубочка с двумя адъютантами станицу осматривать. Идет – высокий, тощий, длинноносый. На лице эдакая презрительная скука обрисована, красные штаны, как мак, полыхают. Тонкими руками, как ветряк крыльями, размахивает.

А собаки наши станичные несознательными оказались – не проявили уважения к начальству. Да и штаны красные их, видать, в сомнение ввели. Сперва они только брехали из-за заборов и плетней. А потом один самый свирепый кобель перемахнул заборчик и с ходу вцепился в комиссаровы штаны, да еще и кусок начальнической ляжки прихватил.

Тут Бубочка как выхватит свои оба пистолета и давай по собаке палить. Но с расстройства, что ли, в кобеля не попал, а корову у одной вдовы пристрелил и окна в двух хатах пробил.

Вечером издал приказ комиссар Бубочка – каждый хозяин обязан собственноручно повесить свою собаку на воротах. Кто не выполнит этого приказа – тот объявляется врагом Советской власти. Конечно, посмеялись наши казаки над чудным распоряжением. Но наутро пошли чубатые хлопцы в тельняшках по дворам и всех собак постреляли и шашками порубали.

А немного погодя вывесил комиссар Бубочка списки кулаков, которых полагалось обложить повышенным твердым заданием. Глянули в эти списки казаки и диву дались – все богатеи-мироеды в этих списках не значились, но зато попали в них добрых три десятка трудовых середняков.

Тут пошло по станице нашей шатание. Одни комиссара ругают, другие уже на Советскую власть обижаются стали, а третьи даже о том, что побить комиссара и его дружков надо, шептаться принялись. Ну, а кулацкое и белогвардейское охвостье этому только радуется, разные слухи пускает, на восстание людей сбивает.

Посмотрел на эти дела матрос – коммунист, покрутил головою и заявил:

– Чую я, что не большевистское сердце в этом комиссаре! А сами мы заваренной им каши не расхлебам, надо в Ростов ехать, там лучше в наших делах разберутся.

И немедля подцепил матрос свой маузер, попросил хозяина свезти его на станцию и укатил.

А в станице узелки все туже завязывались. Стали шмыгать по станице бандитские посланцы, и никто их не задерживал. Кое-кто уже винтовки, спрятанные на огородах и в садах, выкапывать начал. Сам комиссар Бубочка ничего этого не замечал. Дал он десятидневный срок для выполнения всех твердых заданий и вместе со своими дружками затеял пьянку у одного из скупщиков хлеба. День пьют, другой, третий. Кулаки, знай, самогон таскают да колбасы, сало и всякое жареное-пареное доставляют. Понимали, вражье племя, что на руку им все это дело, тем более, что Бубочка и председателя совета – робкого такого, тихого казачка, тоже в свою компанию затащил.

На пятый день вернулся в нашу станицу матрос – веселый, довольный. Вместе с ним приехал какой-то сухонький мужчина в простеньких очках, с железной оправой, в немудрящих стоптанных сапогах и выгоревшей на солнце одежде. Сопровождало приезжего около сотни красноармейцев-конников молчаливых, подтянутых молодых хлопцев.

Приезжий устроил своих провожатых на отдых, а сам отправился в станичный совет. Над покосившимся домиком лениво плескался на горячем ветру выгоревший кумачовый флажок. В грязных пустых комнатах властвовала сонная, одуряющая тишина. Под ногами трещала подсолнечная шелуха.

В самой большой комнате, согнувшись над столом, дремал разморенный солнцем маленький старичок. Он с трудом поднял отяжелевшую седую голову, зевнул и спросил:

– Вам кого?

Старый писарь пережил добрый десяток станичных атаманов, а теперь, как и заляпанные чернилами столы, Достался в наследство новой власти. Был он молчалив, замкнут и исполнительен. За все время своей службы писарь ни с кем не откровенничал, никому не изливал свою душу, запертую и скрытую ото всех.

Приезжий попросил дать ему список кулацких хозяйств.

Писарь внимательно посмотрел на стоящего перед ним человека – на его выцветшую солдатскую гимнастерку, седеющий клинышек бородки, и вдруг встретился с ласковым и острым взглядом приезжего.

– А вы кто будете? Из края?

– Да.

Писарь пытался вспомнить: откуда ему знакомо это худощавое лицо и ушлые глаза? Он их где-то уже видел, но где – никак не вспоминалось.

Приезжий долго просматривал списки, сличал их с похозяйственной книгой, а потом вздохнул и спросил:

– Неужели все, кто значится в этом списке, действительно кулаки-эксплуататоры?

Писарь пожал плечами и осторожно ответил:

– Внесены в этот список.

– Кем внесены?

– Комиссаром, товарищем Бубочкой.

Приезжий покачал головой, и вдруг его глаза, которые, казалось, смотрели прямо в душу, взглянули в лицо старого писаря.

– Вы – человек уже не молодой, – проникновенно заговорил приезжий. – Вы должны понимать, что означает ошибка в таком серьезном деле. Если кто-нибудь из настоящих кулаков-мироедов избежит этого списка – значит, за нашей спиной уцелеет опасный враг. А если в список неправильно или со злым умыслом занесены наши люди, трудящиеся – это означает, что кто-то пытается оттолкнуть середняка от Советской власти, озлобить его. Да, кроме того, это приведет к несправедливому ущемлению тех, для кого совершалась наша революция. Понимаете вы это?

Что-то дрогнуло в усталом, сером лице старого служаки.

– Понимаю! – ответил он, опуская глаза. – Да ведь список не я составлял.

– А если бы эти списки поручили составить вам? Тогда что? Вы бы их иначе составили?

Писарь взглянул в зоркие, умные глаза приезжего и вдруг решительно проговорил:

– Эти списки, по справедливости, надо аннулировать. И составить новые, правильные.

– Вот и составьте!

Писарь еще раз посмотрел на стоящего перед ним человека и вдруг узнал его.

– Неужели... Пойдите... Вы – Михаил Иванович Калинин? изумленно спросил он.

– Я! – улыбнулся приезжий. – А ваше как имя-отчество?

Много различных начальников перевидал на своем веку старый писарь. Но никто, никогда так просто, по-человечески не беседовал с ним.

– Все сделаю, Михаил Иванович! – взволнованно сказал писарь. – Я здесь, в станице, всех наперечет знаю, ошибки не будет.

– Я в этом уверен! – кивнул головой товарищ Калинин.

Старый писарь уселся за составление списка, а Михаил Иванович с матросом и двумя красноармейцами пошел по станице. Он побывал у всех середняков, которых Бубочка записал в кулацкие списки. И каждому он пожимал руку, расспрашивал о его хозяйстве. И такие душевные слова находил Михаил Иванович, что еще до того, как сообщал он, что списки будут пересмотрены, проходили у казаков всякое недовольство и злоба. Все ясным и понятным становилось. А раз все понятно, то и спорить и злиться нечего.

Так, переходя со двора во двор, дошел Михаил Иванович до большого кирпичного дома. Через открытые окна дома доносился нестройный, пьяный гул голосов, звон стаканов, визг гармошки.

– Ну, что же, зайдём поглядим, как люди веселятся! – другим, недобрим голосом проговорил Михаил Иванович.

В большой горнице, за залитым самогоном и усыпанным разными объедками столом сидели станичные кулаки и подкулачники, вперемешку с конвойными комиссара Бубочки. Сам комиссар пьяно раскачивался, сидя рядом с хозяином, в почетном углу под образами.

– Хлеб да соль! – с порога сказал Михаил Иванович.

– Едим да свой! – не приветливо ответил дюжий, пузатый хозяин – первейший скупщик пшеницы.

– А мне сдается, что не свой хлеб у вас, – спокойно возразил Михаил Иванович. – Ведь сами вы, хозяин, хлеба не сеете. Откуда же у вас свой хлеб?

– А ты кто такой, чтобы мой хлеб проверять? – выскрился хозяин. – Пошел прочь!

– Добро! – спокойно ответил Михаил Иванович. – Только вы, хозяин, в трехдневный срок должны сдать все три тысячи пудов зерна, хранящиеся в ваших складах.

– Что-о?! – грозно протянул Бубочка. – А ты кто такой, чтобы приказы давать? – долговязый, встрепанный, он, качаясь, поднялся со своего места и непослушными пальцами искал застёжку револьверного кобура. – Я т-тебе покажу, к-как п-приказы давать!

– Не балуй, Бубочка! – крикнул матрос, решительно шагнув к комиссару. – Ты с пьяных глаз и не разберешь, кто перед тобой. Не видишь разве – это же Михаил Иванович Калинин.

Качнулся Бубочка и грузно плюхнулся на лавку. А за столом сразу стих нестройный гомон.

– Идите, Бубочка, и приведите себя в порядок, – спокойно приказал Михаил Иванович. – Вижу, напрасно вам поверили. Вы только на словах порвали со своим бандитско-анархистским прошлым. А на деле обманывали нашу партию. Даже своих прежних дружков-анархистов вместе с собой таскаете. – Михаил Иванович обернулся к своим спутникам-красноармейцам. – Заберите у них у всех оружие...

– Гражданин хороший! – уже другим, ласковым и тихим голосом заговорил хозяин. – Садитесь к столу с нами. Вы нас извиняйте, мы люди простые. И вот желаем мы с вами погутарить.

– Ну, что же, говорите! – кивнул головой Михаил Иванович, но к столу не сел.

– Откуда это вам, простите, известно стало, что у меня в амбарах три тысячи пудов хлеба имеется?

– Люди знают, у кого что имеется, – усмехнулся Михаил Иванович. – Впрочем, сколько бы хлеба ни было – весь заберем. Стране нашей и армии сейчас нужен хлеб.

– Заберете?! – Хозяин вскочил из-за стола и, яростный, весь налитый злобной кровью, подскочил к Михаилу Ивановичу. – А если мы не дадим... У нас ведь тоже силенка есть. Не дадим – и все...

– Если сопротивляться будете, сметет вас народ с лица земли. Понимаете? И мокрого места от вас не останется! А насчет хлеба не беспокойтесь: у ваших амбаров уже стоит надежная охрана.

Повернулся тут Михаил Иванович и быстрым шагом вышел из кулацкого дома.

В тот же вечер состоялся на станичной площади митинг. Никогда еще площадь не видела столько народу. Не только вся станица, а и с самых дальних хуторов приехали казаки на этот митинг.

И так просто, так душевно говорил Михаил Иванович, что каждое его слово в самое сердце казакам западало.

А этого самого красноштанного Бубочку и его команду из липовых моряков мы больше в станице не видели. Говорили люди, что отправили их под надежным конвоем в Ростов. И дела в нашей станице пошли как надо, по-советски. Сам народ выявил и раскулачил станичных мироедов, народ и белые банды добил, и на новый, коллективный путь жизни встал.

Всего три дня пробыл у нас Михаил Иванович, а память о себе оставил на века. И сейчас еще наши станичные старики рассказывают внучатам о душевном и ласковом человеке – Михаиле Ивановиче.

Хутор наш на самом берегу Кубани-матушки стоит. Весной, когда идет с гор вода, река под самые сады подходит. Тогда яблоньки наши колхозные прямо в воду смотрятся и роняют свой цвет в быстрые кубанские волны.

И вот говорят самые древние деды, что есть у нас где-то на берегу Кубани особенное место. Кто на этом месте спать ляжет, к тому ночью выйдет из реки старик Урожай и подарит заветный колос. А колос этот будто из червонного золота выкован. Такой он большой и тяжелый. Зерна – одно к одному: крупные – чуть поменьше горошины, тугие, со звоном, и в колосе их ровно сотня.

Рассказывают, что когда-то на месте хутора и там, где сейчас поля колхозные раскинулись, шумел лес, такой густой, что через него и пробраться было трудно. И вот пришел на это место казак Батог. Был он самый коренной казак – из Запорожской Сечи пришел. Но пока ходил по Кубани в походы, атаманы да паны всю землю, которую пахать можно было, между собой разделили. Батог и его товарищам, простым казакам, только и остались терновники да лесная чащоба – бери не надо! Посмотрели казаки на эту дичь да лесную глушь и закручинились: видят, не поднять им эту землю. Кто послабее – к панам в батраки нанялись, кто посмелее – в горы пошел искать свободные земли. А Батог ушел из станицы, пробрался через чащобу к берегу Кубани и решил:

– Здесь останусь! Здесь поле расчищу и курень построю!

Променял он саблю свою добрую на топор и взялся за работу. Целыми днями колючий терн да дубы рубил и корни цепкие корчевал. Оборвался весь, одичал, но, знай, оселедцем трясет и твердит:

– Все равно свое возьму! Будет у меня поле! Расчистил он кусок земли сажен десять в длину и столько же в ширину, глубоко вскопал жирный чернозем и, завершив труд свой тяжелый, лег отдыхать под кустом на берегу Кубани.

Проснулся утром, глядит, а вся его земля снова колючим терном покрылась, будто и не корчевал он его. Удивился казак, почесал потылицу, покрутил усы. А потом нахмурил густые брови, расправил широкие плечи и снова давай корчевать – только корни да кусты в разные стороны полетели. К вечеру опять поляна чистым черноземом дымилась.

А на следующее утро снова не видно стало земли под густым терновником.

– Что за бес мне все дело портит, чтоб ему на ежа сесть, – выругался Батог. – Не бывать тому, чтобы казак бесу уступил! Будет у меня поле!

И снова взялся он за работу. Очистил к вечеру опять всю поляну, а когда солнце зашло, лег под кустом и решил:

– Нет, сего дня я спать не буду! Дождусь, как черти придут на мое поле кусты втыкать, – повяжу проклятых хвостами да на дубу повешу!

Долго ждал казак. Но потом не то с усталости, не то от плеска кубанских волн сморила его дремота. Только стал он носом клевать, вдруг слышит: зашумела вода, будто сом возле берега плещется. Открыл Батог

глаза и видит: расступились кубанские волны и выходит на берег старик. Сам грузный, тяжелый, плечи – косая сажень, бронзовая борода до колен спускается, желтые волосы сединой тронуты. Вышел он на берег, зашагал к казаку – земля загудела.

Подошел, поднял хмурые широкие брови и глянул на Батога. А глаза у старика ясные, зоркие, как у сокола.

– Не спишь? – спросил он гулким могучим голосом. – Полюбился ты мне, казаче! Не хотел я тебе сначала свою заповедную землю отдавать... Да вижу, что упорный ты и никакой работы не страшишься. Я таких люблю! Ладно, работай на земле, я тебе помогать буду!

Тут поднял он руку, широкую, как лопата, дернул себя за бороду, вырвал клочок и протянул казаку:

– На, возьми на счастье. Будет у тебя теперь поле богатым да урожайным до тех пор, пока не разгневаешь ты меня ленью своей или еще чем...

Сунул старик что-то колючее в руку Батогу и пошел обратно к воде.

– Кто ты, диду? Как зовут тебя? – крикнул казак.

Зашумели, расступились кубанские волны и скрылся в них старик, только голос его прогремел над рекой:

– А звать меня Урожаем!

Тут заснул Батог так крепко, что ничего больше не слышал.

Проснулся утром, когда лесные птицы запели, встречая зарю. Глянул на поле свое – лежит оно черное, чистое и парок над ним клубится. Расправил казак руку и видит: лежит на ладони колос, тяжелый, словно золотой, на сто наливных зерен.

В этот же день посеял Батог эти зерна на своей поляне. А когда дали они густые и сочные всходы, еще старательнее стал казак ухаживать за своим полем. Каждую сорную травинку выдергивал, любую птицу, что над всходами кружиться начинала, он отгонял, а в знойную, засушливую пору целыми ночами воду с Кубани носил, поливал пшеницу.

И выросла эта пшеница на диво: в рост человека, соломка крепкая да толстая, а колос – один к одному, каждый по сто зерен.

Начали золотиться колосья. И вот как-то сидит казак на берегу, полем своим любуется. Вдруг слышит голос:

– Что за чудо?! Сколько на свете живу, такой пшеницы не видывал! Чудо, а не пшеница! Чья это такая?

Вскочил казак на ноги и видит: выходит из-за кустов сам пан атаман. Глаза у него от удивления выкатились, как у рака, усы вислые затряслись, а руки так к колосьям и тянутся.

– Моя это пшеница, пан атаман, – сказал Батог. – Твоя?! Хорошая пшеничка! Продай мне ее на корню! Добрую цену дам!

– Нет, не продажная она... Я ее на семена оставляю! Блеснул глазами атаман, но потом вдруг развел добродушно руками и улыбнулся.

– Ну, не хочешь – твое дело! Я тебе же помочь хотел! Пшеничка, конечно, так себе... Не продашь – не надо. Я ведь к тебе не за пшеницей. В

гости я пришел тебя звать, по-соседски, значит... Что ты все один да один сидишь в своем лесу... Придем ко мне, горилки выпьем...

Подумал Батог и решил: какая беда будет, если я у атамана горилки хлебну? Небось, не обеднеет он от этого...

– Спасибо вам, пан атаман, на вашей ласке... Как же можно от горилки отказываться.

Привел атаман казака в свой богатый курень, наставил на стол штофы и полштофы, пареное и жареное – и давай угощать.

Очнулся Батог только на третий день под столом. Вылез оттуда, поблагодарил атамана и уходить собрался.

– Постой, куда ты, казак? – спрашивает атаман.

– Пшеницу мою пора убирать! Пойду... Нахмурил тут брови атаман, затряс толстым брюхом и давай кричать:

– Какую пшеницу? Нет у тебя пшеницы, продал ты мне ее на корню, вместе с землей... Вот и бумага, ты на ней собственной рукой крест поставил, пан есаул видел... И деньги у тебя в кармане...

Полез казак в карман и достал оттуда горсть медяков. А атаман подошел к нему и стал уговаривать:

– Иди ко мне в батраки! Будешь других учить, как такую пшеницу растить. Я тебя не обижу. Курень тебе построю, кормить-одевать буду...

Так и стал вольный казак батраком.

К весне нагнал атаман в лес людей, раскорчевали они землю, посеяли заветную пшеницу. Все сделали так, как показывал Батог, а пшеница выросла обыкновенная, не больно рослая, с обычными колосками. Конечно, ухаживали они за полями не так, как казак Батог ухаживал за своей пашней – кому же охота все силы свои отдавать на пользу пану-мироеду.

Тогда и построился наш хутор на берегу Кубани-матушки и поселил в нем атаман своих батраков.

Сильно ругался пан, когда увидел, что и пшеница выросла обычная, и урожай не больно высокий. Не раз ходил Батог ночью на знакомое место – все думал, что снова к нему старик Урожай выйдет и колосьев заветных даст. Но так и не видел он больше старика, видать, прогневался на него Урожай за то, что не уберег он свое поле или, может быть, не хотел для пана колосья давать. И умер Батог в своей бедной мазанке на старой соломе.

Сын его, молодой Батог, тоже на панов батрачил до самой Октябрьской революции. А потом, когда образовался наш колхоз, все мечтал о том, чтобы достать для артели заветный колос.

Сначала он все на берег Кубани спать ходил – искал то место, про которое ему отец рассказывал. Ходил, ходил, почитай, под всеми кустами ночевал, но так и не встретил старика Урожая.

Потом стал он пробовать сеять на наших полях пшеницу разных сортов. И Украинку, и Кубанку, и Мелянопусы разные сеял. Часто снимали мы хорошие урожаи – по сто и сто двадцать пудов с гектара, но не получалось таких колосьев, чтобы в каждом по сотне зерен было.

А как подросла у Батога дочка, комсомолка Дуся, – она за поиски заветного колоса принялась. Стала она различные сроки посева пробовать, по-разному почву обрабатывать, всякие удобрения применять. Ей, конечно, легче было, чем отцу, который только три зимы в школе учился. Дуся наша среднюю школу закончила, а потом в Краснодаре специальные агрономические курсы прошла. Но и ей никак не удавалось заветный колос получить.

Написала она тогда письмо в Москву, в один институт, что изучает зерновые. Приехали к нам в колхоз вскорости два московских ученых: один веселый, молодой, в вышитой рубашке, а другой постарше – худой, с бородкой клинышком, клетчатые штаны на коленях пузырями, а дальше в чулки запрятаны.

Молодой сразу в степь отправился на полевые станы, а старший на хуторе остался. Стали мы его спрашивать:

– Как, товарищ ученый, вывести такую пшеницу, чтобы в каждом колосе по сто зерен было и по триста пудов с гектара снимать? Какие удобрения надо в почву вкладывать? Как землю обрабатывать?

Блеснул на нас ученый круглыми очками и ответил:

– Дело здесь не в удобрениях. Дело в хромосомах! Надо скрестить такие сорта, чтобы увеличить число хромосом. Тогда и колосья с сотней зерен получатся... В общем, я вам выведу такую пшеницу.

Удивились мы, зачем эти самые хромосомы считать. Предложили ученому счетовода нашего в помощники, но он отказался, сказал, что сам управится.

За обедом, когда кушал приезжий ученый колхозного цыплака, рассказал ему Батог про заветный колос. Покрутил гость козлиной бородкой и заявил: – Сказки все это! Без хромосом это невозможно... Вскочила тут Дуся и сказала:

– Думается мне, дорогой товарищ, что дело тут не в хромосомах, а в условиях, в которых будет расти пшеница. Да еще сорта имеют значение. Мичурин так писал!

Покрутил носом гость, строго взглянул на Дусю и ничего не ответил. А отец потом устроил девушке целый концерт за то, что берется она спорить с ученым человеком.

Но Дуся наша – не пугливого десятка. Посмотрела она на отца своими яркими глазами-васильками, косы русые поправила и ответила ласково, но твердо:

– Напрасно вы меня ругаете, батя! Неправильно говорит этот самый приезжий товарищ!

Сказала так Дуся и с попутной машиной в степь уехала – другого ученого разыскивать.

А тот, что в штанах с пузырями, – на хуторе остался.

Вечером заявил он нам, что привык спать на свежем воздухе, и улегся под грушей на берегу Кубани. Наверно, хотел старика Урожая повидать,

поспорить с ним насчет своих хромосом, – потому что каждую ночь ложился он на новом месте, весь берег изъездил.

Месяца два этот приезжий в нашем колхозе прожил – все хромосомы считал и цыплаков ел. Днем сидел в хате да таблицы составлял, а ночами на берегу Кубани похрапывал.

Так и не встретил он старика Урожая, не вывел заветного стозерного колоса, только насморк здоровый от кубанских туманов получил. Мы уже бояться начали, что гость всю нашу птицеферму съест, когда собрался он и укатил обратно в Москву.

Уж потом в газете мы прочитали, что выгнали его из института, чтобы больше у него времени было счетоводством заниматься.

А другой ученый иным человеком оказался. С месяц он по степи кочевал, все поля наши осмотрел: то землю исследовал, то пшеницу изучал. А когда вернулся на хутор, загорелый с выцветшими от солнца бровями, то сразу колхозникам заявил:

– Будет у вас заветный колос! И даст вам его не какой-нибудь чудесный старик, а Дуся. По правильному, мичуринскому пути она идет. А я ей, в чем надо, помогу.

Прожил он у нас еще несколько месяцев и за это время обучил Дусю, как отбор лучших колосьев делать, как опыление производить, и другим полезным делам. А потом, когда уехал от нас, то стали они с Дусей переписываться: та ему в Москву о своих опытах пишет, а он из Москвы ей нужные советы шлет,

По его советам Дуся на чудеса не рассчитывала и хромосомы не считала. Спала она в своей хате, а не на берегу Кубани. Да и спала-то девушка мало – с утренней зорьки до темноты в поле работала. А вечером засветит лампу и до поздней ночи над книгами сидит.

Два года трудилась девушка на своем опытном участке, ночей не досыпала.

Станем мы ей говорить:

– Брось, Дуся! Урожай у нас и так хорошие, до двухсот пудов с гектара доходит. А заветный колос все равно, видать, не вывести...

А она сведет черные брови, глянет строго васильковыми глазами, расправит плечи, как, должно быть, дед ее делал, и ответит:

– Можно этого добиться, и я добьюсь!

Упрямой природы девушка. Если решила, так как сказала – ничем ее не свернешь!

Чего она только не делала на своем опытном участке! И пахоту на тридцать сантиметров производила, и удобрения всякие пробовала, и пшеницу различных сортов скрещивала.

А молодой московский ученый у нас в колхозе своим человеком стал – каждый год к нам приезжал и вместе с Дусей на опытном участке трудился.

И вот как-то летом прибегает Дуся в правление колхоза, улыбается, глаза-васильки радостью горят.

– Идемте, – говорит, – на мой опытный участок, я вам чудо покажу!

Пошли мы с ней. Привела она нас к небольшой деляночке посередине поля, а на ней пшеница шумит выше роста человека. Колосья от тяжести перегибаются и червонным золотом горят.

– Вот, – сказала Дуся, – заветные колосья! Подошли мы поближе, глянули – и дух захватило.

Каждый колос в ладонь длиной, зерна – как горошины, стали считать их – со счета сбились, больше сотни в каждом колоске.

А дивчина стоит, раздумянулась, как весенняя зорька, и улыбается радостно.

На следующий год засеяли мы этой пшеничкой два гектара и получили с каждого гектара по триста шестьдесят пудов семян. Придет весна – и на всех наших колхозных полях зашумят, зашепчутся заветные колосья.

Дуся теперь Героем стала – золотая звездочка горит у нее против сердца.

Вот какие люди живут на кубанской земле – сказку обгоняют!

Добрая память

По пологому косогору до самой Лабы тянется наш колхозный сад. Растут в нем самые лучшие мичуринские сорта яблонь, крупные шпанские вишни, груши кубанский Бергамот, которые сами тают во рту медовым пахучим соком. Весной, когда зацветет сад, весь берег кажется покрытым теплым розовым снегом. И далеко-далеко в степь ветер несет нежное дыхание цветущих яблонь, слаще которого нет ничего на свете.

В жаркую летнюю пору не успеваем мы возить из сада всякие фрукты, хотя в колхозе сейчас двадцать автомашин имеется.

Весь этот богатый сад посадил и вырастил наш колхозник Савелий Ивко. Раньше земля эта зарастала диким терновником и яблоньками-дичками. В тридцатом году, когда организовалась артель, поднял Савелий Ивко молодежь на раскорчевку косогора. И в ту же осень засадил он первые два гектара колхозного сада. А с тех пор уж так повелось, что каждый год в колхозе еще пара гектаров сада прибавлялась. Часть Савелий подсаживал, часть к дичкам прививал. Везде, во всех краях земли советской, были у нашего садовода добрые друзья, которые присылали ему самые лучшие саженцы! Понятно, что и наш дед Савелий в долгу не оставался. Про наши яблони и груши на всю Кубань слава идет, возле наших артельных ларьков, и в райцентре, и в самом Краснодаре всегда покупателей много.

Сейчас дед Ивко проживает на покое, в новом домике под зеленой крышей. Стар он стал, девяносто годков ему, сам работать не может, только советы дает. За его труды колхоз построил ему после войны дом новый и

трудодни начисляет. Так весь народ наш решил, потому что каждый уважает старого садовода, который создал артели такое богатство.

В то лето, когда на Кубань фашисты ворвались, в саду у нас ветки ломались – столько было яблок и груш! Машинами их отправляли мы в подарок советским солдатам.

А когда стало известно, что отходят наши войска в горы, когда вместе с усталыми солдатами потянулись вверх по Лабе обозы колхозников, целую ночь не спал дед Ивко. Вышел он из своей хаты и до рассвета все смотрел на север, где грохотали артиллерийские сполохи. А рано утром собрал дед стариков да женщин, что остались в станице, дал им топоры и повел в сад.

– Давайте порубаем его, чтобы врагу не достался, – сказал он.

Пришли люди в сад, но ни у кого рука не поднимается, чтобы рубить деревья.

Смахнул дед Савелий слезу со своих выцветших глаз, нахмурил седые брови и крикнул:

– Ну, чего стали?! Рубите. Не хочу я, чтобы сад наш немецким баронам служил. Нагляделся я на них, когда в шестнадцатом году у них в плену был. Проклятое племя, жадное да злобное!

Так неужели им нашими трудами пользоваться? Не бывать этому!

Схватил он топор, подошел к яблоньке молодой. А она стоит, как девушка, – стройненькая, зеленые лучи веточек своих к солнцу тянет.

Размахнулся садовод и ударил яблоньку под корень. Вздрыгнула она зеленой листвой, будто застонала, и, как крупные слезы, посыпались с нее золотистые яблоки.

Бросил тут старик топор на землю, упал лицом в траву и заплакал.

– Не могу я рубить! Вроде как на ребенка своего топор поднимаю... Ведь я ее сам сажал... Я ее маленькой помню... Болела все она, а я ее выхаживал!

Заплакали тут и его помощницы, побросали топоры. А потом, когда успокоились немного, сказала одна из женщин:

– Не надо, дед Савелий, сад рубить, неправильно это. Вроде думаем мы, что навеки к нам фашист приходит. Угонят его, сгинет он, а сад наш останется. Давайте обтрясем все яблоки и груши – пускай гниют, чтоб лютым врагам не достались... А сад пусть живет!

Так и порешили. Долго потом над станицей прелыми яблоками пахло.

Ворвались фашисты в нашу станицу и сразу за грабеж принялись. Зерно, масло, скот у людей отобрали, погрузили в поезда и на запад, в свою Германию отправили. Хотели враги кубанских яблок в подарок своему фашистскому начальству послать, но из этого ничего не вышло. Рыскали вражеские солдаты по колхозному саду, искали фрукты, думали целый вагон загрузить, а собрали только пару корзин. Да и в этих корзинах яблоки были битые и гнилые, одним словом, падалица.

В станице, в школе нашей, штаб фашистский разместился. А главным в этом штабе был немецкий генерал – сухой такой, тонконогий, в черном

костюме ходил, а на рукаве и на фуражке белый череп и кости крестом. Глаза холодные, прозрачные, точно неживые.

Заехал он как-то на машине в сад. Встал на бугорке, обвел оловянными зеньками зеленое приволье и говорит своим офицерам:

– О, какой большой и хороший сад. Прямо как у нас в Тюрингии. Только яблоки, конечно, похуже, скверных сортов...

И вдруг слышит, отвечает ему кто-то по-немецки:

– Сорты у нас самые лучшие, мичуринские. Таких сортов в вашей Германии и не видывали!

Удивился генерал, обернулся. Вздрогнули, повернулись и все его офицеры. Глядят: стоит в сторонке маленький старичок, худенький, щупленький, борода седая, лохматенькая. Только глаза у него ясные, светлые, гордые.

– Откуда ты, старик, немецкий язык знаешь? Почему думаешь, что у нас нет таких яблок, как у вас? – спросил генерал.

– А я в прошлую войну два года у вас в плену пробыл. В Тюрингии этой самой садовником работал.

Оскалился тут генерал, затряс головой.

– О, это есть очень хорошо! Значит, ты знаешь славу и мощь Германии. Теперь у меня будешь работать, я здесь поместье устрою, сад этот мой теперь.

– То есть, как это твой, – нахмурил брови старик. – Сад наш, колхозный!

Засмеялся генерал, вроде вода заклокотала в чайнике.

– О, какой смешной и глупый старик! Я есть генерал немецкой армии! Я с боями прошел через всю вашу страну. Моя слава гремит по Европе. Память о моих подвигах будет жить века, фюрер мне подарит все, что я попрошу...

Тут старик совсем рассердился.

– Легко дарить чужое добро. Этак, если хочешь, я тебе луну подарю или даже само солнце – владей, если сумеешь. А памяти о тебе никакой не останется, потому что творишь ты только зло, смерть и разрушение несешь людям. Память живет только о добрых делах!

Генерал даже засопел от злости. А потом выхватил тяжелый пистолет, подошел к старику и направил ему оружие в лоб.

– Ну что же, стреляй, – тихо сказал дед Ивко. – Я смерти не боюсь, довольно на свете пожил и память о себе добрую оставил. Стреляй, старика нетрудно убить!

Прикусил тонкую губу генерал и с размаху ударил садовода по голове тяжелым пистолетом. А потом, когда упал старик, окровавленный, на траву, крикнул:

– Поживи еще, старый дурак! Ты будешь работать в моем поместье и растить мне яблоки. И я буду пороть тебя...» А сад этот будет только моим.

Если мы уйдем отсюда, то оставим за собой пустыню, чтобы все помнили о нас.

Сел генерал в машину и уехал. Савелия Ивко подобрали в саду партизанские разведчики. Обмыли ему голову, перевязали, до хаты довели.

В эту ночь загрохотали в станице партизанские гранаты, застрочили меткие автоматы и винтовки. Наутро стало известно, что изничтожили партизаны фашистского генерала. Так и не успел черный фашистский ворон с нашим садом расправиться.

Немного лет прошло с тех пор, но никто не помнит о черном злодее, забыли даже его имя, никто не хочет знать, где гниют его проклятые кости.

А Савелия Ивко весь колхоз уважает. И вечно живым памятником старому садоводу будет цвести, шуметь, давать людям плоды колхозный сад, насаженный его руками.

Великое счастье оставить о себе добрую память: вырастить сад или построить умную машину, или книгу написать, чтобы долго-долго волновала людские сердца. Добрые дела всегда оставляют долгую добрую память.

Сказ о неизвестном скрипаче

Случилось это, когда черной бурей налетели на родную Кубань лютые вороги – фашисты. Унылой, чужой, неузнаваемой стала тогда наша веселая станица. Молодежь вся в армию ушла. Кто постарше, но еще здоровьем крепок, в партизанский отряд подался. Остались в станице только старики, женщины да ребяташки. Ясный день им казался хмурой осенней ночью, потому что и трудом их, и землей родимой, и жизнью распорядились фашисты. Ходили злодеи по станице, как хозяева, посмотреть – вроде на людей походили, смеялись, разговаривали. Но нутро у них было хуже, чем у собаки бешеной: ничего не стоило им для забавы ребенка застрелить или хату поджечь. В колхозном каменном амбаре устроили вороги тюрьму. Здесь на цементном полу вповалку сидели и лежали те, кто чем-нибудь не угодил бандитам: старики, что не сняли шапку перед фашистским офицером, женщины, которые за детей своих заступались, отцы и матери, чьи сыновья были в Советской Армии и в партизанах.

Кормили фашисты арестованных гнилыми бураками, даже воды давали не вволю, издевались над людьми, как им вздумается. А когда на севере и на востоке загремели грозно советские пушки, когда поняли изверги, что недолго им лютовать осталось, – совсем они остервенели. Набили в амбар столько людей, что даже лечь узники не могли: места не было.

Пасмурным февральским вечером втолкнули палачи в амбар незнакомого парнишку. Он посинел от холода, босые ноги были обморожены до черноты, тонкая рубашка на спине потемнела от застывшей крови. Парнишка худыми руками прижимал к груди длинный черный коробок.

Обвел он амбар большими карими глазами, покачнулся и упал на цементный пол.

Женщины водой его напоили, старики поговорить с ним пытались, утешить – русский человек в любой беде о себе забудет, а другому поможет. Но парнишка был без памяти: он только стонал да дрожал. Взяли люди у него из рук черный коробок, кто телогрейку с себя скинул, под мальчика подстелил, кто кофтой своей его прикрыл. Умолк он, пригрелся и уснул.

Открыли тогда осторожно люди его коробок и видят: лежит в нем закутанная в тряпье старенькая скрипка.

В полночь проснулся парнишка. Стали его люди спрашивать, кто он, откуда, за что его фашисты избили и в тюрьму бросили?

– Комсомолец я, – слабым голосом ответил юноша. – А пытали меня фашисты, чтобы узнать, откуда у меня советские листовки оказались.

– Ну и что же? Сказал ты им это? – с тревогой спросил один из стариков.

Облизнул парнишка пересохшие губы, блеснул глазами и покачал головой:

– Нет... Ничего я им не сказал.

– А где же схватили тебя проклятые вороги?

– Ходил я со скрипкой по кубанским станицам, играл и песни пел по базарам. А когда никто не видел -листовки расклеивал. В них напечатано, что крепнут наши силы и уже недолго осталось лютовать фашизму.

Сказал он это, устало закрыл глаза и замолчал, только рот его от боли передергивался, так избили его фашисты. Подошла тогда к нему одна женщина, укутала его получше, погладила по голове и сказала ласково: – Спи, сынок! Спи, отдыхай!

И мальчик снова заснул. И спал до самого утра. А на рассвете, когда ясно уже слышался приближающийся клекот пулеметов, ворвались в амбар гитлеровцы и стали всех прикладами на улицу выгонять. Вместе со всеми, дрожа от холода, выбежал и парнишка. Палачи хотели ударить прикладом по его скрипке, но он телом своим прикрыл ее.

На улице фашисты построили узников в ряды, заставили разуться, отобрали теплую одежду и погнали людей по морозной слякоти за станицу.

Словно тени, шатаясь от слабости, шагали люди в синем морозном полумраке. Со всех сторон кольцом железным окружали их солдаты – пьяные, мордастые, в касках, с автоматами в руках.

Скрипача всю дорогу поддерживали под руки двое стариков, потому что знали все: если упадет парнишка – пристрелят его.

За станицей фашисты поставили людей на краю оврага, сами отошли немного и стали переговариваться между собой да курить сигареты.

А люди стояли, молчали и смотрели, как на востоке от выстрелов вздрагивает и пламенеет небо, как кружатся и падают на сырую землю мокрые снежинки. И каждый думал о том, что в последний раз видит он эти снежинки и дышит холодным -степным воздухом. И даже угрюмая зимняя земля казалась им в этот час ласковой и теплой.

Медленно бледнел синий морозный рассвет. Фашистский офицер, остроносый, круглоглазый, как филин, в высокой черной фуражке, перевязанной поперек шерстяным женским платком, не торопясь шел мимо молчавших людей, холодно вглядываясь в их лица. И вдруг он заметил черный ящичек, который бережно прижимал к груди худой, истомленный парнишка.

– Что? – спросил офицер, ударив тонкой тросточкой по ящичку.

– Скрипка, – тихо, сдерживая дрожь, прошептал молодой скрипач.

– О! – удивился фашист. – Ты скрипач? Я тоже музыкант... Хороший музыкант...

Он кивнул головой и приказал:

– Играй! Будешь хорошо играть – отпущу тебя! Слово немецкого офицера.

Трясущимися пальцами скрипач открыл футляр, вытащил скрипку и ласково погладил тонкую шейку инструмента. Потом он обернулся и посмотрел на товарищей. Фашистские солдаты подошли поближе.

Парнишка поднял скрипку и, пробуя смычок, скользнул им по струнам. Ласково, задумчиво, призывно заплакала скрипка, и странно прозвучал ее голос в пустой холодной степи, вздрагивающей от артиллерийского гула.

Люди, стоявшие на краю оврага, шевельнулись и вздохнули общим коротким вздохом. Нежный голос скрипки одним напомнил голос ребенка, которого они никогда не увидят. Другие вспомнили, как до прихода врагов, вечерами, в уютном колхозном клубе слушали они волшебное пение скрипки. Сердца людей сжались, как тугая пружина, готовая распрямиться в могучем порыве. Только фашисты смотрели на скрипача с тупым любопытством.

Темный огонь блеснул в глазах юноши. Пальцы вдруг стали снова подвижными и послушными, смычок уверенно заскользил по струнам.

Величавые звуки «Интернационала» разнеслись над пустынной синей степью. Эти звуки будили гнев и жажду борьбы, звали на битву и сопротивление, они были сродни грозному артиллерийскому гулу.

Качнулись люди, стоящие на краю оврага. Тугими клубками напряглись мускулы, сами собой сжались кулаки.

Закричал от ярости фашистский офицер, рванул пистолет и с размаху разрядил его в грудь скрипача.

Захлебнулась, умолкла скрипка. – Бей их! – яростно крикнул кто-то.

И люди рванулись вперед, навстречу ярким вспышкам выстрелов. Передние упали, но остальные уже выкручивали из рук врагов оружие, душили, били, валили на землю фашистов.

А когда шум борьбы смолк, неподвижно, точно груды смятого тряпья, лежали на земле трупы врагов.

Седобородый старик с немецким автоматом в руках: широким шагом подошел к краю оврага, где, прижав руки к окровавленной груди, неподвижно лежал скрипач.

Старик смахнул с его темных волос белые пушинки снега, осторожно подобрал и положил на грудь юноши разбитую, изломанную скрипку и поцеловал мертвого» в высокий лоб.

– Спи, сынку! – ласково и сурово сказал старик. – Билось в твоей груди сердце воина, сердце героя! Спи! Мы не забудем тебя!

Он поднялся и, сжимая оружие, пошел в степь.

За ним таким же широким шагом шли женщины и старики с винтовками и автоматами, отнятыми у врага.

И каждый на мгновение останавливался возле неизвестного скрипача, вглядываясь в его лицо, которому смерть дала спокойную, гордую суровость мрамора.

О неизвестном скрипаче поют по станицам хорошие песни. Никогда не умрет он в памяти народной. И скоро, очень скоро, он, как живой, встанет вырубленный из мрамора на степном кургане. И руки его, как боевое оружие, будут держать скрипку, что спасла от смерти многих людей!

Командир пчелиного войска

На всей Кубани, пожалуй, не найти места лучше, чем то, на котором наш хутор стоит. Примостился он на теплом южном склоне, а крутом, куда ни глянь, все леса да горы, горы да леса. Деревья в лесах – вековые, в четыре обхвата, узкие долинки заросли буйными травами, а далеко внизу синее змейка реки и рядом серая ленточка дороги вьется.

Когда зацветут кругом наши заповедные леса и травы, голова кружится от их хмельных ароматов. То робкий, нежный запах диких яблонь доносится, то сладкой истомой липы цветущие повеют, то, заглушая все, принесет ветерок из горных долин крепкий густой аромат медуницы.

Чудесный цветок эта медуница. На высоком прямом стебле тянутся к солнцу крупные белые цветы с таким сладким запахом, что никогда нюхать не устанешь. С этих цветов получается особенный мед – белый, чистый, пахнущий лесной свежестью.

Из-за этой самой медуницы и был построен хутор. За три года до войны решил наш колхоз создать свою пчеловодческую ферму, потому что рядом с артельными землями начинаются заповедные леса, где медуницы сколько хочешь. Взял колхоз разрешение, поставил в заповеднике на полянке десяток хороших хат, под каждой хатой сухой и теплый погреб выкопали для зимовки пчел, кругом садочки насадили, электричество провели – вот и появился новый хутор, прозванный Медовым.

Хозяйствовали здесь несколько стариков-пчеловодов, а старшим над ними назначили деда Андрея. Он и сей – час на нашей колхозной пасеке бригадиром.

Когда фашисты приближались к Кубани, предложил председатель колхоза деду Андрею бросить пасеку и уходить со всеми. А характер у деда, как кремень. Очень уж настойчивый старик. Заладил он одно:

– Как же я пасеку колхозную покину? Как я богатство такое врагу отдам? Останусь, постараюсь сохранить артельных пчелок...

Сказал – и остался.

Неделю целую хлопотал дед, перетаскивая ульи на далекие лесные полянки, цепляя их на деревья и пристраивая в дуплах. Половину колхозной пасеки так запрятал, что сам потом с трудом разыскал.

Возвращается он раз из лесу, а в хате у него сидят трое советских солдат с радиостанцией.

– Ты что тут, дед, делаешь? – спросил старика молоденький сержант.

– Пасекой колхозной управляю...

– Какая тут пасека, когда оказался ты за линией фронта, в окружении, значит...

Нахмурился дед, погладил бороду и спрашивает:

– То есть, как это за линией фронта, когда вы здесь?

– Да и мы тоже здесь за линией фронта! Выполняем специальное задание командования...

– Ну и я специальное задание выполняю, пчел колхозных берегу! А насчет окружения – так это ты глупость говоришь, сынок! Я на своей земле! Фашисты, так они действительно здесь в окружении. А я у себя дома!

Два дня вели бойцы наблюдение за дорогой, а сержант передавал сведения по радиации советским батареям.

На третий день в обед прибежал старик в хату, запыхался и говорит:

– Беда, сынки! Немцы кругом хутор окружили, сюда идут! – Схватились тут бойцы за оружие, бросились к дверям, но дед Андрей остановил их:

– Куда вы, сынки? Вас трое, а врагов, почитай, сотня. Ховайтесь в погреб, я вас сберегу!

Собрали солдаты все свое имущество и поскорее в погреб спустились. А дед Андрей схватил лом, понатужился и выворотил весь бок у печи, завалил лаз в погреб.

Вошли фашисты в хату, глядят, а в ней всего-навсего старикан один копошится, кирпичи отбирает, вроде печку перекладывает. Увидел старик солдат с автоматами, бросил кирпичи и глядит на вошедших этак удивленно и как бы испуганно.

Офицер фашистский, по-русски говорить умел.

– Кто ты есть такой? Сколько русских солдат на хуторе? Где пулеметы?

А дед спокойно пожал плечами и отвечает:

– Я есть пчеловод, за пчелами ухаживаю, значит... Солдат русских на хуторе нет и не бывало... А пулеметы мне без надобности – я самоваром обхожусь.

Нахмурился офицер, но тут явились солдаты и доложили ему, что нет на хуторе русских. Тогда офицер улыбаться начал и сказал старику:

– О, ты есть веселый русский дед! Неси нам меду. Будешь нам услуживать: кормить-поить немецкое войско. Хорошо послужишь – жить будешь, плохо послужишь – вешать тебя будем...

Принес дед фашистам три ведра меду, и они его за полчаса убрали, прямо ложками, без хлеба ели. Потом оставили они на хуторе пятнадцать солдат, а остальные вместе с офицером обратно ушли.

Глядит дед Андрей, а фашисты совсем по-домашнему на хуторе расположились и уходить не собираются. По очереди наблюдение за горами ведут, передают что-то по радио своим командирам. Деда вроде и не замечают, но с хутора ему никуда уходить не разрешают.

«Вот тебе и на! – подумал старик. – Это я вроде как помощником у фашистов оказался, а хлопцы наши в погребке сидят. Не могу я этого терпеть!»

Долго раздумывал он, как бы фашистов с хутора выгнать. Запалить хутор? Так это и наши солдаты погибнуть могут. Побить врагов? Сил не хватит.

Уже солнце заходить стало, когда вдруг улыбнулся старик, зашел в свою кладовку, где всякий хлам валялся, достал оттуда пол-литровую бутылку с какой-то желтой жидкостью и вышел в свой садочек.

Там осмотрелся он по сторонам, запрятал бутылку в карман широких шаровар и тихонько, точно гуляя, пошел за хату, куда выходило из погреба маленькое окошечко.

Сел дед возле окошечка на землю, сам на горы смотрит и говорит вполголоса:

– Вы, хлопцы, сидите и не двигайтесь! Я на фашистов такую армию напущу, что завтра же сбегут они с хутора, обязательно сбегут!

Только проговорил он эти слова – вдруг видит: выходит из-за кустов немецкий ефрейтор, насупил рыжие брови и подозрительно так смотрит на него.

«Не знает ли этот дьявол по-нашему?» – забеспокоился дед и для проверки еще громче заговорил, вроде сам с собой, и даже руками стал размахивать.

– Ишь, вечер какой хороший, а тут эти собаки шатаются, всю картину портят... Ну, ничего, завтра по-другому будет...

Посмотрел на него фашист, пожал плечами и пальцем поманил к себе. Послушался дед. Повел его тогда ефрейтор в хату и заставил воду греть. Вымылись немцы, стали на сене на ночлег устраиваться. Взял ефрейтор старика за плечо, ткнул в угол и говорит:

– Шляфен, шляфен – спи, значит.

Двое солдат автоматы взяли, на пост пошли, а остальные сложили в кучи свое обмундирование и захрапели вскоре. Дед притворился, что спит, похрапывать начал. Потом осторожно выбрался из своего угла, достал из

кармана бутылку с муравьиным спиртом, что употребляется стариками, зимой от ревматизма, и обрызгал этим спиртом и мундиры солдатские и самих солдат.

В полночь сменились часовые, пришли в хату спать – так он и их муравьиным спиртом обработал.

Утром, пока не взошло солнце, гуляли фашисты по хутору и ничего с ними не случилось.

Но как только вместе с теплыми лучами утреннего солнца вылетели пчелы из своих ульев да почуяли ненавистный им запах муравьиного спирта, тут и начался чистый цирк. Целыми тучами набросились пчелы на фашистов и давай их жалить. Немцы бьют их и табачным дымом отгоняют, а пчелы так и выются над ними, жужжат, как бешеные, и все норовят жала в ход пустить.

Часов до десяти утра терпели фашисты, хотя и лица их и руки, и шеи стали, как у добрых слонов. А потом подхватили они свое оружие да ранцы – и бегом с хутора пустились. В лес вбежали – и там не легче: каждая пчела старается ужалить, а выются их тысячи.

Замотали тогда солдаты головы мундирами и побежали. Рыжий ефрейтор бежит, стонет и приговаривает по-своему:

– Ой, ой! Ой, пчелы-коммунисты! Ой, пчелы-коммунисты!

А дед смотрит им вслед и усмехается.

– А мы и пчелок воевать заставим... Сознательные у нас пчелки! Не любят фашистских трутней! Дюже сознательные!

Выпустил старик бойцов из погреба, а сам давай хлопотать – остальные ульи пристраивать.

К вечеру внизу на дороге большой немецкий обоз показался – автомобили с бензином, танки, орудия. Засекли их наши разведчики, сообщили по радио, куда следует, и загрохотала за горой советская артиллерия. Точно огненные цветы на дороге выросли и уничтожили фашистский обоз.

Три дня еще разведчики на хуторе пробыли. И все время за дорогой наблюдение вели. На дороге тихо – и артиллерия советская молчит. Только-только фашисты на дороге закопшатся – начинают грохотать советские пушки. К вечеру третьего дня от взрывов обрушилась скала и совсем дорогу завалила.

– Ну, теперь нам тут делать нечего, – сказал сержант. – Надо к своим выбираться. Не знаю только, пройдем ли через фронт. Идем с нами, дедушка. Ты, небось, все тропки знаешь...

Подумал дед Андрей, расчесал бороду и ответил:

– Конечно, мне с поста моего вроде уходить не полагается, но так как моя пчелиная армия сейчас вся надежно расквартирована, а вы без меня, того и гляди, на фашистов нарветесь, то решил я идти с вами, сынки... Но вы погодите меня чуток, хочу я фашистам гостинцы оставить.

Пошел старик по хатам, отыскал еще несколько бутылочек муравьиного спирта – каждый дед запасец этого снадобья на зиму держал от

своих стариковских болезней, Этим спиртом дед Андрей все хаты внутри окропил, а дух от него крепкий, едучий, целыми неделями держится.

Потом повел старик бойцов через горы по ему только известной тропинке. Хорошо дошли они до наших – ни одного фашиста не встретили.

Доложили бойцы полковнику о выполнении боевого задания и про деда рассказали. Позвал полковник старика, поблагодарил, чай с собой пить посадил и говорит:

– Ну, командир пчелиной армии, большое ты дело сделал, крепко нам помог. Сейчас машина подойдет – отправляйся ты на ней в тыл!

А дед покрутил бородой и возражает:

– Как же это возможно, сынок, чтобы командир от своего войска уходил? Разве ты свою часть бросить можешь? Оставляй-ка меня у себя, я все тропки знаю, проведу твоих разведчиков, куда захочешь, хоть за пазуху фашистскому генералу, и обратно выведу невредимыми. А заодно буду я за своим пчелиным войском присматривать...

– Задумался полковник и решил:

– Ладно, оставайся у нас, отец! Большую пользу можешь ты нам принести.

Так и остался дед Андрей за проводника при разведке. Много раз водил наших бойцов за линию фронта. Там они своими боевыми делами занимались, а старик со своим пчелиным хозяйством управлялся. Осенью командование наградило деда медалью «За боевые заслуги».

А фашисты еще несколько раз на хутор наведывались. Придут туда, переночуют в хатах, пропитаются муравьиным запахом, а днем как допечет их пчела, так они галопом из хутора эвакуируются. В конце концов разозлились они и весь хутор спалили.

Когда начал падать первый снег и зашумели в горах холодные ветры, забеспокоился дед Андрей:

– Пропадает мое войско, померзнет! Пойду я к нему!

А полковник его успокаивает:

– Не беспокойся, отец, выручим твое войско! Не должны пчелы померзнуть, взяток в этом году хороший был, питания у твоей армии достаточно! А при холоде питание – это главное.

Вскоре пошли наши войска в наступление и погнали фашистов. Выпросил дед Андрей у полковника несколько слабых лошадей, не годных для армии, собрал своих стариков и давай ульи из леса на хутор возить. Хоть и сожгли враги хаты, но погреба уцелели. Туда и ставили пчеловоды ульи и сами там вместе с пчелами перезимовали в, тот год.

Сберегли старики всех пчел и весной еще много крепких роев получили. А сейчас в нашем колхозе пасека вдвое больше, чем до войны. И командует пасекой по-прежнему дед Андрей. Зовут его теперь: «Командир пчелиного войска» – и он не обижается.

Сказ о заповедном кладе

Щедра и богата наша кубанская земля. Родит она и пшеницу, и рис, и подсолнух, и плоды разные. Что ни посеешь – всего богатый урожай получишь.

И в горах прикубанских большие богатства скрыты. Есть там и железо, и уголь, и золото. А особенно много нефти. И нефть особенная, такая, что хоть сразу бери и заправляй ею тракторы да автомашины.

А распоряжается всеми этими богатствами старик Горовик, из себя маленький, сгорбленный, седые брови на глаза нависли, а взгляд зоркий, строгий. Взглянешь на него, подумаешь – самый обыкновенный дед, что баштан караулит.

Но старик Горовик совсем особенный. Живет он на земле уже многие сотни лет, а все такой же, ничуть не меняется. И владеет он великой силой: захочет-даст людям земные богатства, захочет – не даст. Но не по капризу он это делает, а по справедливости.

Еще в стародавние времена рыли казаки глубокие колодцы и черпали из них ведрами легкую золотистую нефть. Шла она и в каганцы, и на распалку печей, и на смазку ходов тележных, чтоб не скрипели.

Начнут, бывало, казаки нефтяной колодец рыть, а к ним вдруг подходит какой-то седой старик – собой неприметный, одет в чекменчик старенький, на ногах сапоги яловые, на голове кубанка черного курпея. Подойдет старичок к казакам и спрашивает:

– К чему колодец роете, станичники?

– Да вот, дедушка, хотим до нефти докопаться...

– А зачем она вам?

– Как зачем? И на топливо, и на каганцы, и колеса смазывать нужно...

– Добре, добре, станичники, – скупно улыбнется старичок в седые вислые усы. – Только, сдастся мне, что не здесь вам копать надо...

И указывал другое место. Укажет и пойдет дальше, опираясь на ореховый батожок. Послушают казаки старика, начнут копать в указанном месте – и точно, обязательно на богатую жилу нападут...

Услыхали заграничные буржуи про кубанскую нефть и целыми толпами на Кубань нагрянули. Стали земли покупать, спорить начали, кому какой участок забирать. Но всех перехитрил американский Мистер. Сунул Мистер пачку денег кубанскому атаману, тот и передал ему те земли, где казаки нефть доставали. И даже в Петербург самому Николашке-царю отписал, что-де прибыл из-за моря-океана добрый Мистер, хочет нам, бедным, помочь нефть из земли доставать. А Мистер вслед подарочек в Петербург послал. Вот и вышло решение отобрать у казаков нефтеносные земли и отдать их этому самому Мистеру.

Стал Мистер дело разворачивать – инженеров своих доставил, машины кое-какие привез, за гроши рабочих русских нанял и давай нефтяные вышки

ставить. И такая жадность охватила Мистера, что всех рабочих замучил, по целым суткам работать заставлял.

И вот идет раз этот самый Мистер по своему промыслу, за ним инженеры, подрядчики всякие вышагивают. И вдруг подходит старичок – сгорбленный неприметный, только глаза строгие из-под бровей поблескивают. Подошел и спрашивает Мистера:

– Зачем тебе нефти столько? Куда ее девать будешь? – Удивился Мистер, выкатил свои рачьи буркалы, новее же ответил:

– Ты есть очень глупый! Я эту нефть продавать буду, большие деньги себе наживу...

Насупил старик косматые брови и говорит:

– Ничего у тебя не выйдет! Не достать тебе нефти из нашей земли.

Разозлился Мистер, хотел упрятать старика в каталажку, но тут шепнул кто-то из приказчиков русских, что, мол, этот дед все места знает, где много нефти. И сразу Мистер стал добрым и обходительным. Подхватил деда под руку, стал рассказывать, как он любит русский народ, деньги американские стал предлагать старику, чтобы тот ему показал заповедные места.

А старик пощупал деньги, покачал головой, вытер руку о полу чекменя и отвечает:

– Не к чему мне твои бумажки! Печку разжигать древесной корой способнее... А любовь твою к русским я вижу – сколько людей ты уже в гроб вогнал непосильной работой. И говорю я тебе по-хорошему: уходи с нашей земли, не даст она тебе своего богатства...

Сказал – и пошел себе к лесочку. Мистер даже задохнулся от злости. А потом как закричит своим охранникам:

– Взять этого деда! Он есть самый главный русский бунтовщик! Я его в Сибирь загоню.

А старичок как раз в лесочек вошел. Кинулись за ним охранники, сам полицейский пристав помчался. И только вбежали они в лесочек – вдруг навстречу им здоровенный медведище прет. Идет – кусты ломает, ревет сердито, в открытой пасти клыки сверкают. И пристав, и охранники наутек пустились. Прибежали в караулку, ружья схватили – и опять в лесок. Ходили, ходили – ни старика, ни медведя не нашли...

С того дня стали оскудевать нефтяные богатства. Исчезла нефть из колодцев. А буровые вышки начали больше воды давать, чем нефти...

В революцию прогнали Мистера ко всем чертям за море-океан. Стали хозяйновать на кубанских нефтяных промыслах наши, русские, советские люди. Трудно было вначале – ни машин, ни труб, ни разных там долотьев не было.

Как-то ставили рабочие оборудование на одной буровой. И вдруг подходит к ним старичок в старом коричневом чекмене, с палочкой в руках. Блеснул строгими глазами и спрашивает:

– Что делаете, хлопцы?

– Вот буровую будем пускать, дедушка! – ответил один из рабочих. – Нефть нужна нашему народу, нефти требуют заводы и фабрики наши советские. Чем больше нефти добудем, тем сильнее наша страна станет.

– Добре! – повеселевшим голосом ответил старик. – Будет вам удача! Ройте амбары побольше, трубы тяните! Много нефти тут достанете!

Так оно и вышло. Ударил из этой буровой могучий фонтан, много нефти дал он Родине.

С тех пор то в одном, то в другом месте встречали нефтяники старика Горовика, И каждый раз указывал он им места, богатые нефтью.

Когда ворвались на Кубань фашистские орды, нефтяники ушли в леса партизанить. А промыслы свои, чтоб не достались врагу, взорвали. Горькими слезами плакали, а взрывали, потому что был на это приказ.

А фашистам нефть больше хлеба была нужна – без нефти и танк не пойдет, и самолет не полетит. Начали они стараться достать из земли кубанскую нефть. Привезли своих инженеров и мастеров, а наших, русских, силой работать заставляли.

И вот потеют фашисты над одной скважиной – вышку уже поставили, инструмент налаживают... Вдруг оказался рядом неприметный старичок в рыжем чекменчике и старой кубанке. Разглядел старичок вислые седые усы и спрашивает:

– Что это вы делаете, господа хорошие?

Вздрыгнул фашистский инженер, который всеми работами командовал, оглянулся по сторонам. Кругом охрана расставлена – и вдруг старик какой-то возле буровой очутился. Не партизан ли?

Вгляделся фашист в старичка, а тот вроде совсем старенький, чуть на ногах стоит. Успокоился тогда инженер и говорит:

– Мы, глупый русский дед, достаем нефть для великой Германии!

– А зачем вам наша русская нефть? – тихо спрашивает старичок.

– Ты есть совсем дурак! – рассердился фашист. – Нефть нужна нам, чтобы наши танки дошли до Урала.

– Ого, – блеснул глазами старик. – Далеко шагнуть собираетесь, господа хорошие! Не видать вам Урала, как свинье солнца полуденного! Не достать вам нашей нефти!

Совсем разозлился фашист.

– Ты есть русский партизан! – закричал он. – Ты есть коммунист! Взять его! Запереть в подвал! Караулить крепко. Завтра мы его будем вешать!

Схватили фашисты старика, заперли его в подземный каменный подвал, часовых приставили. А подвал тот без окон, стены метровой толщины, двери железные.

Рано утром приказал фашистский офицер вывести старика из подвала. Один из солдат уже веревку приготовил, через сук ее перекинул, петлю-удавку наладил.

Открыли железные двери подвала, а старичка и след простыл. Спустились в подвал солдаты с фонарями, видят: и стены целы, и подкопа

нет, а старик исчез. А в углу сидит здоровенная жаба, пялит круглые глаза на фашистов и бока ее колыхаются, словно от смеха.

В тот же день ударил из скважины, которую ремонтировали фашисты, мощный фонтан. Да только не нефтяной, а из жидкой синей грязи. Все инструменты фонтан на сотню метров раскидал. Кого из фашистов насмерть убил, кого покалечил, кого грязью с ног до головы обдал...

Вскоре после этого наши советские войска погнали фашистов с Кубани. Стали нефтяники восстанавливать промыслы. И сразу же у них дело пошло на лад, С каждым днем стала расти добыча нашей кубанской нефти. Но, конечно, нефтяники не только старые скважины ремонтировали, а и новые нефтеносные места стали искать.

И вот один раз шел молодой парень, геолог, по горам, притомился и решил отдохнуть у горного родника. Сел на камень и горами любитесь. Вдруг хрустнула ветка под чьей-то ногой. Оглянулся геолог и видит: идет к нему древний старичок. Чекмень коричневый, кубанка черного курпея, усы седые повисли. Очень удивился геолог: кругом километров на тридцать ни станиц, ни хуторов нет, а старичок идет себе неторопливо, словно гуляет. И никакого припаса с ним нет, только батожок ореховый. Подошел старик, поздоровался, геолог его папирсой угостил и спрашивает:

– Кто вы будете, дедушка? Как вы оказались в таких глухих местах? Может, заблудились – так я вас на дорогу выведу...

Усмехнулся старик в густые усы и ответил:

– Не беспокойся, сынок! Места мне здесь все знакомые... Не один десяток лет здесь прожит, не одна тропка исхожена. Ты вот скажи мне лучше, чего сам в горы забрел? На охотника ты вроде не похож...

Рассказал геолог, что ищет он новые нефтеносные места.

– А что, или нефти стране мало? – спросил старичок. – Вроде много нефти дают наши кубанские промысла...

– Много, дедушка! А требуется еще больше. Ведь с каждым днем на заводах наших, на колхозных полях все больше и больше машин работает. А сейчас на кубанской земле все тяжелые работы в колхозах за людей машины будут исполнять. Значит, много горючего потребуется... Вот и послали меня искать нефть...

Выслушал хлопца старичок, блеснул глазами из-под косматых седых бровей и говорит:

– Доброе дело задумали! Вижу, помочь тебе требуется. Знаю я одно заповедное место, где нефти сколько хочешь. Идем, укажу...

Очень удивился геолог, откуда такой неприметный старичок про нефтеносные места может знать. Удивился, но пошел за стариком, потому что видел – серьезный дед, такой даром слово не скажет.

Несколько часов шли. Старичок с виду хлипким казался, а как зашагал, так за ним еле угонишься. Даже в. пот вогнал молодого геолога.

Дошли они до одной горной долины.

– Вот здесь, – говорит старик, – нефти, сколько ни черпай, вовек не вычерпашь... Самое мое заповедное место... Передаю я его Советской власти на доброе дело... Хватит теперь нефти и тракторам, и комбайнам, и другим машинам...

Сказал так старик, шагнул в кусты орешника – и был таков.

– Дедушка, погодите! – окликнул его геолог и побежал за ним. – Как звать-то вас?

А старика словно и не бывало – ни ветка под ногой не хрустнула, ни кусты не шевельнулись...

Стали в этой долине разведку производить – и точно, нашли запасы самой лучшей нефти. Теперь там промысла выросли – не меньше сотни вышек нефтяных стоит, поселок целый построен...

А старик Горовик, говорят, и теперь в наших горах появляется. То залежи железа нашим советским людям укажет, то скажет, где медная руда хранится.

Много у него по горам разных заповедных кладов для добрых хозяев спрятано...

Сказ о славе-доблести

Жили в одной станице четверо подруг неразлучных – Маруся, Дуся, Наташа и Паша. Вместе они в школу пошли, в один день галстуки красные надели, одинаково их солнце ласковое советское грело. В один год закончили подружки станичную школу и стали думать о том, кем им стать.

Посмотрела Маруся на подружек чистыми глазами цвета неба весеннего и сказала:

– Никуда я, милые, из родной станицы не поеду! Пойду я в колхоз, – буду хлеб для народа растить. Любы мне поля артельные широкие, да ласковый степной ветерок, да дожди прохладные, от которых зацветет земля, согретая трудом человека...

Улыбнулась подруге черноглазая Дуся и ответила:

– И я люблю нашу станицу... Но хочется мне инженером стать и построить такую машину, чтобы она для людей сама работала, сотни рабочих заменила... Поеду я в город учиться!

– А я, подруженьки, петь люблю, – тихо сказала, тряхнув русыми косами, Наташа. – Мне хочется так научиться петь, чтобы людям радость-счастье нести, чтобы под мою песню им любой труд легким был... Я тоже поеду в город учиться!

А Паша в это время смотрела в зеркало и думала: «Какая я пригожая! Глаза у меня ярче звезд, щеки – как розы алые, зубки – снега белее, плечи и руки тугой силой налитые! Всего, чего только захочу, добьюсь я безо всякой учебы, что вздумаю – добуду! Все мне моя красота-пригляда даст!»

Посмотрела она на подруг – и давай смеяться над ними:

– Глупые вы, девчата! Вы не о себе, а о людях все думаете. Какой интерес в земле копать, кому-то хлеб растить, или с железом возиться, другим машины строить, или горло надрывать для чужого удовольствия? Я для себя буду жить! Я себе славу добуду всенародную... Я доблесть проявлю невиданную, чтобы самой жить получше... А кем я стану, не знаю. Может, летчицей, может, путешественницей, может, еще кем-нибудь... Я пойду туда, где доблесть нужна, где славу можно добыть...

Разъехались подружки в разные края, одна Маруся в станице осталась. Работает она в колхозе и одной мыслью живет: как бы заставить землю больше хлеба для людей давать. Другие еще спят, а она уже в поле трудится. Люди отдыхают, а она над книгой сидит. Раньше всех встает, позже всех ложится, весь разум свой, все силы в работу вкладывает.

А земля-матушка любит человеческий труд, щедро награждает за него. Стала Маруся собирать большие урожаи, но не успокаивается – все трудится, все старается.

Дуся в это время институт закончила, на завод работать пошла. Днем в цехе трудится, а ночью над своей машиной думает, то считает, то материалы разные испытывает. Одна забота ее волнует: как бы труд людей облегчить, как бы добиться, чтобы машина за них работала!

А если всего себя какому-нибудь делу отдашь – наверняка сделаешь это дело. И построила Дуся такую машину, что она одна за двести человек работу выполняет.

И Наташа свою мечту былью сделала. Всю душу она учебе отдавала и стала петь все лучше и лучше. Поет она веселую песню, а сама смотрит в зал. И если видит, что хоть один человек скучным остается – сразу думать начинает:

– «Плохо, видать, еще пою! Не доходит моя песня до всех сердец! Учиться надо, еще учиться!»

И снова за учебу бралась.

Пригласили как-то Наташу выступить по радио. Отзвонили уже часы на Кремлевской башне, советские люди отдыхали от трудов своих. Только старик-ученый все еще работал в своей лаборатории – придумывал средство, чтобы все лихие болезни на земле истребить. И вдруг взгрустнулось ученому. Подумал он, что стар уже стал, что нет пока еще от старости никакого лекарства и что, может быть, не удастся ему довести до конца задуманное дело...

Чтобы разогнать свои грустные мысли, включил ученый радио.

Слышит он – поет кто-то. Точно весенний ручеек, голос звенит, задумчивый, свежий, молодой. Поет этот голос о стране нашей великой, и от этой песни словно свежий полевой ветерок сердце бодрит, всякая усталость исчезает.

Улыбнулся ученый и решил:

– «Рано мне сдаваться! Рано старости уступать! Потружусь еще, чтобы помянул меня добрым словом наш народ, чтобы не знали наши люди никаких болезней»...

И снова взялся он за работу...

По всей стране советской люди эту песню слушали, всех она радостью наполнила. Долетела песня и до Китая, и до Вьетнама, и до других далеких стран и везде, точно-свежий ручеек в знойную пору, бодрила она простых людей и новые силы в них пробуждала.

И Маруся в кубанской станице, и Дуся в далеком городе слышали эту песню, дающую людям силы и бодрость. И радовались они за свою подругу.

Не радовалась только, услышав Наташино пенье, Паша. Горькая зависть поднялась в ее сердце, потому что, когда живет человек лишь для себя, пустой бывает его душа, а в пустоте легче всего плохое заводится.

Ничего для себя не добила за это время Паша. Хотела знаменитой летчицей стать, да подумала:

– «Это же сколько лет учиться надо? Сколько времени ждать, пока слава придет?»

Надумала на самую высокую гору подняться и тем свою доблесть доказать, но пошла она одна, ни с кем не захотела славы делить, заблудилась среди снегов-ледников, чуть не погибла, спасли ее другие альпинисты.

Решила книгу хорошую написать, но терпенья не хватило да знаний не было.

Только и осталось ей, что другим завидовать да злиться, что никто ей не хочет славу подарить...

Прошло немного времени, и позвали Наташу в Кремль краснозвездный. Вошла она в зал белокаменный, села среди многих людей и видит: подходит к столу девушка голубоглазая. А навстречу ей идет человек, всей стране известный, и прикрепляет на грудь девушке медаль золотую и руку ей пожимает.

Посмотрела Наташа на девушку и обрадовалась:

– Да ведь это Маруся, подружка моя ясноокая!

А потом к столу другая девушка подошла, и черные глаза ее радостью сияли. Ей тоже золотую медаль вручили.

– Так ведь это Дуся наша! – еще больше обрадовалась Наташа.

Тут и ее к столу позвали, тоже медаль и Ленинскую премию ей вручили.

Сошлись подружки вместе, обнялись, стоят, друг другом не налюбуются.

И вдруг подходит к ним старик-ученый. И горит у него на груди такая же золотая медаль на алой ленточке. Подошел он к подругам и говорит:

– О чем вы думали, девушки, когда трудились так доблестно?

Посмотрела Маруся на ученого своими глазами голубыми и ответила:

– Думала я о народном счастье!

– Хотела я труд наших советских людей облегчить. О них думала, – сказала Дуся.

– Радость хотелось мне принести родному народу, – прошептала Наташа.

Улыбнулся старый ученый веселой молодой улыбкой и сказал:

– Правильно, дочки мои дорогие! И мною та же мысль владеет! Одной семьей мы все живем. А кто о счастье народном думает, о народе заботится, того народ любит и почитает.

Точно и а крыльях радостных, ног под собою не чуя, гуляли подрули по Москве. Идут, обнявшись, по московским улицам, золотые медали, как солнца маленькие, сияют, и всякий прохожий смотрит на подруг с приветом и любовью.

И вдруг подбегает к подругам Паша, плачет, обнимает их и спрашивает:

– Скажите, подруженьки, за какую доблесть вы славы такой удостоились?

Посмотрела ей в глаза Наташа и ответила:

– Нет у нас особой доблести, а есть любовь к народу нашему! А слава к нам пришла потому, что живем мы для народа, на его благо все силы свои отдаем!

Вскоре опять расстались подруженьки и разъехались в свои края. О трех из них и сейчас вся страна говорит – о высоких урожаях, что растит Маруся на кубанских полях, о новых машинах, которые строит Дуся, о песнях Наташи, дающих людям радость.

О Паше пока ничего не слышно.

Но получили недавно в станице от нее письмо. Работает Паша на экскаваторе, строит в Сибири далекой гидростанцию. Пишет она, что полюбила свой труд, полюбила машину умную и все силы отдает своему делу.

Ну, а если в сердце человеческом любовь великая к своему делу, к народу родному пробудилась – значит узнает, полюбит такого человека и весь народ!

Сказ о деде Всеведе

Правда это или небылица, я не знаю. Но только говорят люди, что лет сорок тому назад жил в одной кубанской станице старик, которого прозвали дедом Всеведом. Получил старик это прозвище за то, что на любой случай была у него приготовлена сказка-присказка.

Задумал как-то станичный атаман удивить казаков и прикатил из Екатеринодара в станицу на автомобиле. Автомобиль пылит по станичной улице, кашляет, людей удивляет. А дед Всевед махнул на него костью и сказал равнодушно:

– Эка невидаль! Пророк Илья давно на колеснице без коней ездит.

А то провели в станичное правление телефон. Люди гурьбой бегали смотреть, как крутит атаман ручку и в черную трубку кричит, с Екатеринодаром разговаривает. Люди удивлялись, а дед Всевед только посмотрел и сплюнул:

– Дело известное! Вроде как почтовый телеграф. Слова сами собой по проволоке бегут...

Так и не удавалось ничем удивить деда Всеведа. А старик всю станицу удивил. Прошел как-то по станице слух, что уснул дед Всевед каким-то непонятным сном спит, не просыпаясь, уже десять суток. Вся станица у него в хате перебивала, все смотрели на деда. Поглядеть на него – вроде как мертвый, а на щеках чуть заметный румянец играет.

На одиннадцатые сутки приехали из Екатеринодара ученые доктора, осмотрели деда и объяснили народу, что сон у старика особенный, научный, а когда дед проснется – никому не известно. Поговорили доктора между собой, посоветовались и увезли деда Всеведа. Потом по станице слух прошел, что отправили старика в Москву, в особую больницу, чтобы всякие наблюдения делать...

И вот, сказывают, проспал дед Всевед сорок три года, четыре месяца и четыре дня, а потом проснулся. Ну, ясно, профессора и врачи, которые смотрели за стариком, очень обрадовались, расспрашивать деда начали, что он видел во сне, как он себя чувствует.

Покушал старик, отошел немного и говорит:

– Вот что, господа хорошие!

Ничего я не чувствую, ничего не ощущаю! Отправляйте меня обратно в станицу, там меня сын и внуки ожидают.

Объяснили старику, что спал он целых сорок три года, что наверное, никто его в станице уже не ждет. А старик свое:

– Глупости вы говорите, господа хорошие! Придумаешь, сорок лет! Спящая царевна триста лет проспала – и то ее помнили. Почему же меня через сорок лет забыть должны. Род наш казачий – крепкий, долговечный. Все в нашем роду живут не меньше ста десяти лет, а мне сейчас, выходит, только девяносто шесть. А сыну Петру только шестьдесят пять. А внучонку Кольке только сорок четыре. Зовите извозчика, нехай везет меня в станицу, там и поговорим!

Видят доктора, что старик с характером, его не переспоришь. Заказали специальный самолет – прямо до станицы, назначили двух врачей сопровождать деда Всеведа и говорят:

– Ну, что же! Хотите ехать – езжайте! Вот вам сопровождающие!

– А зачем мне сопровождающие?! Что я, арестант, что ли? – рассердился старик.

Еле-еле уговорили его ехать с врачами. Вышел дед Всевед из больничного сада, а там его автомобиль ждет. Думали, удивится старик, а он – «ничего. Уселся в машину и говорит своим спутникам:

– Подумаешь, удивили! У нас в станице атаман на такой коляске ездил – только у него страшнее: больше дыма и грохота...

Приехали на аэродром. К самому самолету подкатили. Тут дед Всевед вроде как забеспокоился.

– Это что же? Нам на этом гусаке лететь придется? – спросил он и ткнул пальцем в самолет.

– Да, дедушка! Этот самолет для вас! Да вы не бойтесь! – успокаивает его врач.

А старик как стрельнет в него взглядом и первый полез в кабину. Поднимается по лестнице и приговаривает:

– А кто боится? Подумаешь, невидаль, на гусаке летать! Издавна русские люди на ковре-самолете летали...

Поднялся самолет в воздух. Сначала старик, видать, испугался, вцепился руками в кресло, борода у него затряслась. Но потом отошел. И даже в окно стал глядеть, землей интересоваться.

Пошел самолет на посадку.

– Ну, прилетели, дедушка! – сказал врач.

– Что-то уж больно скоро, – замотал головой старик. – От нашей станицы до Москвы тысячи верст. Поезд и тот трое суток идет. А тут только поднялись – и станица...

Вышел старик из самолета, оглянулся по сторонам. Вдалеке дома виднеются, сады зеленеют. Чуть в стороне, на взгорье – большие новые корпуса животноводческой фермы. В низине пруд широкий, точно зеркало,

блестит, за ним поля золотом отливают

– широкие, просторные. А дальше, сколько можно окинуть взглядом, раскинулись сады и виноградники.

Смотрел, смотрел дед Всевед по сторонам и давай летчика ругать:

– Куда это ты меня завез?! Разве это наша станица? Ошибся ты, видать, на полтысячи верст! И как тебе только такую машину водить доверили...

– Да нет, дедушка! Точно это ваша станица! – улыбается летчик.

А дед кипятится, палкой в землю стучит, бородой своей трясет:

– Да что ты, смеешься надо мной, что ли? Что я, станицу свою не узнаю? У нас – степь бескрайняя, а здесь сады и виноградники! У нас речонка такая, что курица ее брод перейдет, а здесь целое море! Узнавай у людей дорогу и летим дальше!

Но тут подкатила к самолету зеленая «Победа», выскочил из нее молоденький шофер, дверцы открыл и приглашает:

– Садись, пожалуйста, дедушка!

– Никуда я не сяду! – кричит дед. – Мне в станицу надо. Меня там сын и внучонок ждут! Объясни-ка вот этому, в кожаном, как до нашей станицы долететь...

А это и есть ваша станица, – улыбнулся шофер.

– Бреешь! – еще громче закричал дед. – В нашей станице не было таких садов!

– Не было, а теперь есть, насадили, – объяснил шофер.

– У нас речушка – курица перешагнет, а здесь целое море...

– Запрудили речушку – вот и получилось море. Садитесь! Вас Петр Павлович ожидает!

– Какой еще Петр Павлович, – удивился старик.

– Сын ваш, дедушка. Председатель колхоза. Почесал дед Всевед свою седую голову, нахмурился и решил:

– Ну, ладно, поедем! Но если врешь ты, мил человек, – не обижайся! Хоть и автомобиль ты водишь, а не миновать тебе моего дрына...

– Ладно, дедушка, – улыбнулся шофер.

Мчит «Победа» по станичным улицам. Старик на своем месте ерзает, головой крутит, вроде и вправду родная станица, а вроде и нет.

Остановилась машина около нарядного каменного дома.

– Подождите минутку, дедуся, я Петра Павловича вызову, – сказал шофер. – Он нас здесь ожидает.

– Э, нет! – покачал головой старик. – Это ты меня завез черт знает куда, а сам утекать собираешься. Пойдем вместе!

Вошли они в дом правления колхоза. Распахнул шофер дверь и вперед себя старика пропускает.

Глянул внутрь дед – и оробел. Комната большая, нарядная, красивее, чем кабинет у станичного атамана был. В углу, за большим столом сидит дюжий, широкоплечий человек, и вся грудь у него в орденах.

– Извиняюсь, ваше благородие! – заговорил дед Всевед. – Я ошибкой сюда попал. Сына ищу, Петьку...

Вдруг человек как вскочит из-за стола, подбежал к старику и давай его обнимать.

– Батя! Здравствуйте, батя!

А старик никак поверить не может, что то его сын.

– Неужто это ты, Петюшка? Петя, сыночек! Шофер деликатно дверь прикрыл, и никто не видел,

что дальше в кабинете происходило. Только вышли отец и сын оттуда в обнимку и у обоих глаза мокрые.

– Устали вы, батя? – спросил старика Петр Павлович. – До дому поедем или в степь махнем, внучонка поглядеть желаете?

– Конечно, в степь! Я же степи-матушки сорок лет не видел. А внучонка и не признаю...

Сели они в машину и помчались по широким улицам.

– Где ты, Петро, автомобиль занял? – спрашивает дед.

– Мой автомобиль, батя!

– Твой?! Да кто же ты? Уж не атаман ли?

– Нет, батя. Я – агроном, председатель колхоза...

– Агроном? – удивился старик. – Да как же ты в агрономы попал? Агроном ведь господское занятие.

– Было господским, а сейчас нет. Прогнали мы всех господ, батя! Теперь только у нас в станице из простых казаков шестнадцать агрономов, двадцать два учителя, десять врачей да семь инженеров вышло...

А мимо окон машины убегает назад нарядная станичная улица. Вот мелькнуло большое серое здание с колоннами.

– Что это, сынок? Не иначе, как атаманский дворец! Экую махину сгрохал себе атаман!

– Нет, батя! Это клуб наш колхозный. А атаманов у нас уже давно нет.

– А это что за домина?

– Школа новая! А за ней, вон те большие корпуса, это больница.

Покачал дед головой, посмотрел на ордена и медали, что украшали грудь сына, и опросил:

– А ордена у тебя за что, Петя?

– За работу, батя! За то, что хлеба урожаяи добрые получаем...

– Сколько же хлеба, ты, сынок, на десятине выращиваешь? Пудов сто двадцать?

– Нет, батя! В прошлом году мы по двести пудов с гектара получили. А в этом еще больше снимаем.

Старик только чуприну почесал. Но тут же взглянул в окно и расстроился. Видит: стоит пшеница рослая, могучая, в рост человека. А по пшенице какая-то машина идет и, как жук огромный, жует колосья только стерня за ней блестит.

– Да что же это, Петька, делается! – закричал старик. – Этак всю пшеницу злодейский жук пожует!

Вдруг подскочила к комбайну быстрая трехтонка, и потекло в кузов золотым потоком зерно. Понял тут старик, какое дело делает машина, и заулыбался:

– Ну и машина! Одна за сотню косарей работает! Трудно, небось, управлять ею. Откуда мастера выписали?

– А мастер, что управляет комбайном, ваш внук, Николай, – улыбнулся председатель колхоза.

Тут остановилась «Победа», и дед Всевед вылез из нее. А с комбайна соскочил черноусый казачина – на груди два ордена и Золотая Звезда. Схватил казачина старика в объятия и давай целовать – в губы, в бороду, в лоб...

Говорят, уже несколько месяцев дед Всевед ходит по родной станице и все удивляется. Людям новым, технике могучей, расцвету жизни нашей дивится. Называет он теперь себя дедом Незнаем, жалуется, что родился рано и проспал много. И поводырем по новой жизни старик упросил быть правнука своего – пионера Павлика...

Чудесное лечение

Видели ли вы, какую больницу в этом году у нас в станице построили? Такую больницу не во всяком городе найдешь. Двухэтажная, с большими окнами, полы паркетные, кругом ее сад молодой разбит. Обязательно посмотрите. Вот по этой улице пойдете. На углу большая новая школа будет, а потом, за клубом – больница.

Знатная больница! А при ней двенадцать врачей работает. Молодые все, а ученые, знающие – профессорам не уступят. Вот только душевные болезни они так лечить не могут, как лечил их наш старый фельдшер Аким Филимонович Акуратько. Ну, да оно понятно – практика. Аким Филимонович у нас в станице пятьдесят пять лет проработал, только недавно на пенсию ушел и к дочке в Краснодар переехал. Умница был фельдшер! Думается мне, что, родись он при Советской власти, наверняка бы на профессора выучился. Ну, а при Николашке-царе с трудом он и фельдшером стал, потому что был бедняцкого роду.

Не слышали вы, как он бабу Аграфену от душевной болезни вылечил и деда Афанасия, заведующего колхозной пасекой, счастливым человеком сделал? Не слышали? Ну, так слушайте! Потому что это, можно сказать, настоящее медицинское чудо.

Еще с молодости, с девок, была бабка Аграфена остра на язык. Как скажет, так как припечатает. А как прожила с дедом Афанасием сорок лет, то прямо мочи не стало – не бабка, а атомная бомба. Дед-то тихий, спокойный... Пчеловодом всю жизнь работал, а пчела только тихого человека признает. Вот бабка и взяла над ним верх и давай свирепствовать. С каждым годом все злее становилась.

Сперва окрестила она деда своего «Лысым маном».

Видать, вычитала бабка в газете про этого самого американского холуя и по совместительству южно-корейского президента и показалось ей это слово очень даже ругательным.

Вот и пошло.

– Иди, Лысый ман, вечерять!

– Где это тебя, Лысого мана, носило до полночи?

– Беги, Лысый ман, в правление колхоза, председатель за тобой присылал...

Дед все отмалчивался, но, конечно, обидно ему было. Весь колхоз пчеловода Афанасия Петренко уважает, район его в пример другим ставит, в краевой газете портрет был напечатан. А дома будто нет у него имени – Лысый ман да Лысый ман. Да к тому же голос у бабки зычный и низкий, прямо как у московского радио-баса. Обзовет деда на своем дворе, а через три квартала, на МТФ, слышно

Ну, а Аграфена видит, что дед молчит, и еще пуще лютовать начала. Как придет дед с пасеки, так по всей станице разносится, громче чем радио:

– Чтоб тебя разорвало, Лысого мана!

– Чтоб у тебя, Лысого мана, очи повылазили!

– Чтоб тебя паралик разбил!

Переживал, переживал дед и пошел как-то к фельдшеру Акуратько.

– Помоги, Аким Филимонович! Заела меня старуха. На всю станицу громыхает. Может, пилюли какие пропишешь ей, чтобы язык трошки отнялся или хрипота напала.

Посмотрел фельдшер на Афанасия поверх очков, покрутил свои седые длинные усы и покачал головой.

– Нет, – говорит, – Афанасий Степанович. – Тут пилюли не помогут. У твоей старухи болезнь тонкая, душевная – недержание речи называется.

– Что же делать, Аким Филимонович? – совсем расстроился пчеловод. – Посоветуй, помоги моему горю. Может, к профессору какому-нибудь обратиться? Понимаешь, нет больше моего терпения. Того и жди, что произведет меня в какие-нибудь Франко или Аденауэры...

Подумал Аким Филимонович, посмотрел на небо и сказал:

– Ну, ладно, вылечим твою старуху! Будем лечить ее новым методом, без лекарств. Физиотерапией. Только делай все так, как я тебе скажу.

Долго в этот вечер инструктировал фельдшер деда Афанасия.

На следующий день вернулся дед с пасеки, сел тихонечко в садочке около хаты и глядит, как пчелы над цветами вьются. Вышла тут бабка Аграфена на крыльцо и затрубила на всю станицу:

– А, пришел, Лысый ман! Ну, ступай в хату чай лопать, самовар уже на столе.

Вздыхнул старик и пошел тихонечко в хату. Только уселись они с бабкой за стол, взял дед в руки любимый бабкин чайник и вдруг, с

расстройства, упустил его на пол.

Только черепки в разные стороны брызнули.

Бабка тут так и взорвалась и загремела на всю хату:

– Ах ты, черт безрукий! Чтоб у тебя, Лысого мана, руки отсохли! Дьявол ты эдакий паршивый!

Глянула она на деда, а он сидит, кряхтит, дрожит весь, и в глазах у него испуг.

– Ну, что дрожишь, как мокрая курица? – еще громче закричала бабка.

– Ой, Аграфена! Ой, рученьки мои! Ой, пропал я, – жалобно так отвечает ей дед.

– Что рученьки? Что с тобой? – забеспокоилась бабка.

А дед чуть не плачет.

– Отнялись рученьки... Отсохли... Поднять не могу... Не шевелятся.

– Ой, лишенько! Ой, родной мой! – заголосила бабка. И как была без платка, побежала к фельдшеру Акуратько.

Пришел Аким Филимонович, осмотрел деда и покачал головой. Потом начал он доставать из сумки пузырьки да склянки, ножи да ножницы, марлю да бинты. Весь стол уставил, совсем на бабку ужас нагнал. Затем уложил деда на кровать, принялся массаж делать, из двух склянок ему лекарства дал.

– Ну как? – спрашивает.

– Вроде отходит, – тихим голосом отвечает дед. – Уже пальцы шевелиться стали.

– Ну, ладно! К утру пройдет на этот раз, – мотнул головой Аким Филимонович и, собрав свою аптеку, пошел домой.

Бабка Аграфена его до ворот провожала и все благодарила.

– Как это получилось? – Спросил ее фельдшер. – С чего это?

– Да не знаю, родненький. Чайник он разбил... Я и крикнула ему в сердцах: «Чтоб твои руки отсохли...» А они и отсохли...

Нахмурил брови фельдшер и строго так говорит бабке:

– Поосторожнее надо вам быть, Аграфена Михайловна! Видать, обладаете вы великой силой – гипнозом. Как скажете, так и будет. Так вы, того, воздерживайтесь.

Два дня воздерживалась бабка, была тихой да ласковой, а на третий не выдержала. Готовила она колбасу. А тут пришел дед с пасеки – глядь, на столе колбаса: румяная, поджаристая, сквозь тонкую корочку желтое сало просвечивает, на всю хату чесноком благоухает. Не утерпел дед и, не дождавшись обеда, схватил со стола кусок потолще – ив рот. Только откусил пару раз, вдруг бабка в хату. Увидела – и давай кричать:

– Дождаться обеда не можешь, дьявол жадный! Чтоб ты подавился, Лысый ман!

А дед тут как стоял, закашлялся, выкатил глаза и упал. Бабка подбежала, а он лежит, хрипит и колбаса изо рта торчит. Бабка давай ее тянуть, а она не вытаскивается. Заголосила тут бабка и скорей к фельдшеру.

Пришел Аким Филимонович, нахмурился, покачал головой, медицинскими ножницами отрезал он колбасу, пинцетом у деда во рту

поковырял, лекарства дал. Отошел старик, поднялся на ноги, говорить начал. Бабка Аграфена не знала, как и благодарить фельдшера. Чуть ли не пуд колбасы ему навязывала, но Аким Филимонович только закусил, пропустил со стариком по двести граммов особой московской и ушел. Дней десять терпела бабка, не кричала на деда, ласковой была, а потом опять сорвалась.

В воскресенье вечером должны были деду вручать в клубе почетную грамоту, как лучшему пчеловоду, Для такого торжества бабка еще с обеда обрядила его в новый шевиотовый костюм, серый с искоркой, галстук повязала, шляпу заставила надеть, а потом сама принялась наряжаться.

Вышел дед во всем параде во двор, походил по садочку, на лавочке посидел и заскучал. То ему хочется подпорку под яблоней поправить, то не терпится дверь, в сарае починить, а нельзя – измазать можно новый костюм. Скучал, скучал старик, а потом прилег на травке во дворе, под шелковицей. Солнышко припекает, листья шелестят, тишина... Дед разморился и заснул.

И надо же тут случиться, что как раз в эту пору вернулись во двор свиньи. С самого утра нежились они за огородом, в луже, а тут вдруг потянуло их домой. Сперва одна хавронья шляпу дедову стала жевать. Пожевала – не понравилось. Потом, видать, растомило их горячее солнышко, и они забрались в тень, притулились к деду – одна с одного бока, другая с другого, лежат, чешут спины о новый костюм Афанасия Степановича и хрюкают.

Вышла бабка из хаты, глянула и свету не взвидела. Прежде всего, свиней коромыслом отходила, пару раз ненароком деда зацепила, а потом пошла грохотать.

– Ирод! Ты смотри, костюм новый как вывозил! От шляпы только половина осталась... Лысый ман, проклятый! Чтоб тебя, старого беса, паралик разбил!

Глядь, а у деда глаза закатились, ноги вытянулись и в горле что-то забулькало.

– Что с тобой, старый? Что с тобой, горе мое? – испугалась бабка.

А дед лежит и квохчет, как клушка на гнезде. И глаза у него не двигаются...

Опять пришлось Акима Филимоновича звать. Пришел он, осмотрел деда и строго так говорит старухе:

– Я же предупреждал вас, чтобы осторожнее были со своим гипнозом! Вот теперь из-за вас Афанасия Степановича паралич разбил.

– Ой, батюшка! Вылечи мне моего старика! Язык проглочу, ругаться больше не стану! Век буду помнить о гипнозе этой проклятой! Только вылечи!

Фельдшер опять достал свои склянки-банки, дал старику разных лекарств и через полчаса поднялся дед на ноги. Бабка, как мать родная, за ним ухаживала. И костюм его отчистила и отутюжила, и галстук сама завязала. И в клуб они пошли под ручку, как молодые. Да с такой любовью друг на друга глядели, что смотреть радостно было.

С того дня бабка Аграфена ни разу своего деда не обругала. Даже Лысым маном звать перестала, потому-страшно ей, чтобы и вправду не стал Ли-сын маном.

Когда уж больно разгорячится она и крикнет:

– А чтоб ты...

То остановится и закончит:

– А чтоб ты здоровеньким был...

Вот как вылечил фельдшер Аким Филимонович Акуратько нашу бабку Аграфену.

Говорят, что сейчас в станичную больницу всякие приборы привезли и тоже лечат физиотерапией. Ну, а фельдшер Акуратько без всяких приборов лечил.

Казак и черт

Говорят люди, что есть у нас на Кубани один комбайнер, которому довелось встретиться с чертом. Известно, сейчас на нашей советской земле никакой нечисти места нет – ни колдунам, ни ведьмам, ни чертям. Им требуется, чтобы народ темным да пугливым был, тогда они только сумеют разные чудеса творить. А у нас теперь любой мальчишка, что в третий класс бегаёт, чертей не боится и его никаким чудом не удивишь. Вот, и откочевала всякая нечисть в заморские страны. Говорят, что колдуны сейчас заклинания всякие произносят, чтобы господ-капиталистов от страха перед будущим избавить. Ведьмы по заграничному радио выступают – на Советский Союз брешут. Ну, а черти, те генералами кое в каких странах заделались.

А последний черт на нашей земле уцелел только потому, что много лет назад за какие-то провинности посадил его сатана в подземную темницу. И заклятие наложил, что выйти черту из заключения, когда увидит он человека. Вот и сидел нечистый, много лет в своем каменном мешке. Сидел и со скуки хвост сосал.

И вот однажды поехал один комбайнер в горы на охоту. Дело ранней весной было – пахать еще не время, комбайны уже отремонтированы – самое свободное время. «Победу» свою комбайнер в станице оставил, а сам с ружьем в горы ушел. Двое суток бродил по горным кряжам и долинам и заметил, что заблудился. Куда ни пойдет – все леса да горы, горы да леса. А тут еще тучи сгустились, ветер загудел, и метель началась.

Комбайнер был парень не трусливый, а все же видит, что дело плохо: надо где-то от метели и ветра прятаться. Вдруг глядит – в скале дыра чернеет. Пригнулся казак и пополз по темному каменному коридорчику. Потом кончился подземный ход, и оказался казак в пещере. Вроде должно было бы быть в пещере совсем темно, а тут какой-то красноватый свет мелькает, звон слышится и стонет кто-то – жалобно так, протяжно.

– Кто здесь? – спросил казак.

И ответил ему кто-то из темного дальнего угла: – Ой, помоги мне, добрый человек! Погибаю! Ну, известно, наш человек всегда в беде другому поможет. Добрался комбайнер до темного угла, протянул руку, сначала бороду чью-то нащупал, а потом цепь ухватил.

Только он дотронулся до цепи, как вдруг вздрогнула земля, грохот по пещере прокатился, и сразу стало светло. Смотрит казак – стоит перед ним какой-то бородатый, горбоносый турок в красной феске. Стоит и хохочет, а глаза его злобной радостью горят.

Ну, теперь ты снял, неразумный человек, с меня страшное заклятие! – говорит турок. – Теперь я снова на свободе, а ты в моей власти.

Удивился комбайнер, но не растерялся. Ухватил он свою двустволку, курки взвел и крикнул:

– Кто ты такой? Откуда взялся? Показывай документы, а то пальну сразу из двух стволов!

А турок еще громче хохотать принялся, борода трясется, алая феска на острой голове прыгает.

– Никакое ружье меня не возьмет! – выговорил он сквозь смех. – Я же – черт!

Вытянул горбоносый волосатую руку – и вдруг ружье само собой у казака вырвалось и исчезло куда-то.

– Ах ты, дурак! – хохочет черт. – Ружьем меня вздумал напугать! Да я с десятком таких справлюсь! Будешь ты теперь до конца своей жизни слугой у меня. Я – всех сильнее! Я – что хочу сделать могу. Вот теперь я потешусь над людьми, поиздеваюсь над ними.

Видит казак, что, правда, перед ним что-то вроде настоящего черта.»Ну, а черта надо умом да хитростью побеждать, одной силой его не возьмешь.

– Хвастаешь ты, чертило! – усмехнулся казак. – Да я, если хочешь знать, раз в десять сильнее тебя. Я такое могу сделать, что тебе и не мыслится.

– А ну, что ты можешь сделать? – опять захохотал черт.

– Вот давай с тобой биться об заклад, кто за день сумеет больше земли вспахать и засеять, кто больше хлеба уберет. Победишь меня – делай со мной, что хочешь. Я тебя одолею – исчезнешь ты с нашей земли, чтобы и духа твоего не было!

Загорелись чертячи глаза азартом, затряс он своей козлиной бородой и протянул комбайнеру руку:

– Ладно! Давай спорить!

И договорились тут казак и черт, что каждый будет работать на том месте, где ему удобно. Черт взялся горную долину обрабатывать, а казак – степь. Дал тут черт казаку кисточку со своей красной фески и объяснил, что стоит только тряхнуть ее три раза – и появится чертило проверять, что казак сделал в степи.

А затем черт плюнул три раза через левое плечо, пробормотал что-то – и оказался комбайнер, в той станице, где машину свою оставил.

Прошло с тех пор всего десять дней. Свежий ветер разогнал густые тучи. Горячее солнышко подсушило землю. Жаворонки колокольцами зазвенели в голубом небе. Попросил комбайнер, чтобы ему, как бывшему трактористу, разрешили в эту весну поработать на тракторе. Дали казаку ДТ-54 – не машина, а красавица, одна за целый табун лошадей сработает.

На розовой весенней зорьке выехал казак в степь, проверил машину и плуги, а потом достал алую кисточку и потряс ею три раза.

И вдруг перед самой машиной горбоносый и бородатый гражданин появился – в пальто теплом, в сапогах, в черной шляпе – ни дать, ни взять – агроном заезжий.

– Ну, сколько ты, чертило, земли вспахал? – спросил его казак.

Тряхнул гражданин козлиной бородкой и ответил с важностью:

– Целых три гектара. Можешь проверить!

– Ладно, верю тебе, – отвечает казак. – А ты вот проверь – я вдвоем с помощником сегодня до вечера пятнадцать гектаров вспашу!

– Хвастун ты, казак! – захохотал гражданин в шляпе. – Где это видано, чтобы два пахаря за день пятнадцать гектаров вспахали!

– Ну, смотри!

Отошел черт в сторонку и залег в овражке.

А казак влез в кабину трактора, нажал на рычаги – и двинулась могучая машина вперед. Идет – и ровно дышит мотором, а за ней, точно черные волны, широкая полоса вспаханной земли стелется.

Когда стало опускаться на покой веселое весеннее солнце, передал казак свой трактор сменщику, а сам к овражку направился.

– Ну, проверь, сколько вспахано! – сказал он черту. Но тот только бросил на казака сердитый взгляд, махнул волосатой рукой и исчез.

Через пару дней подцепил казак к своему трактору пять сеялок, проверил все, а потом, пока девчата зерно в бункера сыпали, отошел он к овражку и опять потряс алой кисточкой. И сразу же перед ним оказался чертило – худой, измученный, один нос торчит из-под шляпы.

– Что это с тобой случилось, Чертило Батькович? – спрашивает его казак. – Совсем ты заплосал, от ветра шатаешься.

– А ты думаешь легко за день посеять целых полтора гектара? – жалобно так спрашивает черт. – Все руки отмахал,

– Ну, а я со своими помощниками сегодня гектар тридцать посеять думаю! – сказал казак.

Черт только руками замахал и глаза свои козлиные выкатил:

Нельзя это сделать за день! Никак нельзя! Сел казак на трактор и повел его по мягкой, дымящейся пашне. Погрузились диски сеялок в рыхлый чернозем и стали ровными строчками сыпать золотые зерна. Девчата только успевают бункера заправлять.

К вечеру передал казак трактор другому трактористу, а сам к овражку направился.

– Ну, что же, проверь! Засеял я тридцать гектаров да еще и с гаком.

А черт только вздохнул и растаял, как легкий дымок.

Все жарче пригревало щедрое солнышко. Как зеленым шелком, покрылось черное поле. Буйно пошли в рост яровые. Вдоволь кормила и поила их щедрая кубанская земля, взлелеянная заботливыми руками.

И вот уже зашумела тяжелыми колосьями рослая пшеница, слоено кланяясь людям и благодаря их за заботу.

Вывел казак в поле свой самоходный комбайн. А потом подошел к овражку и давай трясти алой кисточкой от фески.

Глядит – в кустах какое-то чахлое привидение появилось – на палочку опирается, борода трясется, ноги дрожат. Только нос да глаза прежние, чертячи.

– Да тебе на курорт надо ехать, чертушко, – покачал головой казак. – В чем у тебя душа только держится? Или заболел?

– Не-ет! – проблеял черт. – Надорвался я. Вчера целый день пшеницу косил. Полтора гектара скосил. Теперь только в копны сложить да обмолотить.

– Мало сработал, чертушка, мало! – засмеялся казак. – Я сегодня думаю гектаров двадцать скосить.

Затряслась борода у черта, шляпа в бурьяны упала, ткнулся он козлиными рогами в край овражка и простонал:

– Не выйдет! Не сделаешь! Хвастаешь! Усмехнулся казак, пошел к своему комбайну и уселся на мягкое сиденье, под брезентовым зонтиком.

Дрогнула машина, ровно загудела мотором – точно сердце могучее забилося. Погрузился хедер в шумливое пшеничное море и давай загребать волну за волной.

Сидит казак, улыбается, песню тихонько напевает, а машина все вперед и вперед идет.

К вечеру передал комбайнер штурвал своему помощнику, а сам к овражку направился. Глядит – нет никого в овраге, только смятая шляпа в бурьянах валяется. Схватился казак за карман, а там алой кисточки точно и не бывало – не то он утерял ее, не то сама она исчезла.

Так и пропал, сгинул с нашей земли последний чертяка. Может быть, увидел, что проспорил заклад казаку, и к какому-нибудь Чан Кайши сбежал, где всякой нечисти живется привольно. А скорее всего просто надорвался он да помер и поглотила его матушка-земля.

Это, конечно, сказка только.

Но пусть подумает над ней всякая заграничная нечисть: и та, что заклинаниями хочет гнилой капитализм вылечить, и та, что брешет на нас по радио, и та, что гадости всякие для нашего трудового народа придумывает. Не надорваться бы вам, господа, от натуги напрасной! Не околеть бы, как неразумному черту из этой сказки!

Сказы деда Аслана

Злобный Каз-Бек

Давно это было. Так давно, что если считать годы, прошедшие с тех пор, как зерна на четках, то не хватит на счет человеческой жизни...

Ровной и гладкой была в то время наша земля. Там, где сейчас высятся горы, расстилалась тогда широкая равнина. Так же ласково светило в те древние годы солнце, такой же плодородной была земля, как сейчас сладки и холодны были кубанские воды...

Но народы, жившие тогда на кубанской земле, забыли, что такое счастье жизни. И землю, и воды, и поля, и людей поработили великаны-нарты, жившие на каменной равнине, далеко-далеко, там, где восходит солнце. Суровые, закованные в железные доспехи, на огромных злых конях разъезжали нарты по земле, и головы их уходили в облака. Они ввели непреложный закон: из тысячи початков кукурузы только один мог оставлять себе пахарь, из тысячи человек ежедневно забирали они себе одного, из тысячи гроздей винограда девятьсот девяносто девять шло в их бездонные хурджины.

Вечерами останавливались великаны на ночлег, строили шалаши из тяжелых каменных плит и варили похлебку из кукурузы, быков и баранов – всего, что собирали за день.

Бекон у нартов был огромный свирепый великан. Когда он садился на своего гиганта-коня, то облака цеплялись за его золотые стремяна. Голос у главного нарта был сиплый, свистящий, и когда он злился, то шипел, словно чудовищный гусь. И прозвали его люди – Гусь-князь – Каз-бек.

Далеко простиралась власть великанов. Много народов работало на них и отдавало захватчикам свой хлеб и виноград, скот и кукурузу, своих сынов и дочерей. Не раз пытались народы свергнуть иго проклятых людоедов. Но что могли сделать люди с огромными нартами? Стрелы отскакивали от крепких железных доспехов нартов, копья, точно простые прутья, ломались о толстую кожу великанов-коней. А нарты только смеялись и давили конями смельчаков, решившихся выйти против них на бой... Нашлись и такие подлые люди, которые добровольно пошли в услужение к нартам, чтобы собирать крохи с их стола. Они, как трусливые шакалы, трепетали перед нартами, а с народом держались нагло и высокомерно. Этим презренным подлецам поручил главный нарт Казбек собирать дань с покоренных народов.

Шли годы. Нарты все росли и жирели, а народ все работал на них и худел. И надоело великанам разъезжать по покоренным землям и трясти свой жир. Тогда главный великан Каз-бек и его воины согнали сотни тысяч людей на каменную равнину и велели строить дворец. Десятки лет днем и ночью работали люди, воздвигая каменные палаты. Когда дворец был готов, Казбек и его воины съели всех строителей и велели покоренным народам самим

привозить к ним хлеб и виноград, скот и кукурузу, а покорная насильникам шакалья дружина, бряцая оружием, разъезжала по земле и заставляла людей высылать непосильную дань.

Опять, как река, потекли годы. Горячее радостное солнце казалось людям тусклым и печальным, а кубанская вода горькой и невкусной. Впроголодь жили они, работая на великанов. От неизбывного горя плакали люди. И слезы их, сливаясь в потоки, стекали в низины, пока не заплескалось два моря – Каспийское и Черное.

Великаны привольно жили в своем каменном дворце. Целыми днями они ели и пили, нагуливая жир, и стали такими тяжелыми и огромными, что даже каменная равнина начала оседать под их телами. Так же жирели и тяжелели их огромные кони.

Самый главный великан Каз-бек так растолстел и раздулся от гордости, что уже не мог говорить, а только пыжился, надувал толстую шею и шипел. Да и зачем было ему говорить, если покорная дружина людей-шакалов грабила народы и доставляла великанам обильную пищу?

Но вот родился на земле отважный юноша. Халид было его имя. Он имел сердце большое и горячее, как солнце, а его черные глаза не хотели лить слез рабства.

Он долго думал над горем родного народа и наконец сказал адыгейцам:

– Довольно кормить жирных кровопийцев-нартов. Разве не для нас светит солнце? Разве не растит урожай, земля, согретая нашими руками? Довольно плакать и стонать! Не будем больше отдавать великанам наших людей, наш хлеб и виноград, наш скот и нашу кукурузу! Побьем их, шакалов дружинников!

– Тише! – закричали Халиду старики. – Тише! А то нарты съедят всех нас...

– Не боюсь я нартов! – воскликнул юноша. – Лучше один раз свободно взглянуть на солнце, чем всю жизнь видеть его сквозь тучи рабства!

– Что можешь ты, сделать с Каз-беком? Он так огромен, что ты меньше его ногтя! Может ли муравей бороться с медведем? – зашумели старики.

Но самый старый из них разгладил седую бороду и задумчиво сказал:

– Когда я был молод, я видел, как медведь бежал от муравьев... Он разорил их муравейник, и муравьи напали на него. Они заползли ему в шерсть, облепили его глаза и нос... Медведь тогда побежал от них. Их было очень много...

– Ты сошел с ума! – закричали другие старики. – Мы ничего не можем сделать с нартами...

– Одни мы с ними ничего не сделаем! – ответил седобородый. – Но если все люди перестанут посылать великанам хлеб и скот, виноград и кукурузу, если все встанут против них, то нарты умрут с голоду... А с дружиной мы сумеем справиться – подлецы всегда трусливы.

Старик задумчиво вдавил ногу в мягкую весеннюю землю и добавил:

– Нарты стали очень тяжелыми...

Никто не понял, что сказал старик в конце своей речи. Но людей воодушевила надежда, и они точно впервые увидели, как ярко и радостно солнце, как прекрасны весенняя земля и чистое небо, когда слезы печали не застилают очей. И они решили послать Халида к другим народам, чтобы уговорить их вместе бороться с Казбеком и его нартами.

Целый год объезжал Халид земли, покоренные великанами. Солнце жгло его, холодные дожди леденили тело, ветры бросали пылью в глаза, но юноша ехал все дальше и дальше. И везде истомленные люди с робкой радостью и надеждой вслушивались в его речь. И жар его пламенного сердца согревал их охладевшие от нужды и горя сердца.

Когда буйные весенние дожди смыли с земли последний снег, Халид вернулся на родину.

– Отец! – сказал он седобородому. – Народы ждут сигнала, чтобы больше не посылать Каз-беку караванов, с хлебом и пленниками. Тысячи воинов острят оружие, чтобы бороться с нартами и их дружиной...

Старик задумчиво посмотрел на землю и ответил: – Еще не время, сын мой!

Две недели лили весенние дожди. Две недели жадно пила влагу просыпающаяся земля.

Каждый день старик, опираясь на палку, выходил а степь и долго задумчиво смотрел на мягкую землю. И однажды старик сказал Халиду: – Пора, мой сын! Давай сигнал! Самые смелые джигиты поскакали в разные стороны на самых быстрых конях. На сотнях курганов загорелись сигнальные костры, и их дым стлался над весенней степью.

Тысячи воинов спешили к сборному пункту, пробираясь по размякшей весенней степи. Ни один караван не шел больше в каменную страну нартов.

Несколько дней шипел и злился великан Каз-бек, не получая пищи. Вместе с ним шипели от ярости и другие нарты. Огромные кони ржали от голода в своих каменных конюшнях.

– Где эти презренные шакалы? Почему они не гонят к нам караваны? – прохрипел наконец Каз-бек.

Но вдруг во дворец прискакали испуганные дружинники. Их кони задыхались от быстрого бега, сами они плакали от ран и бессильной ярости.

– О, могущественные господа наши нарты! – закричали дружинники. – Люди прогнали нас! Они не хотят платить вам дань. Они уже вторглись в нашу страну и движутся сюда! О, защитите нас, доблестные господа нарты!

Каз-бек был очень голоден и очень зол.

– Презренные шакалы! – захрипел он на испуганных предателей. – О вы, поедатели крошек с нашего стола! Зачем вы нужны нам, если не можете справиться с жалкими людишками!

Каз-бек сгреб в пригоршню десяток дружинников и отправил их в свою огромную пасть. Остальные нарты последовали примеру своего предводителя. И в одно мгновение все предатели были съедены.

Потом Каз-бек, с трудом встав на ожиревшие ноги, пошел сам седлать своего коня Эль-Бруса. За ним заковыляли его воины, и горы жира, как студень, дрожали на их телах.

Старые железные кольчуги лопались на толстых спинах нартов. Шлемы, украшенные полумесяцами, не налезали на головы. Охая и скрежеща зубами, великаны кое-как вскарабкались на своих коней, копыта которых глубоко ушли в камень.

Каз-бек тронулся в путь. Справа и слева от него тяжело застучали копытами по камню кони его воинов. От каждого шага тяжелых коней в земле получались глубокие ямы.

Целую ночь ехали нарты. А когда взошло золотое солнце, далеко впереди увидели они черные движущиеся точки.

Что это там за бусины? – прохрипел Каз-бек. – Это – люди! В руках у них маленькие сабли! Эти букашки вздумали войной идти на нас, – ответил самый зоркий великан.

– Сомнем их! Раздавим их копытами наших коней, – зашипел, раздуваясь от злобы, Каз-бек.

Великаны ударили своих коней. Ржание громом прокатилось над равниной.

А тысячи людей натянули поводья, изготовили луки и копья...

– Не торопитесь! – проговорил мудрый старик. – Я думаю, что родная земля сама поможет нам победить насильников!

Нарты все приближались.

Эль-Брус сделал скачок с каменной равнины. Мягкая весенняя земля расступилась под его тяжестью, и конь по самую спину погрузился в землю. Каз-бек вылетел из седла и тоже по плечи ушел в грязь.

За своим вождем ринулись остальные великаны. Мягкая влажная земля затягивала их, и они медленно погружались в глубину. Только головы да седла кое-где выступали на поверхности.

Тяжело забились кони и нарты. Степь дрожала от их усилий. Потoki грязи выплескивались наружу, заливая головы всадников и коней. Земля душила великанов. Яркое солнце сушило грязь, и она застывала плотной корой.

Люди в степи видели, как все реже и реже шевелились нарты и их кони.

– Они погибли! Они больше никогда не выберутся из своей могилы, – радостно закричал Халид.

– Я это знал, – улыбнулся старик. – Нарты стали очень тяжелыми, а весенняя земля мягка и податлива...

С тех пор на равнине остались только окаменевшие головы нартов и их коней. Из земли выступает голова и плечи Каз-бека, высокое седло его коня Эль-Бруса, головы других воинов-великанов и их коней.

С того дня исчезли злобные нарты на земле...

А люди узнали, что храбрость, мудрость и единство всегда побеждают злобу и насилие...

Джедал

Разные люди рождаются под щедрым, горячим солнцем. У одних – солнце в сердце, а другие только греются под солнечными лучами. Одни – весь жар своего сердца отдают людям, а другие живут, как скользкие улитки, закрывшись ото всех и никому не принося пользы. Одни живут в веках, а другие – исчезают бесследно, как сизая плесень на скалах.

В далекие, древние годы, когда люди еще не знали благостной силы огня, в одном племени, от одной матери родилось двое сыновей – Джедал и Абдель. Хотя были они родными братьями и одна материнская грудь вскормила их, были они непохожими, как день и ночь.

Джедал был рослым и стройным, как молодой тополь. Сильный и добрый, он охотно делился со всеми своей охотничьей добычей, помогал старикам и слабым женщинам. Абдель был приземистым и мрачным. Он никогда не смотрел в глаза людям. Когда ему удавалось убить своей стрелой серну или горного тура, он прятал их среди скал и съедал один, даже если его мать была голодной.

В то время властелином племени был угрюмый одноглазый нарт, живший на горе, в доме, сложенном из огромных каменных плит. Нарт был очень силен и злобен, а самое главное – он владел огнем – чудесным живым цветком, который разгонял ночной мрак и делал теплыми самые морозные зимние ночи.

Когда в горах бушевали зимние метели и холод сковывал тело, люди шли к жилищу одноглазого нарта и просили его пустить их погреться. Нарт щурил на пришедших свой единственный красный глаз, гладил сидящего около него большого злобного коршуна и улыбался своим безобразным жабьим ртом.

– А что вы дадите мне за тепло моего очага? – спрашивал он, всматриваясь в дрожащих замерзших людей, и сейчас же начинал сам назначать плату. – Ты, женщина, будешь каждый день носить пищу для моего очага – чудесный огненный цветок нужно кормить... Ты, девушка, будешь мне жарить мясо... А вы, охотники, принесете мне каждый по туру! Тогда я, может быть, пушу вас немного погреться у моего очага.

И люди покорно выполняли все повеления одноглазого, потому что слишком страшно и холодно было в горных теснинах, когда ночами в них свистел и бился ледяной зимний ветер.

Но как-то случилось так, что охота была плохой, все горные тропы замело глубоким снегом и охотники не смогли добыть для нарта обещанных ему туров. И когда вечером люди пришли к жилищу нарта, тот не пустил их к своему очагу.

– Пошли вон, лентяи! – закричал Одноглазый. – Вы плохо служите мне, и я не пушу вас к моему огню! Пошли вон!

– Смилуйся, о нарт! – начали просить женщины. – Наши дети погибают от холода! Мы сами уже два дня ничего не ели и кровь застывает в наших жилах...

Единственный глаз нарта
засверкал злобой.

– Какое мне дело до ваших детей? – захохотал он. – Пошли прочь!

– Смилуйся, о Одноглазый! – стали просить мужчины. – Клянемся тебе, что первая добыча будет твоей!

– Вон! Вон! – крикнул нарт и, схватив свою тяжелую дубину, бросился на людей. – Вот вам, лодыри! Вот вам, обманщики!

Он бил своей дубиной и женщин, и стариков, и детей. А его коршун хлопал крыльями и вырывал из человеческих тел куски трепещущего мяса.

Люди бросились бежать от жилища нарта. А Одноглазый еще долго хохотал и грозил им вслед тяжелой дубиной. Потом он вошел в свою каменную хижину и заложил двери огромной скалой.

Всю долгую зимнюю ночь люди дрожали от холода в своей пещере и ждали восхода солнца. Но настал день, а тепла не было. По-прежнему неслись над горами низкие темные тучи, и выл ледяной ветер, и кружился колючий снег.

Мужчины ушли на охоту, но к вечеру вернулись с пустыми руками – им не удалось разыскать ни туров, ни диких коз.

Сбившись в кучу, согревая друг друга своими телами, люди лежали в самом дальнем углу пещеры, хмуро наблюдая, как сизые сумерки спускаются с гор, и вслушиваясь в дикий рев ветра...

Когда совсем стемнело, вдруг протяжно и горестно закричала одна из женщин. Ее ребенок умер у нее на руках.

– О-эй! Моя девочка, мой ясная звездочка! – плакала женщина, прижимая к груди закоченевшее тельце. И тогда Джедал порывисто вскочил с земли и сказал:

– Мы все не доживем до утра, если будем дрожать здесь, как шелудивые волчата! Эй, мужчины, собирайте в пещеру ветки деревьев! Я принесу огненный цветок! Я достану его у Одноглазого!

Он выбежал из пещеры, а мужчины отправились собирать пищу для огненного цветка. И каждый из них думал:

«О, если бы Джедал принес чудесный цветок! А если Одноглазый рассердится, то я буду ни при чем – ведь не я ходил к его хижине!»

Скользя по обледеневшим камням, задыхаясь от ветра, Джедал добежал до хижины нарта.

Каменная плита неплотно прикрывала дверное отверстие, и в щели пробивался яркий и теплый золотистый свет. Джедал заглянул внутрь жилища нарта.

Одноглазый спал возле пляшущего огня на медвежьей шкуре. Над ним, на каменном выступе, дремал его злобный коршун.

Джедал хотел окликнуть Одноглазого и попросить у него частицу огненного цветка. Но, взглянув на свирепое, безобразное лицо нарта, он решил:

«Нет! У такого ничего не выпросишь! А наши люди умирают от холода! Надо достать огненный цветок так, чтобы нарт не видел!»

Он бесшумно отошел от жилища нарта и разыскал большую, старую пихту, которую вместе с корнями повалил ветер. От этой пихты он отломил длинный смолистый корень и вернулся к каменной хижине нарта.

Одноглазый громко храпел на медвежьей шкуре.

Тогда Джедал осторожно просунул в щель пихтовый корень и коснулся им огненного цветка. Немного погодя на конце корня появилась небольшая алая звездочка.

Джедал вытащил корень. Налетел ветер, и звездочка вдруг расцвела в живой, сияющий, горячий огненный цветок.

Высоко вздымая факел, Джедал побежал к пещере своего племени. Сердце его наполнилось радостью.

«Теперь моему народу будет тепло! – ликовал он. – Чудесный цветок высушит слезы на щеках наших женщин, согреет детей, оживит мужчин и стариков!»

Неподалеку от пещеры Джедал вдруг провалился в какую-то расщелину, занесенную мягким снегом, и почувствовал под ногами что-то упругое.

Он осветил расщелину своим факелом и увидел почти целую тушу серны.

«Как хорошо! – подумал Джедал. – Теперь мой народ не только согреется, но и будет сыт!»

С ярко пылающим факелом и тушей серны, радостный и юный, вбежал он в пещеру.

– Вот огненный цветок! Теперь всем будет тепло! А вот мясо – все будут сыты! – закричал он.

Мрачные лица мужчин просветлели. Женщины с восторгом смотрели на молодого храбреца, и дети с благодарностью тянули к нему свои руки...

Только Абдель бросил на брата недобрый взгляд и, стиснув кулаки, торопливо отошел в темный угол пещеры. В принесенной Джедалом серне он узнал свою добычу, которую прятал в каменистой расщелине. Каждый день, когда мужчины уходили на охоту, Абдель отрезал от серны кусок мяса, утолял свой голод, а затем возвращался в пещеру.

Джедал сам разрезал серну на куски и роздал их, следя, чтобы ни одна женщина, ни один ребенок не остались голодными. Себе он взял только маленький кусочек мяса.

Вскоре все наелись и уснули, наслаждаясь живительным теплом, льющимся от чудесного огненного цветка.

Не спал только Абдель. Взгляд его, словно змея, шарил по спавшему у костра красавцу Джедалу.

«Почему каждый приветливо улыбается ему? – думал Абдель. – Почему он так строен, и лицо его тонко и красиво? Почему его любят люди, а меня нет? – Абдель, прикусив свои тонкие губы, продолжал рассматривать спящего брата, и взгляд его становился все более мрачным. – А ведь если я

сообщу Одноглазому о том, что у него похитили огонь, то мне, пожалуй, всегда найдется место возле очага нарта и кусок мяса от его обеда...»

Немного погодя Абдель поднялся и выскользнул из пещеры.

Буря утихла, но стало еще холодней. Большая луна мелькала среди клочьев разорванных ветром туч и целовала белую, холодную землю.

Абдель совсем замерз, пока добрался до жилища нарта. Одноглазый не спал. Он достал из своих тайных запасов тушу большого тура, жарил куски мяса на костре и жадно поедал их, бросая объедки своему коршуну.

– О могучий нарт,пусти меня к себе, я хочу рассказать тебе об одном негодяе, обокравшем тебя, – сладким голосом прошептал Абдель, заглядывая в щелку.

Нарт нехотя немного отодвинул тяжелую каменную дверь своего жилища.

– Входи! – буркнул он. – Мне скучно и я охотно послушаю тебя, ничтожный обломок жалкого человеческого племени.

да! Ты прав, великий нарт! – проговорил Абдель, усаживаясь у костра и грея над ним свои длинные волосатые руки. – Я – жалкий, обломок, а ты – могучая скала Ты – прекрасен, а я безобразен.

Единственный глаз нарта уже ласково взглянул на пришельца.

– Ты мне нравишься, ты не глуп! – милостиво сказал нарт и бросил Абделю кусок мяса.

– О, спасибо тебе, могучий богатырь великого племени нартов! – воскликнул Абдель, принимаясь за еду.

– Твои слова, как сладкий мед. Если хочешь, оставайся у моего очага, – раздобрился нарт. – Мне нужно, чтобы кто-нибудь кормил огненный цветок.

– Спасибо тебе, повелитель нартов! – поклонился Абдель. – А знаешь ли ты, что во время твоего сна тебя обокрали, что у тебя похищена частица огненного цветка.

– Что?! – вскричал нарт, бешено вертя своим единственным глазом.

– Да, о могучий! Огненный цветок сейчас согревает и освещает пещеру, где спит Джедал и другие люди.

Нарт вскочил на ноги и схватился за свою тяжелую дубину.

– Веди меня в пещеру! Я должен отобрать у людей огонь, иначе они перестанут слушаться и кормить меня. А похитителя я покараю страшной карой! Веди!

Когда Одноглазый и Абдель бесшумно прокрались в пещеру, все еще спали. Среди камней весело прыгал по веткам животворный огонь.

– Вот он, похититель, о гордость нартов! – чуть слышно прошептал предатель, указывая на спящего Джедала.

– О, месть моя будет ужасна! – скривив свой жабий рот, прошипел Одноглазый. – Я оглушу его ударом дубины, а ты свяжешь похитителя вот этими веревками из оленьих жил и отнесешь его в мое жилище.

Дубина нарта поднялась и с глухим стуком опустилась на темя юноши. Словно судорога пробежала по телу Джедала. Абдель ловко и крепко опутал

веревками бессильное тело брата, взвалил его на плечи и вынес из пещеры. Одноглазый завалил огонь камнями и, злобно плюнув на землю, вышел.

А люди спали, отдыхая после нескольких бессонных ночей, и ничего не слышали. Проснулись они только на рассвете от ледящего холода.

– Огонь погас! – горестно вскрикнула одна из женщин.

– Он не погас, а убит! – хмуро ответил один из мужчин, разбрасывая обломки камней.

И вдруг под одним из камней он нашел маленький красный, уголек. Мужчина нагнулся и осторожно положил на него несколько тонких веточек. Маленький язычок желтоватого пламени поднялся над веточками.

– Жив, жив наш огненный цветок! – воскликнул мужчина.

– Жив, жив! – подхватило все племя, протягивая руки к костру.

Когда яркое, веселое пламя озарило пещеру, самый старый человек племени тряхнул своею седой головой и спросил:

– А где же Джедал?

– Он, наверное, ушел на охоту! – ответили мужчины. – Он смел, наш Джедал.

– Он спас все племя, наш Джедал! – сказал седоголовый.

– Он мудр и справедлив! – подхватили женщины. Про Абделя никто и не вспомнил, потому что ни мужчины, ни женщины, ни дети не любили этого мрачного и злого человека.

Утром над горами поднялось сияющее, горячее солнце. Сразу стало тепло, и с гор побежали говорливые, веселые ручьи. Дикие козы вышли из горных тайников и начали разыскивать пищу.

– Сегодня будет добрая охота! – уверенно проговорил самый старый человек племени, окидывая еще зорким взглядом горы, покрытые белым снежным ковром. – Эге! Что это чернеет на скале, возле жилища нарта? – удивленно воскликнул он.

Все племя отправилось посмотреть на живое черное пятно, мелькающее на заснеженной скале.

Когда люди подошли ближе, они увидели, что на скале распростерт человек. Крепкие веревки из оленьих жил охватывали его раскинутые руки и ноги, привязанные к скале. Человек шевельнулся, поднял бледное окровавленное лицо, и люди узнали Джедала.

– Сын мой, Джедал! – закричала его мать, бросаясь к связанному.

Но Одноглазый выскочил из своего каменного жилища и оттолкнул женщину.

– Прочь! – свирепо выкрикнул он. – Этот негодяй похитил у меня огонь и должен умереть! Он погибнет от жажды и голода. Или мой коршун вырвет у него сердце.

– Но разве огня у тебя стало меньше? – спросил самый старый человек племени. – Ты пьешь воду из реки, – разве ты обкрадываешь реку? Тебя греет ласковое солнце – разве от этого его свет становится слабее? Ты дышишь этим чистым горным воздухом – разве его меньше становится?

– Молчи, старик! – прикрикнул Одноглазый. – Я сказал, что он должен умереть – и он умрет! Пусть все знают, что это же будет с каждым, кто осмелится похитить у меня огненный цветок.

Из жилища нарта вылетел его коршун. Взмахнув крыльями, он опустил на плечо Джедала и острым, изогнутым клювом вырвал из груди юноши кусок живого мяса.

– Сын мой! – застонала мать Джедала, снова бросаясь к нему.

Одноглазый взмахнул своей дубиной и ударил женщину по голове. Не вскрикнув, мать упала на камни с размозженной головой.

Джедал сверкнул глазами и рванулся изо всех сил. Но веревки глубоко врезались в его тело, и он со стоном, бессильно опустил голову.

Люди убежали от скалы, пораженные и испуганные страшной расправой нарта.

А Абдель, выйдя из жилища нарта, спокойно взглянул на мертвую мать и покачал головой:

– Глупая женщина! – проговорил он. – Разве можно идти против повелителя нартов?

В этот солнечный, весенний день мужчины племени убили трех коз и одного оленя. Самую жирную и большую козу они отнесли Одноглазому.

– Вот тебе, нарт, наша добыча! – сказали они. – Пусть нежное мясо козы смягчит твое сердце! Освободи нашего Джедала!

– Нет! – сверкнул единственным глазом нарт. – Он умрет...

В пещере племени ярко пылал огонь. Обильная добыча лежала у входа. Все были сыты. Солнце за один день согнало снег и на склонах гор появилась зеленая молодая травка и расцвели нежные, крошечные фиалки.

Но люди были грустны и молчаливы. Они думали о Джедале – ведь всегда так бывает: если человек любит свой народ, то и народ любит его.

– Мы должны освободить нашего Джедала! – сказал самый старый человек племени. – Или в наших жилах течет не горячая кровь, а мутная болотная вода?

– Всем племенем мы не справимся с Одноглазым! -грустно покачал головой один из мужчин. – Он могуч и свиреп.

Глубокой ночью один самый смелый юноша бесшумно подкрался к жилищу нарта. Одноглазый и Абдель спали на медвежьей шкуре.

Юноша подобрался к Джедалу и хотел перерезать веревки. Но тут его заметил коршун, охранявший пленника, и хриплым клекотом разбудил своего хозяина. Нарт выскочил из своего жилища, и юноша еле-еле спасся от его дубины.

Утром снова вошло ласковое солнце. С моря примчался теплый ветерок и гладил набухшие, мягкие почки на деревьях.

Люди пошли посмотреть на Джедала.

Лицо юноши потемнело, ясные глаза потускнели, и голова бессильно опустилась на грудь. Хищный коршун теперь уже безбоязненно терзал его тело и глотал кровавые куски мяса.

Люди плакали, глядя на умирающего Джедала, а Одноглазый, стоя в дверях своего каменного жилища, хохотал, оскалив безобразный рот.

Когда люди вернулись в свою пещеру, самый старый человек племени сказал:

– Мы должны спасти Джедала! Если нельзя одолеть Одноглазого злодея силой, нужно победить его умом и хитростью.

Когда над горами снова спустилась ночь и из ущелий поползли белесые туманы, старик вывел из пещеры все племя.

Бесшумнее осторожных серн, люди подобралась к жилищу нарта. Сквозь щели между огромных каменных плит доносился храп Одноглазого.

– А ну-ка, все мужчины! Навалитесь разом на эту каменную стену! – сказал старик.

Мужчины напрягли все свои силы, но огромная плита даже не покачнулась.

– Женщины, помогите! – позвал старик.

Мужчины и женщины вместе нажали на стену жилища Одноглазого. Она покачнулась, но устояла.

– Дети! Помогите нам спасти Джедала! – проговорил старик.

Маленькие детские ручонки тоже уперлись в скалистую плиту.

Под дружным натиском людей каменная стена качнулась и с грозным грохотом обрушилась внутрь жилища, прямо на спящего злодея и его прислужника – предателя.

Когда смолкло пугливое горное эхо, и наступила тишина, старик сказал:

– Теперь Джедал – наш Джедал – спасен!

И люди с веселыми криками побежали к скале освободить юношу. Мужчины перерезали веревки, впившиеся в тело Джедала, женщины подавали ему мясо и свежую воду...

Хищный коршун попытался броситься на людей. Но что он мог сделать, если его хозяин лежал раздавленный тяжелой каменной плитой! Коршун ударил клювом одного из мужчин, но мальчишки убили злобную птицу палками и камнями.

С радостными криками люди понесли освобожденного Джедала в пещеру, где ярко пылал огонь.

А над горами разгоралась золотистая заря. И казалось, что и горы, и небо, и земля улыбаются людям.

Случилось это очень давно, в те времена, когда жило на земле могучее племя волшебных богатырей – нарттов. Повелителем одной земли был старый, мудрый князь-нарт, которому было столько лет, что никто не помнил, когда он родился и как его имя. Звали все его просто Пшиз, что значит старый князь.

Старый князь и его народ жили спокойно и мирно. Долгие годы, точно бурная река камни, сточили и сгладили ярость, гнев и буйство княжеского сердца. Время дало старику великую мудрость и умение видеть далеко вперед. И Пшиз заботился о том, чтобы на его земле не лились слезы, чтобы каждый имел кусок мяса и кукурузную лепешку, чтобы гордецы-орки не обижали пахарей и не грабили их.

Так продолжалось до тех пор, пока Пшиз не побывал на одном джегу [2]

у соседнего племени нарттов. Там он увидел дочь князя, смуглолицую и тоненькую Зарницу. По приказу своего отца девушка танцевала перед гостями древний танец огня. В широкой желтой шелковой одежде, она то пригибалась к самой земле, то вдруг устремлялась вверх. Взлетали и развивались ее легкие одежды, трепетали тонкие руки, взметались черные косы. И вся она, вкрадчивая и стремительная, показалась старому князю ярким и манящим язычком пламени. И с той поры покой покинул сердце старика. Днем и ночью перед ним стоял образ маленькой девушки с тонким лицом и злым, но манящим изгибом алых губ...

Говорят, что любовь – это самая великая волшебница. Она может некрасивого сделать прекрасным, глупому дать разум, а у умного отобрать его...

Так и случилось со старым князем. Он забыл о своих годах и сединах, потерял свою мудрость и посватался к Зарнице. По всем землям, среди всех нартских племен шла слава о мудрости и силе Пшиза. Всякому было лестно породниться со старым богатырем. И отец Зарницы приказал дочери стать женой Пшиза. Да и самой Зарнице надоело выполнять все прихоти отца. Ей хотелось поскорее стать гуаше – полноправной хозяйкой в доме. Властность, честолюбие, жестокость, словно змеи, сплетались в ее сердце и не давали ей спокойно спать. Она видела, что Пшиз потерял разум от любви к ней, и надеялась превратить его в послушную игрушку своих гибких рук.

– Я буду не просто гуаше, хозяйка... Я стану полновластной головой всего княжества старика, я стану головой – княгиней – Шагауаше [3]
, – с самодовольной усмешкой хвалилась она своим прислужникам.

И вот маленькая княжна вошла в старый замок Пшиза. Брезгливо скривив тонкие губы, она осмотрела простое убранство каменной твердыни своего мужа. А потом заявила старому князю:

– Мой дорогой, я не могу спать на простых войлоках – они пахнут овечьей шерстью и от этого запаха у меня болит голова. Я не привыкла есть с простых блюд и пить из медных кумганов и чаш.

– О солнце моей души, разве шепси или баранина, положенные на серебряное блюдо, вкуснее, чем на медном? – осторожно возразил влюбленный Пшиз.

– Вкуснее! – топнула маленькой ножкой Зарница. – Раз я говорю, значит, вкуснее... И вообще, мой дорогой муж, я плохо чувствую себя. И излечить меня могут только хорошие ковры и серебряная посуда!

И молодая княгиня скрылась в своих покоях.

Напрасно старый князь пытался помириться со своей женой. Она словно не замечала мужа и отказывалась от пищи и питья. Старый пши приказал своим слугам достать дорогие ковры и дорогую посуду.

И тогда княгиня улыбнулась, нарядилась в одежду из желтого шелка и сама пришла к нему.

– Теперь я вижу, что ты действительно любишь свою маленькую гуаше, – нежным голосом проговорила она, обнимая князя, и тонкими пальцами стала ласкать его седую длинную бороду.

Несколько недель мир и счастье царили в старом замке пши. Но плакали женщины и хмурились мужчины, у которых княжеские дружинники-орки отобрали последних овец и кукурузу, чтобы купить в чужих землях ковры и дорогую посуду для молодой княгини. Счастливый Пшиз не замечал этих горестных слез и гневных глаз под нахмуренными бровями.

Но как-то, когда князь вошел в покой к своей молодой гуаше, он увидел, что Зарница лежит на коврах и лицо ее сумрачно, словно гора, окутанная туманом.

– Что с тобой, моя княгиня, радость моего старого сердца? Почему грустен взгляд твоих ясных глаз, о моя любимая? – ласково спросил князь.

– Так ты вправду любишь меня? – недоверчиво спросила красавица.

– Больше собственной жизни! – воскликнул пши. – Больше солнца!

Он хотел обнять жену, но гуаше, изогнувшись, как змейка, выскользнула из его рук.

– Я хочу, чтобы ты доказал свою любовь! – капризно улыбаясь, сказала она.

– Как, моя солнцеликая? Я все сделаю, что ты захочешь!

– Все? – переспросила гуаше. – Тогда иссуши все родники и речки, дающие воду людям в твоих владениях...

– Зачем? – поразился Пшиз. – Вода дает жизнь полям, которые возделывают люди. А люди кормят нас.

– Я хочу увидеть, как будут плакать люди.

– Для чего тебе их слезы? Чужое горе не может дать настоящую радость, ведь слезы всегда рожают только слезы!

– Я так хочу! – топнула ножкой гуаше. – И пока ты не выполнишь моего желания, я не желаю тебя видеть.

Несколько дней колебался старый пши. Разум и мудрость предупреждали его, что не следует выполнять каприз княгини, который принесет много горя людям. А любовь и нежность приказывали сделать так, как хотела желанная и любимая гуаше.

И сердце победило разум.

Старик вышел во двор, взял в руку горсть мелких камней, прошептал над ними волшебное заклинание и бросил камни в небо. В полете крошечные камушки превратились в огромные скалы. Каждая из этих скал упала на то место, где рождались родники, ручьи или реки. Каменные громады загородили путь воде.

Горе охватило землю старого князя. Иссякли все реки и ручьи. Люди и скот изнывали от жажды. Желтели и сохли буйные травы и кудрявые деревья.

Молодая княгиня взбегала на плоскую кровлю замка и жадно вслушивалась в людской плач и рев погибающих животных. Прикрыв глаза от солнца ладонью, гуаше всматривалась вдаль, наблюдая за тем, что происходит в селениях. Злая улыбка скользила по ее красивому лицу.

– Ну, теперь ты довольна, о счастье моего сердца? – спросил ее старый Пшиз. – Я поступил так, как ты пожелала. Но я прошу тебя разрешить мне вновь вернуть людям воду.

– Нет! – засмеялась гуаше. – Это очень интересно смотреть, как они мечутся по своему селению. Слушай, как забавно они воют! А недавно одна мать, чтобы напоить своего жаждущего ребенка, вскрыла себе жилы. Все это очень интересно и весело! Я довольна тобой. Только... – Гуаше надула губки. – Только, если ты меня по-настоящему любишь, – потуши солнце...

– Как потушить солнце?! – поразился князь. – Как лишить землю животворного солнечного света?

– Солнце слепит мне глаза и мешает наблюдать за тем, что творится в селении. Потуши его или закрой тучами... Я так хочу!

– Нет, княгиня, этого я не сделаю! – решительно проговорил старый князь. – И люди больше не будут страдать от безводья!

Пши протянул вперед руки и стал перебирать пальцами, словно призывая кого-то. Губы его шептали таинственные заклинания.

И скалы, загораживающие путь воде, снова стали крошечными камушками. Прозрачные холодные водяные потоки устремились по пересохшим руслам. Весело зажурчали ручьи и родники.

Вянущие травы расправили свои поникшие стебельки. Люди и животные бросились к желанной воде, и никогда еще она не казалась им такой освежающей и вкусной.

– Ах, так?! – в гневе выкрикнула гуаше. – Вот как ты меня любишь! Для тебя жалкие людишки дороже твоей жены, твоей гуаше! Тогда я и часа не останусь в твоём замке. Я уезжаю обратно к своему отцу. А ты оставайся один в твоём каменном гнезде! И знай – я не вернусь к тебе, пока ты не исполнишь оба моих желания.

Князь понурил седую голову. И снова в нем сердце вступило в борьбу с разумом...

Слезы заволокли глаза пши, когда он увидел внизу оседланных лошадей и свою гуаше. Не взглянув на мужа, княгиня вскочила на коня и, в сопровождении своих слуг, поскакала на юг, туда, где среди величавых гор стоял дом ее отца...

Несколько дней боролся старый пши со своей лютой тоской. Он не спал ночей, не ел и не пил. Сердце властно требовало: «Уступи», а разум приказывал: «Будь тверд в своем решении!», глаза пши запали, могучие плечи сгорбились, а лицо стало желтым, как у мертвеца.

И как-то старый князь позвал к себе своего верного слугу – унаута [4]

– Собирайся в путь, – не поднимая глаз, приказал пши. – Скачи к моей гуаше и скажи ей: пусть возвращается! Все будет так, как она захочет.

– Но великий пши! – в страхе воскликнул слуга. – Без воды и солнца погибнет вся твоя страна! Прости за дерзость твоего верного унаута, но ведь это – гибель всему живому!

– А что же делать, если она для меня дороже всех и всего, – с тоской проговорил Пшиз. – Без нее я не вижу солнца.

– Но если она вернется, солнца не увидят тысячи людей!

– Без нее иссыхает мое сердце.

– Но если она будет с тобой, о пши, тысячи сердец погибнут от жажды.

Князь вскинул голову, и огонь гнева сверкнул в его потухших глазах:

– Скачи, скачи сейчас же или я прикажу снять твою голову! Гуаше для меня дороже всех и всего!

Опустив голову, унаут выбежал из покоев князя. Оседлав быстрого коня, он помчался на юг, и князь слышал, как топот копыт смолк в отдалении...

Но по дороге к княгине унаут останавливался во всех попутных селениях и сообщал людям страшную весть.

И снова во всех селениях заплакали женщины, и уныние черным покрывалом окутало сердца мужчин.

– Что делать, чтобы предупредить беду? – думали люди.

Горячие головы советовали подкараулить злую гуаше и сразить ее заветными стрелами.

– Тогда Пшиз в гневе и горе истребит всех нас! – качали головами мудрые старики.

Самые тихие и приниженные уговаривали пойти к князю с покорной просьбой.

– Его разум отуманен любовью, и он равнодушно отвернется от нас, – вздохнули мудрецы.

И тогда кто-то предложил пойти к старому нарту-усарежу [5]

, Гучипсу, который жил один в далеком ущелье.

– Пусть самые мудрые пойдут к Гучипсу! – закричал народ. – Усареж поможет нам!

Четыре дня затратили старики на путь к мудрецу – Гучипсу. Когда они вошли в пещеру старого нарта, Гучипс работал. Раскалив добела кусок железа, он голой Рукой вытащил его из огня и стал бить по нему тяжелым молотом. Изумленные люди видели, как железо превращалось в кинжал. Закончив ковку, Гучипс опустил раскаленный кинжал в кувшин с маслом, вытер руки о свой кожаный фартук и спросил:

– Что надо вам, о сыны рода человеческого? Старики рассказали мудрому нарту о своей беде.

– Неужели мудрый Пшиз так околдован этой женщиной? – удивился Гучипс и нахмурил свои косматые сросшиеся брови. – Хотя чары женщины всеильны. Любовь хорошей женщины может плохого человека сделать прекрасным, а злая сумеет добряка превратить в злобного шайтана... Но потушить солнце и иссушить землю – это может сделать только безумец. Сейчас я узнаю, о чем думает Пшиз.

Нарт бросил в свой горн щепотку какого-то порошка. Вспышка зеленого огня осветила суровое, худощавое лицо старого мудреца.

– Да, вы правы, о старцы из рода людей! – проговорил Гучипс и вздохнул. – Старый Пшиз утратил свой разум и свою мудрость. Но я не позволю ему умертвить нашу землю! Идите домой! Солнце не потухнет и реки не иссякнут!

Поблагодарив мудреца, люди пошли обратно. Снова четыре дня по узким горным тропам шли они, возвращаясь в свое селение.

Когда солнце четвертого дня стало спускаться за горы, с гребня последнего горного перевала они увидели родное селение и каменную громаду замка Пшиза. Как мрачный утес, высился этот замок над домной.

– Скоро мы будем дома! – радостно проговорил самый старый из людей, ходивших к Гучипсу. – Лишь бы мудрый нарт выполнил свое обещание.

И вдруг земля задрожала под ногами у людей. Тяжелый грохот прокатился по горам и долинам.

– Смотрите, смотрите! – закричал один из людей, указывая вниз.

Замок Пшиза исчез. Вместо горного хребта, на котором он стоял, образовалась долина, из которой с ревом и грохотом катился могучий поток вспененных вод, седых, как борода старого Пшиза.

Люди спустились к потоку. И когда они стояли на берегу новой реки, им показалось, что из пены метнулась вверх белая рука и хриплый голос старого пши выкликнул с болью и нетерпением:

– Зар-ни-ца! Гу-а-ше!

В этот час злая красавица вместе со своими слугами выезжала из ворот отцовского дома.

– Ну вот! – горделиво улыбаясь, оказала она своей служанке. – Теперь все будет по-моему! Теперь я буду настоящая Шхагуаше – голова – княгиня! Я уничтожу всех людей! Я отомщу им и...

Она не смогла закончить свою угрозу. Грохот потряс горы.

И красавица гуаше превратилась в яростную, буйную и свирепую, но прекрасную реку. А слуги ее и служанки – Дах, Сахрай, Курджипс, Пшеха, Киша стали ее притоками.

– Все равно будет по-моему! Все равно! – яростно шипела река. – Я – Шхагуаше! Я – голова, я – хозяйка! И старый Пшиз все равно будет делать то, что я захочу!

Извиваясь в стремительном танце, гибкая и неудержимая, одетая в белопенную одежду, Шхагуаше помчалась к Пшизу. Если на пути попадался несокрушимый утес, река быстрым движением огибала его, если дорогу ей преграждала горная гряда, она, побелев от ярости, бросалась на нее... Так, то ласкаясь, то царапаясь, то отступая, то нападавая, Шхагуаше добежала до Пшиза и слилась с ним...

И с тех пор почти каждый год, а иногда даже два раза в год капризная Шхагуаше – Белая побуждала Пшиза – Кубань штурмовать человеческие поселения. Нежданно-негаданно своенравная Шхагуаше выбрасывала в Пшиз столько своих вод, что величаявая река вдруг теряла свое мудрое спокойствие, становилась неукротимой и яростной. Пьяная от злобы, кидалась она на прибрежные города и станицы, смывала хаты, выкорчевывала деревья...

Только советские люди, построившие Тщикское водохранилище, надели прочные оковы на коварную и злобную горную красавицу Шхагуаше.

Сказ о шапсугских девушках

Говорят, что у многих народов, в старых песнях и сказах рассказывается о могучем племени воинственных женщин, поражавших своих врагов меткими, острыми стрелами и мечами. И наши ученые – те, что умеют читать таинственную книгу прошедших времен, до сих пор настойчиво ищут следы этого исчезнувшего племени.

А на самом деле племени такого не было, но мой народ хранит в своей памяти событие, которое родило сказки о женщинах-воинах...

Когда-то очень давно на том месте, где сейчас раскинулся чудесный город Туапсе, был шапсугский аул, тоже называвшийся Двуречным. Это был красивый и веселый аул. Белые сакли стояли среди густых садов и смотрелись в бурные воды двух горных рек. Склоны гор были кудрявыми от дубов, гибких тополей, строгих кипарисов увитых диким виноградом. А рядом шумело и плескалось великое Черное море. Горы и море – что может быть прекраснее этих двух красот нашей родной земли? Горы всегда

неподвижны, они словно думают большие, мудрые мысли и дышат суровым покоем. А море – всегда изменчиво, непостоянно, полно желаний и стремлений, как человеческая юность...

Люди в Двуречном ауле жили мирно и счастливо, потому что не было над ними жадных и хищных князей, и аулом управляли самые опытные и мудрые старцы. Земли кругом были плодородны, леса богаты дичью, реки – рыбой, а сердца человеческие – трудолюбием и дружбой. Что же нужно еще для человеческого счастья?

Как-то солнечным, весенним днем все мужчины аула ушли в горы на охоту. А женщины и девушки, сделав свои домашние дела, собрались на откосе у моря и пели.

Когда сердце полно счастьем, а кругом цветет весна, рождаются очень хорошие и звонкие песни. Лучше всех пела черноглазая, длиннокосая девушка с красивым именем – Горный цветок. Голос ее звенел серебряным колокольчиком, на раздумяившиеся щеки падала синеватая тень от длинных ресниц и все любовались ею.

Она пела о том, что видела – о светлом солнце, о высоком и ясном небе, о розовом дереве персика, только что раскрывшем свои цветы навстречу теплему ветру. Казалось, не только люди, но горные потоки и море слушали девушку, стараясь умерить свой рокот.

– Как хорошо ты поешь, подруга, – сказала маленькая смуглая девушка, которую звали Лунный свет. – Твой голос чище голоса горного ручья... – Она мечтательно взглянула в синюю морскую даль и вдруг вскрикнула: – Кто это?

Все девушки тоже оглянулись на море.

Из-за гористого мыса, распарывая крутой грудью волны, мчались под пурпурными парусами три большие лодки. Девушки никогда не видели таких парусов и странных лодок с высокими, резными носами.

– Ой-эй! Горе нам! – вскрикнула одна из женщин. – Это плывут чужеземцы, а мужчин в ауле нет. Они ограбят нас и всех сделают своими пленницами. О-эй! Горе нам! – запричитали женщины. Надо скорее послать мальчиков в горы за мужчинами! – крикнула Лунный свет.

– Поздно! – сдвинув густые брови, ответила Горный цветок. – Мужчины ушли далеко, а чужеземцы скоро будут у берега. – Она окинула подруг смелым взглядом своих больших темных глаз. А разве мы, девушки, не сумеем защищать родной аул? Разве мы не умеем метать меткие стрелы и владеть острыми клинками? Разве нам не приходилось биться с дикими кабанами, когда они нападали на поля, засеянные кукурузой? Бегите домой, вооружайтесь! Седлайте коней, берите клинки и луки! Если чужеземцы – мирные люди, они не станут нападать на женщин. Если это враги, мы прогоним их от нашего аула. Или мы не дочери храбрых шапсугов?

– Верно! Правильно! Горный цветок! – закричали девушки, в которых речь смелой подруги разбудила гордость и храбрость.

Развевая свои белые, легкие одежды, девушки и женщины побежали в сакли.

Когда сотня отважных всадниц с луками и острыми шашками выехала из аула, чужеземцы уже причалили к скалам. Они подтягивали к берегу свои лодки и перекликались резкими, грубыми голосами. Все чужеземцы были одеты в странную короткую одежду, оставляющую голыми ноги. Груды их были закованы в блестящие желтые панцири, а головы прикрывали шлемы с высокими гребнями. Увидев мчащихся всадников, чужеземцы быстро построились в плотный полукруг, прикрылись круглыми сияющими щитами и выставили вперед острые жала копей.

Горный цветок остановила свой отряд в двух десятках шагов от чужеземцев.

– Кто вы? Что вам здесь надо? Уплывайте с нашей земли! – смело крикнула Горный цветок.

Чужеземцы опустили щиты и начали переговариваться и смеяться, поглядывая на вооруженных женщин. Их серые, холодные глаза с любопытством ощупывали взглядом легкие кольчуги и покрасневшие лица девушек.

Потом один из них – молодой, с безбородым загорелым лицом и золотистыми волосами, прикрытыми шлемом, засмеялся и громко сказал что-то, прямо глядя в большие, яркие глаза Горного цветка.

– Повелитель говорит, что ты нравишься ему, – скрипучим голосом на ломаном шапсугском языке проговорил один из воинов. – Он говорит, что еще солнце не успеет спуститься за горы, как ты станешь его пленницей. Бросай оружие! Прикажи и своим подругам бросить луки и мечи! Спешите поклониться сыну бога!

Глаза девушки вспыхнули недобрым огнем, а ровные густые брови сурово сдвинулись:

– Скажи своему повелителю, человек с двумя языками, что этого не будет! – крикнула она. – Никогда не бывало, чтобы горные орлицы становились пленницами ястребов-стервятников, питающихся падалью.

Воин заговорил на плавном мягком языке. Предводитель слушал его, нагнув набок голову и выставив вперед круглый упрямый подбородок. Потом он засмеялся и выкрикнул какую-то команду. Полукруг воинов шевельнулся, опоясался линией щитов и медленно двинулся вперед.

– Стреляйте! – крикнула Горный цветок и первой послала стрелу в холодное, злое лицо повелителя чужеземцев.

Стрела ударилась о щит и, сломавшись, упала на землю. Бессильно звенели о щиты и панцири пришельцев и меткие стрелы других девушек.

А воины, упрямо, медленно шли вперед, и прибрежная галька скрипела под их тяжелыми шагами.

– Рубите их! – закричала Горный цветок и первая, выхватив шашку, помчалась на чужеземцев.

Но никто из девушек не смог даже достать шашкой иноземца – кони везде натыкались на сплошную стену копий и шарахались назад. Девушки пытались ударить сбоку, но и пришельцы поворачивали свой фронт и снова встречали отважных всадниц блестящими жалами копей.

– Стреляйте в ноги! – подала команду Горный цветок.

Несколько десятков стрел взвилось в воздух, многие воины не успели опустить щиты и со стонами опустились на камни, выдерживая из ног маленькие острые стрелы. Но каждый раз, когда воин падал, полукруг иноземцев смыкался и вновь становился неуязвимым.

Медленно и тяжело шагая, иноземцы приближались к аулу, тесня бесстрашных девушек.

– «Если они войдут в ущелье, то совершенно закроют его, и нам трудно будет разбить их. А запас стрел уже кончился!» – подумала Горный цветок.

Закусив губы, обжигая пламенем глаз, она откинула назад свои длинные черные косы и крикнула:

– Подруги! За мной! Я открою вам путь к сердцу этого ежа!

И разогнав своего коня, она направила его прямо в середину сверкающего полукруга иноземных воинов. Несколько копий вонзилось в грудь скакуна, и он, застонав, подогнул ноги. Тогда Горный цветок вскочила ногами на седло и прыгнула на вытянутые навстречу жала копей...

Только на одно мгновение опустились копья чужеземцев под тяжестью девичьего тела. Но в эту брешь, яростно рассыпая меткие удары, уже прорвалась смуглолицая Лунный свет. А за нею мчались на быстрых конях ее подруги...

Стройный полукруг чужеземцев дрогнул и распался. Воины побросали копья и пытались отбиваться короткими, прямыми мечами. Но с коня рубить удобнее, чем с земли, а шапсугские девушки умели владеть шашками. И чужеземцы, бросая щиты, падая под смертоносными ударами, побежали к своим лодкам.

Немногим удалось добежать до берега моря... Их предводитель, называющий себя сыном бога, больше не смеялся. Окровавленный, в разрубленном шлеме, он схватил тяжелый лук и, перекосив лицо от злости и боли, начал посылать в отважных всадниц большие воюющие стрелы, которые насквозь пробивают человека.

Когда лавина стремительных всадниц под ударами стрел отхлынула, чужеземцы торопливо столкнули свою лодку, подняли пурпурный парус и, пользуясь ветром, дующим с гор, поспешно ушли в море. Две лодки они бросили на берегу, потому что на них некому было плыть.

Лунный свет погрозила кулаком вслед уходящей лодке и, сдерживая горячащегося коня, обернулась к подругам.

– Нам надо найти Горный цветок! – сказала она. – Может быть, она жива, наша смелая подруга.

Девушки поскакали к аулу, между неподвижно лежащих трупов чужеземцев. Заходящее солнце поливало кровью своих лучей блестящие доспехи павших врагов.

– Вот она! – крикнула одна из девушек, спрыгивая с коня.

Горный цветок лежала на жестких камнях. Четыре копья пронзили ее стройное тело. Синеватая тень смерти легла на ее тонкое лицо.

– Подруга! – горестно воскликнула Лунный свет, склоняясь над умирающей.

На бледном лице Горного цветка чуть дрогнули длинные густые ресницы. Приподнявшись, они открыли глаза – черные, глубокие, потухающие.

– Где... они? – тихо прошептала Горный цветок.

– Мы победили их... Они бежали! – ответила Лунный свет.

– Тогда... хорошо...

Темные глаза жадно смотрели на красноватое солнце, медленно опускающееся в море. Они словно прощались со светом.

Вот солнце совсем потонуло в пепельной, туманной дымке. И точно два ярких солнца, погасли, потускнели глаза девушки.

Но и мертвые они смотрели в туманную морскую даль, где трусливо и поспешно уходила лодка под пурпурным парусом, унося легенду об отважном племени девушек-воительниц...

Живая вода

Среди звезд – всех ярче Утренняя звезда, среди кавказских долин – всех лучше долина Псекупса, – так говорят на Кубани. Горы здесь мохнатые от вековых лесов. Точно большие медведи, спят они на берегах голубой реки. Огромные дубы, чинары, белолістки смотрятся в чистые речные струи. Земли здесь плодородны, воды богаты рыбой, а в лесах сколько хочешь душистых диких груш, сочных яблок, сладкого кизила, вкусных орехов. Не найти земли привольнее...

Но было время, когда люди бежали из этой долины. Поселился тогда на берегах Псекупса хищный пришелец Каранарт. Ростом он был мал, видом безобразен, а нравом злобен и жесток. Тонконогий и длиннорукий, с мешковатым туловищем, напоминал он большого паука. Но особенно отвратительным было свирепое лицо Каранарта: горбатый нос нависал над беспощадным жабым ртом, черные глаза светились недобрым огнем, а когда говорил он, из-под тонких усов высывались кривые хищные клыки.

Конечно, сам по себе Каранарт не страшен был молодым и сильным джигитам. Но владел пришелец великой волшебной силой – умел заставить служить себе мертвые камни. В мрачном подземном дворце своем из камней и вод потаенных составлял он чудесное снадобье. Каждую ночь наполнял Каранарт этим снадобьем огромный каменный котел и опускал в него

заповедный осколок пылающей звезды, который доставал из заветного ларца. Через минуту закипал огромный котел и получалась в нем чудесная живая вода. Брызнет Каранарт этой водой на мертвые обломки скал – и превращаются камни в хмурых, несокрушимых, безжалостных воинов. Плеснет Каранарт живой водой на большую скалу – и становится она неутомимым конем-великаном. Прятал тогда Каранарт осколок звезды в заветный ларец, оставлял у входа в свой дворец крепкую охрану, садился на огромного коня и вместе с каменными воинами отправлялся в поход.

Окружат воины Каранарта аул и начинают расправу. Ни малого, ни старого не щадят – рубят, режут руки и ноги. Нельзя было ждать от этих воинов сострадания и жалости, потому что всегда холодными и безразличными были их каменные сердца.

А живое сердце Каранарта тоже не знало теплых человеческих чувств и кипело всегда дикой ненавистью. Сидит он на коне-великане, смотрит, как кровь человеческая течет, и смеется свирепым, хриплым смехом. Чем больше страдания людские, тем громче смех проклятого Каранарта. А если замечал он, что кому-нибудь, женщине или ребенку, удавалось ускользнуть от расправы, погонял злодей своего каменного коня и заставлял его давить жертву тяжелым копытом.

Не раз пытались храбрые джигиты разбить грозное войско свирепого Каранарта. Не раз бросались они в яростные атаки. Но мечи и кинжалы ломались о каменные груди хмурых воинов, стрелы отскакивали от них.

Ха-ха-ха! – хрипло смеялся Каранарт, и глаза его краснели от злорадной радости. – Ничего вы, людишки, не сделаете с моим войском! Оно – непобедимо! Я – самый могучий, самый грозный, самый великий.

Так бы и обезлюдел весь край от походов Каранарта, если бы не приходилось разбойнику каждый вечер возвращаться в свой подземный дворец, потому что, когда заходило солнце, кончалась чудесная сила живой воды и вновь превращались его воины в мертвые глыбы серого камня.

Отправился как-то Каранарт со своим войском в поход на далекий абадзехский аул. В ту пору щедро пригревало землю весеннее солнце. Лесные яблоньки, как невесты, стояли наряженные в белую фату, лесные фиалки фиолетовыми глазками улыбались из молодой зеленой травы. В чаще леса раскрывали свои колокольчики красавцы ландыши, и голова кружилась от их нежного запаха.

Но Каранарт и его воины были безразличны к этой красоте. Предводитель равнодушно смотрел, как топчет конь хрупкие фиалки, и лишь иногда по его безобразному лицу пробегала усмешка. Он представлял, как ворвутся его каменные воины в мирный аул, как черный дым пожара устремится в голубое небо, как потекут по зеленой траве кровавые ручьи. И эти мысли так распалили его черное сердце, что Каранарт пришпорил своего коня-великана и обогнал своих воинов. Долго мчался он по каменистой тропе над голубым Псекупсом, пока не перерезало ему путь узкое ущелье. Толстый

ствол чинары, точно мост, был переброшен через ущелье, но Каранарт не решился верхом въехать на него.

«Подожду, когда мои воины сделают настоящий мост. Конь мой слишком тяжел для этой переправы, – подумал он. – А я пока пойду пешком, чтобы разведать дорогу...»

Спешившись, Каранарт перешел по стволу чинары и медленно направился по узкой тропинке. Ущелье змеей извивалось между каменными стенами. Говорливый ручей, бурля и пенясь, бежал по его каменистому дну, а сбоку пролегал извилистая тропинка. И вдруг ветерок, гуляющий в ущелье, донес шорох чьих-то легких шагов. Каранарт насторожился, спрятался в кустах орешника и стал всматриваться в глубину ущелья.

Из-за поворота вышел стройный мальчик в серой домотканой черкеске, с большим кинжалом у пояса. Яркий румянец играл на его смуглых щеках, большие темные глаза были глубоки, как озера, и сияли, словно весенние звезды. Мальчик нагнулся над ручьем, зачерпнул пригоршней воду и стал пить. Папаха упала с его головы – и вдруг две черные толстые косы окунулись в ручей.

– Девчонка! – прошептал удивленный Каранарт. Девушка засмеялась, и веселый смех ее, точно колокольчик, зазвенел по ущелью. Она вскочила на ноги, подобрала косы и уложила их, под папаху. Потом взглянула в глубь ущелья, и густые брови сурово сдвинулись. Прямо на нее, неслышно ступая по камням, шла волчья семья. Впереди легкой крадущейся походкой шел огромный белый волк. Он тащил большого горного тура. За ним, припадая к камням, скользила волчица. Она несла молодого орла. А последним бежал маленький серый волчонок. Его челюсти сжимали полузадушенного крота.

– Ого! Волки сейчас растерзают девчонку! Интересно будет на это посмотреть! – прошептал Каранарт и вдруг с удивлением почувствовал, что ему жалко незнакомую девушку.

Белый волк бросил свою добычу на камни, придавил ее лапой и проговорил:

– О дочь человека! Моя семья сегодня сыта, и мы не тронем тебя. Уходи скорее с нашей тропинки.

– Если вы сыты, то зачем вам эти жертвы? – сказала девушка. – Отпустите тура – он еще совсем молод! – Пусть орел свободно взвьется в голубое небо, а крот уползет в свою нору! Они хотят жить, а жизнь прекрасна!

– Ты глупая человеческая улитка, – прохрипел старый волк. – Я никогда не отпускаю своей добычи...

– Но ведь ты сыт!

– Все равно! Я люблю смотреть, как течет кровь из открытых ран моих жертв...

– Лучше послушай меня, а то увидишь, как течет кровь из твоих ран, – блеснув глазами, прикрикнула девушка.

Так ты мне еще грозишь? Сейчас тебе будет конец, завыл старый волк.

Он швырнул еле живого тура волчице и пополз к девушке. Глаза его загорелись злобой. Девушка левой рукой сорвала с головы косматую папаху, а правой выхватила кинжал.

Она сумасшедшая, эта девчонка! – прошептал Каранарт, высовываясь из кустов. – Какое ей дело до козла, орла и крота? Пускай бы их растерзали волки... Но в груди этого человеческого детеныша бьется смелое сердце.

Волк подползал все ближе и ближе к девушке. Тугие клубки мускулов перекатывались под его белой шкурой. Теперь он делал маленькие, еле заметные шажки.

– Лучше послушай меня, белый! – проговорила девушка.

Волк на мгновение замер. Потом чудовищным прыжком он бросился вперед. Девушка не отступила. Ловким движением она сунула свою папаху в раскрытую пасть волка, а другой рукой вонзила кинжал в грудь зверю.

– На первый раз я пожалела тебя. Мой кинжал прошел рядом с твоим сердцем. Но если ты во второй раз не послушаешь меня, кинжал пронзит твое сердце, – крикнула девушка корчащемуся на камнях волку.

– Ты победила, о дочь человека, – прохрипел волк. – Ты победила и пусть будет по-твоему!

Волоча задние ноги, он пополз в глубь ущелья, а за ним, бросив свои жертвы, щелкая зубами, поплелись волчица и волчонок.

Девушка папахой набрала из ручья холодной воды и плеснула ее на животных. Тур вскочил на ноги, орел расправил смятые крылья, крот раскрыл крошечные черные глазки.

– Идите и будьте счастливы! – пожелала им девушка.

– Скажи нам имя свое, спасительница наша! – попросил орел.

– Зовут меня Свет Зари!

– Спасибо тебе, о Свет Зари! Мы запомним твою отвагу и доброту! – воскликнул орел и взлетел в голубую вышину, где скользили легкие белые облачка.

– Спасибо тебе! – проговорил горный тур и одним прыжком выбрался из ущелья.

– Спасибо тебе! – пропищал крот, исчезая в темной расщелине.

Девушка рассмеялась, посмотрела на ручей и вдруг заметила прячущегося в кустах орешника Каранарта.

– Кто ты, незнакомец? – спросила она.

– Я повелитель этих гор, – ответил Каранарт и горделиво подбоченился.

– У гор нет повелителя, они свободны, как люди, живущие в них, – ответила девушка.

– Я грозный Каранарт.

Девушка сдвинула брови.

– Так вот ты какой, убийца женщин и детей! Проклята мать, родившая такого зверя...

Она надела папаху и отвернулась, собираясь уходить. И Каранарту вдруг показалось, что солнце потускнело и в ущелье стало темно.

– Подожди! – крикнул он, спрыгивая вниз. – Не уходи! Послушай меня! Ты мне нравишься, и я хочу, чтобы ты стала моей женой. Я могуч, богат, отважен...

Девушка гневно посмотрела на него.

– Могучие всегда добры и человечны... – сказала она. – Богатство твое ничего не значит, потому что душа твоя бедна... А отвага... Велика ли отвага у того, кто расправляется с беззащитными стариками, женщинами и детьми...

– У меня много золота. Это золото будет твоим! Ты будешь жить в роскошном дворце...

– Не нужно мне твоего золота, Каранарт! Ты зол и безобразен. Я никогда не полюблю тебя. А с милым даже убогий шалаш покажется мне лучше твоего дворца...

В это время затрещали кусты под ногами угрюмых каменных воинов.

– Возьмите ее! – в бешенстве закричал Каранарт. – Бросьте в темницу! Пусть болезнь скрючит ее тело! Пусть она станет безобразнее меня!

Двое воинов бросились к девушке. Она ударила одного кинжалом, но булатная сталь сломалась о каменную грудь. Воины скрутили девушке руки и повели с собой.

Из голубого поднебесья это заметил орел и, с тревожным клекотом бросившись вниз, стал кружить над войском Каранарта. Видел он, как на закате дошли воины до входа в подземный дворец, как втащили туда девушку, как огромный конь Каранарта телом своим закрыл этот вход и окаменел.

Только поздней ночью вернулся орел в свое гнездовье и до самого утра не сомкнул глаз, раздумывая о том, как помочь девушке.

Рано утром, когда первые лучи солнца золотили верны гор, увидел орел на далеком каменном пике неподвижную фигуру тура. Упершись ногами в камень, точно слившись с ним, тур наблюдал, как таяли утренние туманы в ущелье, как лучи солнца блестели в каплях росы, как голубели далекие горные реки.

– Знаешь ли ты, что девушку, спасшую нас, захватил Каранарт? – крикнул орел, подлетая к туру. – Что будем делать?

– Надо спасти ее! – не задумываясь, ответил тур. – За добро надо платить добром – таков закон наших гор.

– А как спасти ее? Что мы можем сделать с Каранартом и его каменным войском?

Тур долго смотрел вдаль и наконец ответил:

– Надо разыскать крота и посоветоваться с ним...

– Что может придумать этот маленький зверек? – возразил орел.

– Он поможет нам пробраться в подземный дворец Каранарта. Он умеет делать ходы под землей.

Солнце уже стояло высоко, когда орел и тур добрались до кротовой норы.

Старый крот внимательно выслушал их рассказ и задумался. Синие вечерние тени протянулись от гор, а он все думал. Нетерпеливый орел уже собрался один лететь спасать девушку, когда крот заговорил:

– Нам нужно действовать наверняка, иначе мы и девушку не спасем, и сами погибнем. Надо не только выручать Свет Зари, но и сделать так, чтобы Каранарт не смог вновь захватить ее. Я придумал, как этого добиться. Ты, орел, завтра рано утром отнесешь меня к замку Каранарта. А ты, тур, ночью соберешь в горных долинах как можно больше душистой сон-травы и к утру отнесешь ее ко входу в замок Каранарта. А потом...

И мудрый крот рассказал орлу и туру, как надо действовать.

А Свет Зари в это время томилась в холодной сырой темнице. Ни один луч света не проникал в каменную яму. Всю ночь девушка провела там, дрожа от холода. К утру подземная сырость потушила свежий румянец ее лица и скрючила молодое тело. Когда слуги Каранарта потащили девушку к своему повелителю, она не могла стоять на ногах.

Каранарт лежал на мягких коврах в подземном покое, обтянутом алым персидским шелком. За легкими шелковыми стенами горели огромные светильни, и весь покой был залит ярким светом.

– Ха-ха-ха! – захохотал Каранарт, увидев Свет Зари – А ведь ты сейчас безобразнее меня! Вот, смотри сюда!

Он указал на большое зеркало. Девушка взглянула туда – и не узнала себя. Лицо ее стало желтым и худым, губы посинели, руки и ноги распухли и не разгибались.

– Ну как, красавица, теперь ты согласна стать моей женой? – спросил Каранарт. – Если согласишься, я чудесной живой водой верну тебе прежнюю красоту. Я дам тебе одежду из шелка, расшитую бесценным жемчугом. Я надену на тебя браслеты, украшенные алыми рубинами. Ты согласна?

Но девушка бросила гордый взгляд на Каранарта и гневно ответила:

– Нет! В наших горах, если любят, то человека, а не камни... Я тебя ненавижу, о сын злобной жабы...

Каранарт затрясся от ярости. Два клыка выставились из его рта, мрачный огонь загорелся в его глазах.

– Ты не хочешь стать моей женой, о несчастная?! Ты противишься моему могуществу! – закричал он, и его скрипучий голос загрохотал в подземелье. – А ты знаешь, что с тобой станет? Тебя опять бросят в ту же темницу. За ночь камни подземелья потушат твои дерзкие глаза. А еще через ночь и день выпадут твои волосы и зубы. И никто, никто, кроме меня, не может спасти тебя. Слепая, безобразная, беспомощная, ты будешь ползать у моих ног, умоляя о милости...

Нет! – воскликнула девушка. – Ты можешь лишить меня молодости, красоты, здоровья, но ты не сумеешь погасить в сердце моем ненависть к тебе, жалкому подземному пауку, убийце женщин и детей...

Взять ее! – в бешенстве закричал Каранарт и вскочил на ноги. – Бросить ее опять в темницу. Пусть камни выпьют ее молодость и красоту!

Слуги схватили гордую девушку и снова бросили в подземный каменный мешок. А Каранарт, дрожа от ярости, взобрался на своего каменного коня и, оставив одну у входа в свой дворец, вместе с воинами выступил новый злодейский поход.

Когда огромный конь сделал несколько шагов, Каранарт у входа в свой дворец заметил целые охапки вянущей травы.

– Что это такое? Кто осмелился слоняться ночью возле жилища непобедимого Каранарта? Кто набросал здесь этой травы? – закричал он своим несокрушимым воинам.

Но воины равнодушно шагали по траве и не знали, что ответить своему повелителю.

Огромный конь все дальше уносил Каранарта от его дворца. Наконец удалились, умолкли и тяжелые шаги его воинов.

Часовые – два мрачных каменных великана – недвижно стояли у входа в подземелье, крепко сжимая тяжелые каменные мечи, и холодными глазами смотрели за реку.

Золотые солнечные искры играли в голубых водах Псекупса, теплый ветерок шевелил ветви цветущих яблонь и с них сыпались розовые лепестки. Цветы раскрывали свои чашечки, подставляя их ласке солнечных лучей. Все радовалось весне, ясному дню, тихому ветерку...

Только каменные воины были суровы и неподвижны. Глядя прямо перед собой, они не замечали, что из-за деревьев за ними следят три пары глаз.

Все выше поднималось солнце, все жарче пригревали землю его лучи. От разбросанной около дворца сон-травы поднимался душный, усыпляющий аромат.

Каменные воины начали зевать и сомкнули отяжелевшие веки...

– Пора! – прошептал нетерпеливый орел.

– Нет! – ответил крот. – Они не спят, а только дремлют...

Воины опустили мечи, и их головы упали на каменные груди.

– Идем! прошептал тур.

– Нет! – остановил его крот. – Их сон еще не крепок.

Аромат сон-травы становился все сильнее. Грузные фигуры воинов закачались и тяжело рухнули на песок. Гулкий храп разнесся над голубой рекой.

– Теперь пора! – воскликнул крот. – Неси меня, орел! Тур, следуй за нами!

Они бесшумно проскользнули мимо уснувших часовых и скрылись в темном коридоре.

– Брось меня, орел, прямо в каменный котел, – сказал крот. – Вы с туром спасайте Свет Зари, а я займусь своим делом. Ждите меня по ту сторону горы...

Орел бережно опустил крота на дно пустого каменного котла, а сом вместе с туром отправился искать подземную темницу...

А Свет Зари в это время лежала на холодных камнях в темноте глубокой ямы. Ледяная сырость все сильнее сковывала ее тело и подбиралась к самому сердцу.

«Неужели я не увижу больше ни голубого Псекупса, ни ясного неба, ни солнца? – думала девушка. – Неужели я погибну в этой подземной яме?»

Ужас сжал ее сердце. Но она тряхнула головой, точно отгоняя дурные мысли, и запела.

И перед ее взором предстали блистающие снежные вершины, откуда берут начало бурные горные реки, и нежные ландыши, расцветающие в густой траве, и родной аул, где ждет ее седоволосая мать...

Вдруг конец жесткой волосяной веревки упал к ней на грудь и сверху послышался знакомый голос:

– Свет Зари! Это мы, твои друзья, орел, тур и крот! Мы пришли спасти тебя! Хватайся скорее за веревку и вылезай из ямы...

Радость согрела коченеющее сердце девушки. Она схватилась за веревку и, выбиваясь из последних сил, попыталась выбраться из ямы.

Но скорченные сыростью руки и ноги не повиновались ей. Она упала опять на скользкие мокрые камни.

– Не могу... – простонала Свет Зари. – Тело мое ослабло, о друзья мои!

– Я сейчас помогу тебе! – ответил орел.

Он слетел в глубь темницы, велел девушке держаться за него, взмахнул могучими крыльями, напряг все свои силы и вынес Свет Зари из глубокой ямы.

Девушка постаралась подняться на ноги, но со стоном пустилась на шершавый пол подземного коридора.

Я не могу идти, мои ноги окаменели, – пожаловалась она.

Ничего, садись ко мне на спину, держись за мои рога, я вынесу тебя отсюда, – сказал тур.

Свет Зари вскарабкалась на широкую спину тура, и тот понес ее по темным подземным коридорам. А орел тел впереди и указывал им путь.

Втроем они выбрались из мрачного подземелья, туда, где ярко светило золотое солнце, где плескался Псекупс и сыпали свои лепестки цветущие яблоньки. Каменные сторожа спали так крепко, что не видели и не слышали их.

Тур, орел и девушка укрылись в кустах по другую сторону горы, в недрах которой скрывался дворец Каранарта. Там они стали ждать крота.

Уже солнце стало спускаться за горы, а крота все не было. Холодный ветер донес с гор запахи тающего снега. От входа во дворец Каранарта послышался хриплый кашель проснувшихся каменных воинов...

– Друзья! Я не могу двигаться, но вы полны сил. Оставьте меня, идите спасайте нашего друга крота, – попросила девушка.

– Нет, – покачал головою тур. – Стража проснулась, и нам не пробраться теперь в подземелье.

– Крот нам велел ожидать его здесь, – сказал орел. – Но я поднимусь и узнаю, что делается вокруг...

Расправив крылья, он взлетел в поднебесье и сверху окинул долину зорким взглядом. От гор тянулись длинные фиолетовые тени. Псекупс из голубого стал темно-синим.

По берегу реки торопливо двигался со своим войском Каранарт. Только край солнца еще виднелся над горами, когда Каранарт и воины вошли в подземелье. Огромный конь попятился, телом своим закрыл вход во дворец и низко опустил голову. Солнце скрылось, и сейчас же чудовищный конь превратился в огромную скалу.

Орел сложил крылья и камнем упал к своим друзьям.

– Каранарт вернулся в свое каменное гнездо, а крота нигде не видно, – сказал орел и вздохнул.

Синий мрак спустился над долиной. Над Псекупсом поползли белесые туманы. Яркие звезды загорелись на небе. А крота все не было.

– Пропал наш друг! – горевала девушка. – Меня спас, а сам пропал...

– Садись на мою спину, – предложил тур, – я унесу тебя отсюда. А утром мы с орлом попытаемся пробраться в подземелье и выручить крота...

– Нет! Я никуда не уйду отсюда, – ответила девушка. – Сердце мне не позволяет спастись самой, если друг в беде...

Когда звезды стали меркнуть и на востоке рождался новый день, орел услышал совсем рядом какой-то шорох. И вдруг откатился камень и из-под него вылез крот. Он тяжело дышал, бархатная шкурка его была мокрой от пота, крепкие лапы окровавлены.

– Фу! Еле выбрался, – проговорил он, поблескивая своими маленькими глазками. – Дно котла почти из сплошного камня, с трудом удалось в нем дыры долбить...

– Ну, теперь все хорошо, – воскликнул обрадованный тур. – Давайте уходить отсюда. Скоро уже выйдет из горы Каранарт со своим войском...

– Нет, теперь он никогда не выйдет из своего подземелья, – засмеялся крот. – Я проделал в котле целый десяток незаметных дыр. Злодею не удастся получить живую воду. Как только он начнет нагревать свое снадобье, вся вода вытечет из котла...

Все ярче разгоралась утренняя заря. Проснулись и затрепетали ветвями яблоньки. Птицы запели в кустах, встречая новый день. И вот выплыло из-за гор большое, яркое солнце...

В ту же минуту из отверстия, откуда ночью вылез крот, ударила струя горячей синеватой воды. Поток становился все сильнее и сильнее и вот уже целый ручеек устремился к Псекупсу. Над этим ручейком клубился пахучий пар.

– Погрузись в живую воду, о Свет Зари, – посоветовал мудрый крот.

Девушка послушалась его. И как только живая вода омыла ее скрюченное, больное, обессиленное тело, вдруг распрямились и снова стали гибкими руки и ноги девушки, сила пробудилась в дряблых мускулах, прежний румянец зажегся на ее щеках.

– Ну вот, ты опять настоящая Свет Зари, – проговорил крот. – Прощай!

Он исчез где-то в кустах

– Прощай, наша спасительница!

Желаю тебе счастья, – сказал тур и легкими, стремительными прыжками понесся вверх, в горы, навстречу солнцу.

– Прощай, Свет Зари! Помни о своих друзьях, – крикнул орел, взлетая в поднебесье, к легким облакам. Прощайте, мои друзья дорогие, – ответила девушка.

Упругим шагом она пошла к Псекупсу. Проходя мимо входа в подземный дворец Каранарта, девушка посмотрела на огромного застывшего коня, который выгнул каменную шею и опустил голову в воды голубой реки. Каменный конь так плотно закрывал вход в подземелье, что не оставалось ни щели, ни трещины.

Девушка направилась к родному аулу, чтобы сообщить всем радостную весть: злой Каранарт навеки погребен в своем подземелье...

...И до сих пор стоит, выгнув крутую шею, каменный конь Каранарта. И зовут его люди скалой Петушок. До наших дней течет из горы чудотворная целебная вода, дающая людям силу, молодость, радость.

Сказ о завете предков

Говорят, что в далекие прошлые времена где-то возле гор на берегу моря был аул, который народ прозвал Счастливым. Люди в этом ауле никогда не имели князей, жили в дружбе с соседями, знали много хороших ремесел – и поэтому наслаждались миром, довольством и счастьем. В ауле были опытные пахари, умевшие растить кукурузу и просо, отличные пастухи, ухаживавшие за стадами, искусные мастера, делавшие из меди узкогорлые красивые кувшины и звонкие блюда, смелые моряки, не боявшиеся морских бурь и туманов. А всеми делами в ауле управляли самые мудрые и уважаемые старики. Пахари работали на полях, пастухи пасли скот на горных пастбищах, мастера делали отличную посуду, а моряки продавали товары всему морскому побережью и их знали даже в далеком городе руссов – Тмутаракани. В обмен на эти товары они привозили золотистую пшеницу, красивые ткани, крепкие топоры и ножи. Все в ауле Счастливым трудились, все были сыты и довольны.

Но как-то дошли до Счастливого аула черные вести. Говорили, что откуда-то из-за гор примчались на быстрых конях непобедимые воины, которые завоевывали один адыгейский аул за другим. Во главе этих воинов шел свирепый Сельджук-паша, который одним ударом выбивал из седла любого джигита. Рассказывали, что захватчики подходили к аулу и вызывали на поединок самых смелых джигитов, обещая не трогать аула, если кто-нибудь сумеет победить Сельджук-пашу. Но не нашлось еще на адыгейской земле такого джигита, который заставил хоть бы покачнуться в седле предводителя пришельцев. Один за другим аулы покорялись захватчикам, и те забирали в них богатую дань – коврами, золотом, скотом, рабами...

– Что нам делать? – заволновались люди, живущие в Счастливом ауле.

– Покориться! – говорили одни. – Ведь мы не привыкли воевать. Что же мы сможем сделать с захватчиками, если лучшие воины адыгейских племен побеждены ими?

– Бросить все и уйти в дикие горы! – советовали другие. – В горы захватчики не пойдут.

Но седобородый моряк окинул зорким, ястребиным взглядом аульчан и сказал:

– И покориться, и бежать – значит потерять свободу... Мне кажется, я знаю воина, который устоит перед Сельджук-пашой...

– Где он? Кто он? – закричали люди.

– Это – мой кунак, кузнец из города руссов, – ответил моряк.

– Кто же согласится проливать кровь за чужое племя? – спросил кто-то из толпы аульчан. – Мы для руссов – чужие...

– Нет! – воскликнул старый моряк. – Мы друзья-кунаки. Разве прошлым летом, когда Тмутаракань осадили степные воины, мы не помогли руссам, отправив к ним морем кукурузу, просо и баранов? Я знаю руссов – у них большие, светлые сердца, и они верны в дружбе...

В тот же день от берега отчалили узкие длинные лодки. Как белокрылые чайки, понеслись они на север звать на помощь друзей-руссов.

Отплыли лодки и словно растаяли в голубой морской дали...

А в Счастливый аул каждый день приходили все более грозные вести. Говорили, что у захватчиков медные груди и самые острые копья ломаются о них. Рассказывали, что Сельджук-паша забирает в рабство самых красивых девушек, а побежденным джигитам отрезает головы. На третий день из-за перевала, из соседнего аула, прибежал почерневший от усталости юноша и рассказал, что захватчики убили четырнадцать лучших джигитов и захватили их аул...

Стон и плач поднялся в Счастливом ауле. Но в полдень причалили к берегу лодки и из них вместе с моряками вышли руссы.

Их было немного, всего два десятка человек. Командовал ими светлоглазый человек с такой широкой грудью и могучими плечами, каких никогда не видели в ауле.

Со всех сторон к берегу сбежались аульчане и принялись рассказывать ужасы о свирепых пришельцах. Они рассказывали о том, что у чужеземных воинов медные груди, и о том, что Сельджук-паша одной рукой вырывает деревья, и об острых кривых саблях захватчиков.

А предводитель руссов выслушал все, пригладил широкой ладонью свою рыжеватую бородку и улыбнулся.

– Ну, что же, поглядим! – сказал он и попросил дать ему и его товарищам коней.

Пригнали коней. Вскоре все руссы облюбовали себе скакунов, только их вожак никак не мог подобрать себе коня. Подойдет он к коню, посмотрит, положит руку на шею скакуна, и тот сразу падает на колени. Наконец,

подошел русс к вожаку всего табуна – гордому неезженному жеребцу. Тот захрапел, хотел отпрянуть в сторону, но светлоглазый русс схватил его за шею и удержал. Рванулся гордый конь, захрапел, но не смог вырваться из-под могучей руки. Взял тогда русс уздечку, зануздal скакуна и вскочил ему на спину. Затаптался конь на месте, потом рванулся вперед и вдруг, когда всадник натянул узду, осел на задние ноги.

– Ладно! Годится! – улыбнулся русс.

Когда гостей угощали жареной бараниной и овечьим сыром, вожак руссов сказал:

– Ладно, поможем мы вам, друзья-кунаки! Только вы и сами не плошайте! Седлайте коней, берите дубины покрепче и бейте врагов по головам. Может, груди у них и медные, а головы, я думаю, обычные, костяные...

Утром прибежали с перевала дозорные и сообщили, что захватчики приближаются к аулу.

– Ладно! Готовьтесь к битве! – снова улыбнулся вожак руссов.

Немного времени прошло, и выехали воины из аула. Все руссы, как один, были в тяжелых железных рубашках, с прямыми мечами и круглыми, красными щитами, а за ними скакали джигиты Счастливого аула, вооруженные дубинами, саблями да кинжалами...

Отъехали воины от аула и остановились на ровном, чистом поле. Глядят – из леса враги выезжают. Золотом сверкают на солнце их медные, кольчатые рубашки, камни драгоценные то красным, то зеленым огнем переливаются, зеленые шелковые чалмы украшены золотыми полумесяцами. А впереди всех, на косматом коне, развалившись, покачивается в седле сам Сельджук-паша – огромный, точно копна сена, с огненной бородой.

Заметил Сельджук-паша воинов, загородивших ему дорогу, и, выхваляясь своей силой, схватил за вершинку молодой тополь, поднатужился и вырвал его с корнем из земли. Вырвал и отбросил его в сторону. А сам на руссов покосился: как, мол, не испугались? Крикнул тут кто-то из руссов:

– Здоров, разбойник! А ну-ка, Иван, покажи им ты свою силу!

– Ладно! Хвастать не люблю! – ответил вожак руссов.

Выехал тут из-за рядов пришельцев маленький черный человек и начал визгливым голосом рассказывать о подвигах непобедимого Сельджук-паши – и как он нартов победил, и как кулаком медведей и львов убивал, и как своей саблей рубил с одного удара пополам всадника вместе с конем...

Визжит черный человек, старается, а Иван вроде и не слушает его – позевывает, облачка на небе рассматривает, с товарищами перешучивается...

– Непобедимый Сельджук-паша вызывает любого из вас, того, кому жизнь надоела, на поединок. Если победит кто-нибудь могучего Сельджук-пашу, то он обещает не трогать вашего аула! Есть среди вас человек, желающий умереть? – еще громче закричал черный человек. – Ладно! Посмотрим! Пускай нападает! – негромко ответил русс Иван, поднял красный щит и направил вперед свое толстое острое копье.

Выехал он немного вперед и вновь остановился. Тут Сельджук-паша схватил свое копьё, украшенное конским хвостом, пришпорил коня и со свирепым рычанием помчался на Ивана. А Иван шагом, неторопливо двинулся ему навстречу...

Столкнулись всадники, зазвенели их щиты, оба коня упали на задние ноги... словно тонкие камышинки, переломились копьё...

Повернул Сельджук-паша своего коня, выхватил кривую шашку и снова помчался на Ивана, только огненная борода затрепетала на ветру. Достал и Иван свой меч...

Налетел Сельджук-паша и что есть силы рубанул своей шашкой. А Иван меч подставил. Лязгнуло железо, брызнули искры во все стороны. Поломалось оружие у обоих воинов...

Взвизгнул от ярости Сельджук-паша и выхватил из-за красного шелкового пояса-кушака кривой нож-ятаган. Кони на дыбы поднялись, норовят укусить друг друга... Размахнулся Сельджук-паша ятаганом – и ахнули русские и черкесы, увидев, что у Ивана больше нет никакого оружия...

Но Иван не испугался. Левой рукой он отвел удар врага, а правой, сжатой в кулак, как ахнет Сельджук-пашу по уху...

Закачался в седла паша, брызнула у него из носа и ушей кровь, и, раскрыв огромный рот, бездыханный, свалился он на траву...

Тут захватчики завывали от ярости, и, направив на Ивана сотни копий, пришпорили своих коней... А навстречу им лавиной хлынули руссы и адыги. – Ах вы, обманщики! Вот как вы свое слово держи – громовым голосом крикнул Иван и, хотя был безоружным, помчался на врага.

Несть копей сломалось о красный щит богатыря-русса, четырех вражеских воинов сбил он своим конем и, точно кинжал сквозь мягкое масло, промчался сквозь неприятельские ряды...

Только на опушке леса удалось ему повернуть разгоряченного коня. Глянул он на поле битвы и видит – теснят его друзей захватчики...

– Ну, держитесь теперь, коварные! Распалили вы гнев мой! – закричал Иван, и яростью вспыхнули голубые глаза его.

Оглянулся он вокруг, схватил за вершину корявый молодой дубок и выдернул его с корнями из земли.

Взмахнул Иван-русс дубком, как палицей, и бурей налетел на захватчиков с тыла. Махнет направо – четырех врагов на землю скинет, махнет налево – трое из седел валятся.

Да и друзья его от него не отстали – прямые мечи руссов молниями сверкали на солнце, дубины и кинжалы адыгов тоже делали свое дело...

Завывали захватчики от страха, повернули своих коней и пустились наутек. Немного их спаслось – не более двух десятков.

Швырнул Иван им вслед свою дубовую палицу, окинул молодецким взглядом поле битвы, разглядел русую бородку и вдруг засмеялся:

– А добре мы им всыпали! Будут теперь они нас помнить!

Тут все жители Счастливого аула бросились благодарить и обнимать руссов.

– А мы что?! – улыбнулся Иван. – Мы только помогали... Вы и сами дрались как надо... Давайте лучше раненых наших спасать, раны им перевязать требуется...

Спрыгнули воины с коней и стали обходить поле битвы...

Среди раненых нашел Иван своего кунака – старого моряка-адыга. Лихое вражеское копьё вошло в грудь старика, а вышло под правой лопаткой.

Заплакал тут богатырь Иван над телом друга-кунака. Столпились вокруг умирающего и адыги и руссы.

Открыл старик свои смелые глаза, обвел горячим взглядом людей и проговорил ясным, звонким голосом:

– Ну, вот и хорошо! Разбили мы захватчиков, свободным будет и впредь наш Счастливый аул... Умираю я... И завещаю вам, друзья-аульчане, вам и детям детей ваших – никогда не изменяйте дружбе с русскими! Помните, что руссы – братья наши старшие... А старший всегда поможет в беде младшему... И кто изменит этой дружбе – пусть будет проклят моим стариковским проклятием! Пусть родная земля не дает ему пищи, пусть реки наши не утоляют его жажды, пусть солнце сожжет его черное сердце! Передайте мои слова всему нашему народу!

Потускнели горячие глаза старого, мудрого адыга, кровь выступила у него на губах. И умер он на руках своего плачущего друга-кунака...

...О завете старого мудреца узнали во всех аулах. Из поколения в поколение передавался в нашем народе этот мудрый завет. И те, кто верен этому великому завету, сейчас свободны и счастливы. А изменники – да будут прокляты их черные имена – не знают вкуса плодов родной земли, не ведают сладости воды наших студеных горных рек. И не будет им ни счастья, ни радости, ни прощения от родного народа!

Башня пылающего факела

Острым кинжалом врезаясь в тело Кубани, высится серый утес Старый Нарт. Тысячи лет яростно бросаются на него кубанские волны, лижут его желтыми языками и отступают, плача от бессилия, ключьями белой пены.

Если подняться по узкой каменистой тропинке, что серой змеей-полозом вьется между расщелин и обрывов, над ревущей, яростной рекой, то можно дойти до вершины утеса. Оттуда видны аулы и станицы, синяя гладь степей и голубой Эльбрус. Здесь, на вершине, до сих пор сохранились развалины старой башни – из огромных каменных плит были сложены ее стены. Века прошумели над ней своими седыми крыльями и не смогли разрушить толстых стен. Только с одной стороны зияет в стене провал и недалеко от него валяются огромные плиты.

Много сотен лет тому назад была построена эта башня. Черкесский народ до сих пор зовет ее Башней Пылающего Факела и хранит легенду о ней.

В тот черный год пришли на кубанскую землю тысячи свирепых иноземных воинов. Сотня за сотней мчались они на маленьких косматых конях, закутанные в старые прелые меха, со свисающими на плечи наушниками косматых шапок. Каждый воин имел лук со стрелами, короткое копьё и острую саблю. Черкесы бились с ними, но все новые и новые толпы пришельцев, дикие, бесчисленные, как саранча, шли на смену павшим. Скуластые люди с косами, в длинных синих одеждах подвезли невиданные машины, которые силой пороха швыряли в горцев огромные камни.

Что могли сделать против завоевателей черкесские воины, вооруженные луками и кинжалами. Задрожали тогда сердца у самых храбрых джигитов и отступили черкесы в далекие горные теснины. А их жены, дети и старики, их земли и сакли были захвачены врагами.

Во главе пришельцев стояли угрюмый молодой воин с золотым тигром на груди и сгорбленный старик с глазами умными и хищными, как у рыси.

Наевшись горячим мясом черкесских коней, захватчики по приказу старика начали сгонять со всех сторон тысячи пленных и заставляли их высекать из скалы огромные каменные плиты. Эти камни пленники поднимали на вершину утеса и здесь строили башню-дворец для завоевателей. Сотни раз падали камни вместе с людьми в бурные воды Кубани, много тысяч людей погибло, прежде чем на вершине Старого Нарта была построена башня.

Внизу башни враги сложили свои метательные машины и ссыпали порох. На втором и третьем этаже стены были облицованы голубыми изразцами. Пленных черкесских девушек заставляли день и ночь ткать мягкие ковры для украшения башни.

Жила в то время девушка по имени Аминет, с глазами яркими, как звезды, с румянцем нежным, как цвет шиповника, и с сердцем большим и гордым, как ее родные горы.

– Не буду я ткать для вас ковры! – сказала она вождям захватчиков.

Старик, приподняв верхнюю губу, засмеялся зловещим лающим смехом, подвел Аминет к краю утеса и сказал:

– Тогда прыгай вниз! Работай или прыгай!

Сверкнув глазами-звездами, девушка шагнула вперед, но молодой вождь поймал ее за косы и засмеялся:

– Нет, подожди! Я не раз усмирять самых диких коней. Усмирю и тебя. Ты мне будешь лизать сапоги, очищая их от дорожной пыли...

И приказал он запереть девушку в маленькую темную комнату, вырубленную в толще башенной стены.

Когда ковры были готовы, всех девушек сбросили с утеса в Кубань. Воины врагов спокойно отдыхали на просторной площадке вокруг башни, жарили конину и пели свои песни, тонкие и тягучие, как свист степного ветра. Вожди и их слуги жили в каменном дворце. Аминет была чужой среди

них. Ей разрешили ходить по утесу.

Враги смеялись над нею. Молодой вождь почти каждое утро заставлял лизать свои сапоги, но девушка отказывалась. Тогда он бил ее тяжелой плетью, пока не уставала рука.

Привольно, спокойно чувствовали себя захватчики на утесе, защищенном горными кручами, где один воин мог задержать сотни врагов. Только одно было плохо: когда их отряды ночью возвращались из набегов, им приходилось до утра ждать у подножия утеса. Ночью, в темноте, никто не мог подняться по извилистой тропинке.

Но как-то один из людей в синей одежде подал вождям два клубка толстых ниток. На нитках были навязаны узлы: маленькие, чуть побольше и совсем большие. На следующую ночь внизу, под утесом, вспыхнул огонь. Молодой вождь вынес два горящих факела, один из них воткнул в землю, около двери башни, а с другим подошел к краю тропинки. И вскоре к башне поднялся отряд воинов.

Прошло еще несколько ночей – и снова отряды захватчиков уверенно поднимались в густом мраке по извилистой горной тропинке.

И помяла тут Аминет, зачем воины, отправляясь в поход, берут с собой клубок с узлами. Смотря на факелы, они считают шаги: маленькие узелки вперед, средние – налево, большие – направо... И так ночью добираются захватчики до своей башни...

Вскоре молодой воин с отрядом ушел в набег. Оставшиеся пили кислое кобылье молоко, жарили мясо и поедали его без соли. Как тень, скользила Аминет около башни. Глаза ее, не отрываясь, смотрели на далекие голубые горы. Платье на спине девушки было разорвано плетью, и обрывки его стали жесткими от крови. Поблек, пожелтел нежный румянец щек, синие тени скорби легли на похудевшее лицо. Тихо спустилась Аминет в нижний этаж башни, набрала желтого порошка, лежавшего там в кожаных мешках, и вышла на солнце. Задумчиво пересыпала она желтые комки в маленькой руке. Вдруг кто-то ткнул в ладонь тлеющей головней. Комки вспыхнули ослепительным белым пламенем, и руку обожгла страшная боль. Девушка вздрогнула. Сзади нее стоял старый вождь и фырчал, как больная рысь. Кругом громко хохотали его воины.

Аминет не заплакала – только трусы плачут перед врагом. Точно молния, хлестнул старика ее взгляд. Прямая и гордая, удалилась она в свою темную нору-каморку додумывать горькие и пламенные мысли, полные ненависти и жажды мести.

Когда ночь набросила свое черное тонкое покрывало, когда ветер принес с гор запах снегов, внизу, у подножия скалы, замигал маленький огонек.

Тотчас из башни вышел старик с двумя факелами. Один он воткнул в землю около двери, а с другим пошел к началу тропинки. Он не заметил, как легкой тенью выскользнула за ним пленная черкесская девушка. Один удар кривого ножа – и старик, заклохтав, как курица, опустился на землю. Аминет подхватила падающий факел.

Воины, охранявшие тропу, ничего не увидели. Они смотрели вниз на мигавший огонек и о чем-то говорили между собой.

Девушка отбежала на несколько шагов от тропинки, подняла факел и начала вслушиваться в ночные шумы. Шумела Кубань, пел песню вольный горный ветер... Но вот снизу раздался грохот осыпающихся камней и испуганные крики.

Из-за туч вышла луна, желтая и большая, как медный таз. И только тогда воины заметили девушку с факелом, стоявшую в стороне от тропы. С гортанными криками они побежали к ней...

Легче белого облачка, скользящего по вершинам гор, быстрее горного ветра побежала Аминет к башне и бросила горящий факел прямо на кожаные мешки...

Пламя взрыва озарило вершину утеса. Вздогнула и рассыпалась могучая стена старой башни, каменные плиты, как орлиные перья, замелькали в воздухе. Огненный вихрь пронесся по вершине Старого Нарта и смел с нее захватчиков. И гулкий грохот, как освежающий весенний гром, раскатился вокруг и донесся до далеких горных ущелий, где залечивали свои раны черкесские джигиты.

– Молния ударила в гнездо хищных пришельцев! Садитесь на коней! Вперед, на врага! Пока он смущен и испуган, мы победим его! – закричали джигиты.

Грозной бурей налетели черкесские воины на остатки вражеской орды. Замелькали острые шашки, засвистели стрелы. Захватчики были напуганы взрывом башни и гибелью своих вождей. Страх сковал их силы. Они бросили мечи и сдались черкесским воинам.

Пленники рассказали джигитам о гордой и бесстрашной девушке Аминет. И еще пленники говорили о прошлом могуществе своего племени воинов и назвали имена своих вождей – молодого, с золотым тигром на груди, и старого, что шурился, как рысь.

Но их имена – да будут они прокляты – исчезли из памяти народа. А имя гордой черкесской девушки Аминет живет и будет жить в сердцах людей.

Так и должно быть: злоба и насилие умирают, смелость и любовь к свободе – живут!

Хитрец Каймет

Бывают люди, у которых вся сила не в руках, не в ногах, а в разуме. И разум ведет их на подвиги, каких не может совершить самый могучий человек.

Таким вот и был Каймет. Родился он слабым, хилым, с тонкими руками и ногами. Весь аул говорил о том, что мальчик не проживет и недели.

Но худой и жалкий заморыш цепко держался за жизнь, как хрупкое и тоненькое деревцо, выросшее среди скал, цепляется за каждый клочок плодородной земли.

В восемнадцать лет Каймет был узкоплечим и низкорослым, точно двенадцатилетний мальчишка. Он не умел ни бегать вперегонки с горным ветром, ни посылать далеко меткие стрелы, как другие юноши аула. Но его большие верные глаза всегда горели живым, лукавым огоньком, он умел прекрасно петь, а острый ум его был неистощимым источником различных выдумок. Другие юноши охотились на осторожных серн или пугливых диких коз с помощью стрел и копья, а Каймет ловил животных хитросплетенными сетями или петлями, которые он ставил на звериных тропах. И часто случалось, что у Каймета добыча была богаче, чем у лучших охотников аула. И прозвали Каймета хитрецом.

В ту пору настали для жителей аула, в котором жил Каймет, черные дни. С одной стороны, в горах, поселился сильный и жадный князь-пши со своей дружиной. А с другой, у моря, построил крепость турецкий паша. И тот я другой то и дело грабили аул.

То на быстрых конях влетят в аул всадники в черных бурках и заберут весь урожай кукурузы, то придут турецкие аскеры в красных фесках и вытрясут из амбаров все просо и угонят скот...

Совсем обнищали аульчаны. Жили они впроголодь, только тем, что добывали в горах охотники. Пробовали горячие головы отбиваться от аскеров и княжеских дружинников, но ни к чему хорошему это не привело – пши приказал повесить непокорных, а паша велел сажать их на кол.

Пошли самые мудрые старики просить князя, чтобы он защитил их от турок – ведь лучше кормить одного волка, чем двух!

Князь принял стариков в своей каменной башне, сидя на мягком ковре. Он выслушал посланцев аула, окинул их своим ястребиным холодным взглядом и пожал плечами:

– Ничего не могу сделать для вас, старики! – проговорил он. – Ваш аул – свободный аул, вы не мои люди. А турки – наши друзья... К тому же, что вам и делать, как ни кормить нас, своих защитников. Не унывайте! В реке много воды, а в горах растут дикие груши. Не ленитесь – и проживете как-нибудь.

Вздохнули старики, вышли из башни и решили просить защиты у турецкого паши.

Толстый паша принял стариков очень ласково.

– О мудрейшие из мудрых! – воскликнул он. – Садитесь на ковер! Сейчас вам подадут кумган для омовения рук. Потом будем пить божественный напиток – кофе. Его сам султан пьет...

За кофе старики стали жаловаться паше на князя.

Черные глаза турка стали печальными.

– Ой-ой-ой, как плохо! – покачал он головой. – Бедный вы народ! Но я ничего для вас не могу сделать. Моих аскеров надо кормить, они защищают

вашу землю. А князь-пши – хозяин на вашей земле, я над ним не властен. Но мне вас очень жалко и я помолюсь о вас аллаху!

И с ласковой улыбкой, переваливаясь с одной толстой ноги на другую, паша проводил стариков до дверей.

Грустными вернулись старики в родной аул. Ведь рычит волк или улыбается, его добыче безразлично.

К вечеру весь аул знал о том, что стариков постигла неудача. И во всех саклях женщины вздыхали и плакали, точно по покойнику.

Плакала и мать Каймета.

– О горе нам! Мы, как зерна кукурузы между двумя жерновами, – причитала она. – Скоро все мы погибнем от голода.

Каймет сидел возле очага и думал какую-то долгую думу.

– Не плачь, нан! – вдруг сказал он матери. – Нам нужно быть не зерном кукурузы, а маленьким крепким камешком. Ты ведь знаешь, нан, что бывает, если крепкий камень окажется между жерновами? Тогда жернова заскрежещут и могут совсем выйти из строя. Я сделаю так, что наш аул из зерна кукурузы станет кремнем.

И Каймет своей легкой, словно скользящей походкой направился к сакле самого мудрого старика.

– О мудрейший! – сказал Каймет. – Я знаю, что нужно сделать, чтобы турецкий шакал и волк-пши не терзали больше наш аул.

– О дерзкий! – строго воскликнул старик, бросив суровый взгляд на тонкого юношу. – Как можешь ты знать то, чего не знают мудрейшие люди аула? Что можешь сделать ты, слабенький мальчишка, если наши лучшие джигиты задохнулись в княжеской петле или кончили жизнь на турецких кольях?

– Выслушай меня, о мудрейший! Бывает так, что маленький камень рождает огромную лавину, – смело возразил Каймет.

И, стоя у дверей, он шепотом поведал мудрейшему старику свои замыслы.

Старик слушал его, поглаживая свою седую бороду. Но чем дальше он слушал, тем с большим изумлением посматривал на юношу.

– О мудрый не по летам! – наконец воскликнул старик. – Садись к очагу рядом со мною! Если природа дала тебе старческую мудрость, значит, ты достоин сидеть со старейшими...

Той же ночью весь оставшийся скот был отправлен далеко в горы. В тайные пещеры снесли аульчане остатки своих запасов кукурузы и проса, уцелевшие от захватчиков.

Когда через семь дней в аул нагрянули турецкие аскеры, они не нашли ничего.

– Пши забрал у нас все, вплоть до последнего козленка! – жаловались аульчане. – Вот есть только сушеные груши. Ими доблестные воины султана могут отогнать голод.

Порыскав по аулу, турки, голодные и злые, отправились обратно в свою крепость.

А через несколько дней примчались в аул дружинники грозного пши.

– Эй! Быстро собрать нам двадцать корзин кукурузы на мамалыгу! Пригнать десять жирных барашков! – приказал начальник дружины.

– У нас в ауле ничего не осталось! – кланяясь, ответили ему старики. – Все забрали турки. Если вы голодны, мы можем угостить вас сушеными грушами.

Проклиная турок, дружинники пошарили в пустых саклях и ни с чем ускакали обратно.

Вскоре в каменную башню грозного пши пришел маленький, худощавый юноша. Он принес князю убитую серну.

– О могучий горный орел! – низко кланяясь князю, проговорил юноша. – Я принес для твоего стола эту дикую серну. Что может быть радостнее для простого человека, чем доставить удовольствие такому великому князю.

Пши приветливо взглянул на почтительного юношу и задрал голову, как зазнавшийся индюк.

– Я вижу, мальчик, что ты из хорошей, почтенной семьи! – милостиво проговорил пши. – Присядь на край моего ковра.

– О, разве может ворон сидеть рядом с орлом! – воскликнул юноша. – Я бы не стал отрывать тебя, о великий пши, от твоих мудрых мыслей, если бы не одна страшная тайна, которую я хочу открыть тебе.

– Говори! – разрешил пши, оправляя свой серебряный наборный пояс.

– Недавно я был в крепости у турецкого паши, – шепотом заговорил юноша. – И там я услышал страшные слова о тебе, наш могучий повелитель. Я не решаюсь даже произнести эти слова.

– Говори! Все говори! – приказал пши и нахмурился.

– Турки называют тебя, о великий, старой безмозглой сорокой.

Пши заклохтал от злости, точно старый коршун, и нос его покраснел.

– А еще сам паша говорил, что ему приказал султан разрушить твою башню, а тебя самого посадить на кол. Он только выжидает, когда твои воины уйдут добывать себе пищу, и тогда соберется напасть на тебя.

– Ах, он сын свиньи, старый жирный кабан! – в ярости закричал пши. – Плевал я на его шелудивого султана! Я сам приду со своей дружиной и разрушу его вонючее воронье гнездо.

Пши забежал по комнате, в ярости кусая тонкие губы и сжимая рукоятку кинжала.

– Как тебя зовут? – опросил князь у юноши, когда злость его немного остыла.

– Каймет, если будет тебе угодно, о светлый пши! – кланяясь, ответил юноша...

– Так слушай, Каймет! Ты должен почаще бывать у этого турецкого кабана. И когда он захочет выступить против меня, ты сообщи мне.

– Служить тебе – моя мечта! – поклонился Каймет.

– Иди! Я щедро награжу тебя за службу! – обещал князь. – Может быть, я тебя даже сделаю сборщиком податей.

Низко кланяясь, юноша вышел из башни. И никто не заметил его тонкой насмешливой улыбки.

Вечером следующего дня Каймет пришел в крепость к туркам. Он принес в подарок паше молодого тура.

Паша сидел на мягком диване и лениво перебирал янтарные четки. Перед ним на низеньком столике стояло блюдо жирного ароматного плова. Прохладный морской ветерок шевелил шелковые занавеси на окнах. Паша щурился от удовольствия, как большой жирный кот.

– Прими мой скромный подарок, о солнце турецкой земли, – поклонился юноша, опуская на ковер тура.

Паша лениво посмотрел на него своими черными, заплывшими жиром глазками.

– Ты почтителен! – одобрительно проговорил он и зевнул.

– Моя мечта – служить тебе, о великий воин! – тихим, ласковым голосом сказал юноша. – И сердце мое сжимает печаль, когда вспоминаю я о людях, которые осмеливаются оскорблять твое величие.

– О ком ты говоришь, юноша? – заинтересовался паша и перестал перебирать янтарные шарики четок.

– О ком же, как не о дерзком пши, сидящем в своей каменной башне! Он осмеливается называть тебя, светлейший... – Юноша замолчал. – Нет, язык мой не решается повторить его слова.

– Нет, говори! – провизжал паша. – Все говори мне, не бойся!

Юноша покорно склонил голову.

– Он называет тебя, о великий, сыном свиньи, старым жирным кабаном... А светлейшего султана, повелителя вселенной, он ругает шелудивым...

Паша вскочил с дивана, опрокинув столик с пловом, и задышал, как загнанная лошадь.

– И еще он грозит напасть на крепость и разрушить ее. Он называет твою крепость вонючим вороньим гнездом.

Каймет украдкой, из-под опущенных ресниц, бросил взгляд на пашу, и ему показалось, что паша лопнет от злости.

– Это все правда? – взвизгнул паша, мелкими шагами бегая по ковру.

Клянись моей матерью, он все это говорил! твердо ответил юноша.

Паша подбежал к окну и в ярости сорвал шелковую занавеску.

– Я ему покажу! О шакал, лающий на полумесяц! О пожиратель падали!... О полудохлая ворона!...

Паша топтался по алому шелку и вдруг неистово захлопал в ладоши. В зал вбежали вооруженные аскеры.

– Пусть аскеры готовят оружие! Пусть готовят пушки! – закричал паша. – Завтра мы разнесем в пыль это шакалье логово.

Поздно ночью усталый, но веселый Каймет пришел в свой аул. Не заходя в родную саклю, он прошел к мудрейшему старику.

– Жернова начинают скрежетать! – сказал он. – Готовьте кинжалы, косы, копья!

Он вышел из сакли и усталым шагом направился в горы – туда, где на утесе стояла башня грозного пши.

Каймет дошел до башни, когда первые лучи солнца позолотили туманы в ущельях. Пши еще спал, но юноша попросил стражу разбудить его.

– О могучий, прости, что я нарушил твой покой! – поклонился Каймет. – Сегодня утром турки выступают из крепости, чтобы напасть на тебя!

– Хо-ро-шо! – прохрипел князь. – Сегодня будет черный день для красноголовых. Я доволен тобою, Каймет! На, возьми этот кинжал в знак моей благодарности. Еще тебе дадут мултук, и ты будешь драться с турками.

– О великий, могучий пши! – сказал юноша. – Я не умею обращаться с мултуком. Я слаб и беспомощен. Отпусти меня обратно в аул – я буду только мешать опытным воинам.

Пши бросил взгляд на щуплую, узкоплечую фигуру юноши и кивнул головой.

– Ладно! Иди в свой аул.

Юноша быстро спустился с утеса в ущелье. Там он посмотрел на серебряный княжеский кинжал, плюнул на него и швырнул оружие в реку. Затем Каймет свернул с дороги, забрался в густой колючий кустарник, выбрал укромное местечко и лег спать...

Разбудили его гулкие выстрелы.

Осторожно раздвинув кусты, он взглянул на дорогу. Турецкие аскеры в красных фесках лезли по крутому откосу к башне. Княжеские дружинники стреляли в них, и турки один за другим катились под откос. Воины князя сидели за крепкими каменными стенами, а туркам приходилось лезть по голой скале. Но они храбро сражались, эти турецкие аскеры, привыкшие слепо выполнять волю своих начальников.

Все больше турок неподвижными пятнами застывало на серой каменистой дороге, а воины князя по-прежнему были неуязвимыми.

И аскеры наконец не выдержали и побежали обратно в ущелье – туда, где другие аскеры устанавливали две пушки, как видно, оставшие в пути.

Тут из-за башни на быстрых конях выскочили княжеские дружинники; словно черные птицы, в развевающихся бурках, помчались они вниз на турок по узкой каменистой дороге. Впереди на белом жеребце скакал сам пши и заходящее солнце словно кровью облило его сверкающую шашку.

Вдруг гулко ударили турецкие пушки. Первое же ядро сразило надменного пши и целый десяток его воинов. Второе убило пять дружинников. Заговорили ружья уцелевших аскеров.

Воины пши придержали коней, не зная, что им делать. Потом они, точно вороны, испуганно метнулись в стороны. Их осталось совсем мало.

«Пора!» – подумал Каймет и легкой походкой направился туда, где ущелье становилось совсем узким и над ним нависали каменные стены.

Сзади снова загрохотали турецкие пушки, и Каймет, обернувшись, увидел, как покачнулась и рухнула каменная башня пши...

На горы уже спускались синеватые вечерние сумерки, когда турки, возвращавшиеся в крепость, вошли в узкую теснину.

И вдруг на них с обеих сторон посыпались каменные глыбы. Они сбили лошадей, тащивших пушку, убивали аскеров, грозной лавиной катились вниз.

Из всего турецкого отряда уцелело только пять аскеров. Испуганные, дрожащие, прибежали они перед утром в крепость.

А аульчане вместе с Кайметом вернулись к себе в аул и спокойно легли спать. Хотя у них ломило плечи от тяжелых каменных глыб, но сердце было полно радостью – жернова больше не грозили размолоть их, как жалкое кукурузное зернышко.

Рано утром испуганный паша, у которого осталось очень мало аскеров, покинул крепость и ушел в Анапу. Перед уходом он взорвал свою крепость.

– Теперь можно спокойно убирать наш урожай кукурузы! – улыбаясь, проговорил Каймет. – Эта кукуруза пойдет нам на кашу, отбирать ее у нас некому!

Он взял свой шичепшин [б] и запел веселую песню.

И все жители аула, даже седобородые старики поклонились узкоплечему, тонкому юноше с умным блеском горячих темных глаз.

Говорящий осел

Это произошло, когда князья, обозленные насмешливыми песнями певца Каймета, сговорились убить его. Бжедухский князь, которого Каймет прозвал «лысым шакалом», грозился повесить его. Темиргоевский пши, прославленный в песнях народного певца как Пожиратель чужих баранов, дал слово топить Каймета. А темиргоевский князь, прозванный певцом Пустоголовым, поклялся изжарить Каймета на костре.

Друзья, – а их было у певца немало среди простых тфокотлей, – сообщили певцу о княжеском заговоре.

– Ни одна из смертей, обещанных князьями, мне не нравится! – засмеялся Каймет. – Пусть сами князья умирают таким образом, они более достойны этого...

– Так скройся пока куда-нибудь! Подожди год-другой, пока князья забудут о тебе и привыкнут к своим прозвищам. Поживи где-нибудь тихо, – начали уговаривать друзья.

– Хорошо! – сказал Каймет, укладывая шичепшин в свой бедный хурджин. – Я уйду на время в Анапу [7]

. Авось, у Края Стола найдется несколько крошек, чтобы прокормить бедного певца.

И, распрощавшись с друзьями, он в ту же ночь по извилистым горным тропам ушел в Анапу, захваченную тогда турками,

К воротам крепости он подошел, когда первые лучи солнца позолотили серую гладь моря. Вмешавшись в толпу, певец хотел войти в город. Но у ворот стояли турецкие аскеры и с каждого входящего взыскивали серебряную монету.

– Плати! – крикнул бородатый аскер, хватая певца за плечо.

– Если ты одолжишь мне две монеты, одну из них я охотно заплачу тебе, – приветливо ответил Каймет. – А сейчас у меня нет денег.

– Так зачем же ты прешься в город, если у тебя нет ни товара ни денег? – крикнул аскер.

– Он, наверное, соглядатай, высматривающий, как легче ворваться в крепость, – решил другой аскер. – Веди его к нашему паше! Он развяжет язык бродяге.

Солдаты схватили Каймета и поволокли его во дворец пашы.

А паша в это время, гуляя по своему саду, наслаждался утренней свежестью. Медленно шаркая по песку красными, остроносыми туфлями, он прогуливался по дорожкам, совал свой горбатый нос в цветущие розы и косился на высокую каменную стену, отгораживающую его гарем. Там жило тридцать жен пашы, и сейчас он раздумывал, куда пойти? Проверить, все ли в порядке в гареме, или же посмотреть, как чувствует себя подарок султана – красивый белый осел, недавно привезенный из Стамбула. Подумав, паша направился навестить осла.

Здесь, возле стойла осла, пашу и нашли аскеры, тащившие Каймета. Почтительно склонившись до земли, солдаты доложили о подозрительном бродяге.

Паша сдвинул косматые черные брови и грозно спросил.

– Кто ты?

– Я – Каймет, певец. Пришел в Анапу порадовать тебя своими песнями.

– Я не люблю горские песни – они похожи на вой горного ветра, – брезгливо скривился паша. – Тогда я могу по другому послужить тебе. Паша недоверчиво посмотрел на худого, маленького человека в рваной одежде и спросил:

– А что ты умеешь делать?

– Все! – весело воскликнул Каймет. – Я могу ежедневно съедать два блюда твоего жирного плова. Могу тратить деньги, если ты будешь мне их давать; Я могу даже, если тебе будет угодно, достать месяц с неба или научить говорить по-человечьи этого белого осла.

– Что?! – удивился паша. – Ты берешься научить осла человеческой речи?

– Да, о могучий паша! Я берусь это уделать.

– Сколько же времени потребуется, чтобы этот осел стал разговаривать? – спросил паша.

Каймет задумчиво пожал плечами

– Одного турецкого пашу я обучил адыгейскому языку за два года. Но этот осел кажется очень сообразительным. Думаю, что через год он будет хорошо разговаривать по-турецки и даже читать коран.

– Ты мне нравишься! – воскликнул паша. Он уже представлял, как удивится султан, когда он приведет к нему говорящего осла. Конечно, за такое чудо султан сделает его повелителем целого валайета. – Что тебе требуется, чтобы обучить этого почтенного султанского осла человеческой речи? – спросил паша.

– О, совсем немного, мудрейший из мудрых! Мне нужно уединенное поместье с садом, чтобы никто не мешал нам в наших занятиях. Еще нужна хорошая пища – мне и этому ослу. И еще нужно пятьдесят серебряных монет в месяц, чтобы вознаградить меня за труд.

– Ты все это будешь иметь! – сказал паша. Ударив в ладоши, он вызвал слуг и приказал найти хороший дом, одеть Каймета в богатые одежды, ежедневно доставлять ему лучшие блюда с кухни самого паши и ежемесячно выплачивать по пятьдесят серебряных монет.

– Но если ты меня обманешь, – предупредил паша – с тебя живьем сдерут шкуру. А чтобы ты не убежал, я запрещаю выходить тебе за городские стены.

– Хорошо, о мудрый паша! – охотно согласился Каймет.

Так певец Каймет стал владельцем хорошего дома и сада, обнесенного высокой каменной стеной. Жил певец совсем не плохо – вдоволь спал, сытно кушал, гулял по саду и городу, купался в море. Единственной заботой его было почистить и накормить белого осла. Вечерами певец отправлялся в кофейню, где тайком можно было получить, кроме густого черного кофе, и густое сладкое вино. А так как Каймет пользовался расположением самого Анапского паши и имел деньги – у него появилось много друзей, особенно среди прислуги паши. Каждый вечер с ним разделяли то главный смотритель гарема, то повар, то оруженосец грозного паши. Каймет щедро угощал их вином, но сам пил только кофе.

После нескольких чашек густого сладкого вина слуги становились болтливыми, как сороки, и принимались шепотом ругать своего повелителя.

– Уж поверь мне, я все знаю, – тоненьким голосом скрипел тощий, безбородый смотритель гарема. – Наш паша украл любимую рабыню самого султана. Я сам помогал ему в этом. Он тайком притащил ее на свой корабль, и теперь она живет у него в гареме. А султан думает, что ее похитили греческие разбойники. Если донести обо всем султану, – сидеть нашему паше на колу...

– Наш паша – отравитель, – точно сало на жаровне, шипел толстенький, круглый повар. – Он насыпал яду в шербет, которым угощал своего старшего брата. Я сам готовил этот розовый шербет. Брат умер, а наш паша захватил его богатство. Если об этом узнает султан, пашу задушат, как собаку...

– Наш паша – жулик! – басом, словно ударяя в барабан, доказывал дюжий, широкоплечий оруженосец. – Он утаивает от султана одну треть всех податей...

Каймет ничего не говорил. Он только улыбался и подливал своим гостям густое вино.

А время все шло и шло. Прошумели над Анапой холодные ветры. Выпал снег и растаял. И снова зацвели белым душистым цветом яблони в анапских садах.

Как-то паша вызвал к себе певца.

– Привет тебе, о светоч султана! – приветствовал пашу Каймет и низко поклонился.

Желтое, жирное лицо паши было мрачным.

– Мне скучно, – проговорил паша, поерзав задом по алым шелковым подушкам. – Расскажи, как идет обучение осла? Через месяц ты приведешь его ко мне.

Лицо Каймета стало испуганным.

– Не знаю, как и сказать тебе это, о цвет турецких воинов, – робко начал он.

Черные глаза паши засверкали злобой.

– Ты обманул меня, презренный раб! – закричал он. – Осел не умеет разговаривать?

– О нет, могучий паша! Хуже!

– Что хуже? Может быть, драгоценный осел султана умер из-за твоего плохого ухода?

– О нет! Еще хуже!

– Что же? Что? – прохрипел паша, схватив певца за ворот халата. – Говори!

– Осел султана заговорил... Он говорит чище, чем мулла в Анапской мечети. Но он рассказывает страшные вещи! – зловещим шепотом проговорил Каймет.

– Что? Что говорит этот проклятый... – Паша закашлялся. – Я хотел сказать – этот уважаемый султанский осел?

Каймет нагнулся к волосатому уху паши и прошептал:

– Он говорит, что ты, паша, похитил самую любимую рабыню султана и прячешь ее в своем гареме.

Паша вздрогнул и откинулся на мягких подушках, словно увидев змею.

– А еще он говорит, что ты, о светлый паша, каждый месяц присваиваешь треть всех податей...

У паши отвисла нижняя челюсть, и он стал дышать отрывисто, с хрипом.

– И еще этот белый осел утверждает, что ты подсыпал смертельный яд в шербет своего старшего брата... Это был розовый шербет, говорит осел... А когда твой брат отправился к аллаху, ты захватил все его богатства.

Паша дрожащей рукой схватился за жирную шею, точно ее уже перехватил зловещий черный шнурок. Несколько минут он молчал, вздрагивая, как побитый пес. Затем он ласковыми глазами взглянул на Каймета и сделал вид, что смеется.

– Ха-ха-ха! Какие глупости говорит этот уважаемый осел! – выговорил наконец паша. – Но все-таки он говорит! Я вижу, что ты – великий мудрец, о Каймет... А интересно, сможешь ли ты теперь отучить осла разговаривать?

– Это очень трудно! – грустно покачал головой Каймет. – Легче убить осла.

– Что ты, что ты! – замахал руками паша. – Этот осел подарен мне самим султаном. Сколько времени тебе потребуется, чтобы отучить осла от человеческой речи?

– Я думаю, что года будет достаточно! – задумчиво ответил певец.

– Хорошо! – кивнул головой паша. – Тебе, как прежде, будут доставляться лучшие блюда с моего стола. Ты будешь получать свои пятьдесят серебряных монет в месяц. Иди! Смотри, чтобы ни одна душа не беспокоила этого мудрого белого осла!

Пряча улыбку, певец вышел из дворца паша.

И снова Каймет гулять по Анапе, купался в море, тешил себя беседами с поваром, смотрителем гарема и оруженосцем паша.

Но теперь паша каждый месяц звал к себе Каймета и спрашивал:

– Ну, как поживает почтенный белый осел?

– Хорошо! – отвечал певец. – Он забывает турецкую речь, и у него улучшается аппетит.

Опять отшумело зим ними штормами море, и под теплым солнцем раскрыли розовые лепестки абрикосы в анапских садах.

Как-то вечером в кофейне повар предупредил Каймета:

– Не ешь завтра плова, который тебе пришлют из дворца. Паша приказал вместо шафрана посыпать его ядом.

– Спасибо! – поблагодарил Каймет и налил повару большую чашу вина.

На следующее утро певец без вызова пришел к паше.

– Приказание твое выполнено, о мудрейший из мудрых! – кланяясь, сказал Каймет. – Белый осел больше не разговаривает. Но прежде, чем потерять дар речи, он предупредил меня, что кто-то из твоих слуг сегодня хочет посыпать ядом мой плов. А я в свое время записал все, что рассказывал мне мудрый султанский осел. Эту бумагу я передал своему верному другу. И если я внезапно умру, мои записки будут отосланы могучему султану. – Паша заскрежетал зубами от ярости, а Каймет продолжал. – Но я думаю, что этого не случится! Прощу тебя, о справедливейший повелитель, о роза моего сердца, дать мне двух коней, и я сегодня же отправлюсь в свой аул. Там я

брошу в огонь записи, хранящиеся у моего друга. А осла ты можешь спокойно поставить в свою конюшню: если он проговорит хотя бы одно слово, то я – клянусь тебе своей матерью – сам вонжу себе в сердце кинжал.

Вечером Каймет на отличном коне въехал во двор сакли своего друга. Другая лошадь везла хурджин с турецким серебром.

Когда в сакле собрались друзья певца, он разделил между ними серебро и сказал:

– Это вам подарок от белого осла султана и анапского паши.

Потом он взял свой шичепшин и запел песню о глупом паше и умном белом осле, который умел разговаривать по-турецки.

Все слушали своего любимого певца и весело смеялись.

Мудрость каймета

У доброй славы широкие крылья, и она далеко летит по земле. Певец Каймет был простым крестьянином – тфокотлем, но многие князья-пши завидовали его славе. Песни Каймета пели в любом адыгейском ауле – от Двух рек, сливающихся у моря, до мрачного и дикого бурного Уруштена. Острые, как стручки красного перца, шутки певца передавались от человека к человеку. Простые люди смеялись, а орки и пши злобно шептали проклятья.

Родной аул Каймета гордился своим сыном, и каждый аульчанин считал, что луч славы, освещающий певца, согревает своим светом и его. Как-то, сговорившись между собой, аульчане построили рядом со старой, покосившейся хатенкой Каймета, просторный дом для своего любимого певца.

Конечно, этот простой дом со стенами, сделанными из турлука, с камышовой крышей, не был так роскошен, как каменные замки пши. Но для Каймета не было и не могло быть лучшего дома, потому что в нем каждая балка, каждый кусок глины говорили о драгоценной народной любви.

– Спасибо, дорогие земляки! – Каймет низко поклонился аульчанам. – Моему сердцу тепло от вашей заботы, Пусть в этом доме, построенном вашими руками, рождаются хорошие, звонкие песни! Пусть каждую осень, когда закончится уборка урожая и стада спустятся с гор, в этом доме будут собираться певцы из всех аулов Адыгеи и пусть они здесь обмениваются своими лучшими песнями. Ведь песня – это птица свободы и счастья, она украшает жизнь и зовет вперед.

С той поры каждую осень в ауле происходили состязания народных певцов адыгейской земли. И много добрых, светлых и звучных песен разлетелось отсюда по горам Кавказа.

В эту осень собрание певцов было особенно многолюдным. В гостеприимный дом Каймета приехали шапсугские, абадзехские, бжедугские,

темиргоевские, натухаевские и даже кабардинские певцы. Они дружно жили в новом доме, а гостеприимный хозяин перебрался в свою старую хижину, где хранилась у него кукуруза и был выкопан погреб для охлаждения кислого айрына и бодрящей, освежающей бузы.

В первый день состязаний двадцать певцов сели в круг под высокой старой грушей. Их окружили внимательные, почтительные слушатели.

О разном пели певцы. О чистых снегах горных вершин, к которым ласкаются белые облака. О бесстрашных воинах-джигитах, борющихся против жадных князей. О черных, как южная ночь, глазах горских красавиц, взгляды которых ранят сердца юношей. О холодных, прозрачных струях буйной Шхагуаше. Об адыгейских скакунах, быстрых, как ветер, и верных, как стальной клинок.

Особенно отличились в первый день два певца – тонколицый старик-кабардинец и статный молодой певец, пришедший из земли темиргоев. Старик пел о красоте и свежести горных долин родной Кабарды. И такие верные, горячие слова выговаривали его старческие губы, так светились его глаза, что песни находили путь к каждому сердцу. Юноша пел не так. Его красивое лицо перекашивалось злой и горькой усмешкой, взгляд оставался холодным и мрачным. Гортанным, высоким голосом он бросал едкие слова о жадности и глупости одного пши, который попытался доить облака и оседлать горный ветер. Каждая строфа этой песни кончалась одной фразой: «А ваш князь не такой же?»

Народ горячо приветствовал эту песню и попросил певца пропеть ее во второй раз.

Каймет наслаждался пением молодого гостя, когда кто-то осторожно тронул его за плечо. Певец обернулся. За его спиной стоял старый и верный друг Магамуд, певец из бжедугской земли. Его загорелое лицо, окаймленное рыжей бородой, выглядело усталым и мрачным. Он шепотом попросил Каймета отойти в сторону.

– Я счастлив видеть тебя, о мой друг Магамуд, – ласково проговорил Каймет, когда они отошли к плетню.

– Здоров ли ты? Звонко ли твой голос?

– Страшная тяжесть свалилась с моего сердца, когда я увидел тебя живым и здоровым, любимый брат мой, – взволнованно ответил Магамуд.

– А что со мной может случиться? – беззаботно рассмеялся Каймет. – Я пою мои песни, и они очищают мне кровь...

– И рождают злобных и коварных врагов.

– О чем ты говоришь, друг?

– Я узнал, что темиргоевский пши, которого ты прославил, как пожирателя чужих баранов, решил отомстить тебе. Он нанял какого-то разбойника-тугоруга, который должен пробраться на это празднество и ночью убить тебя ударом кинжала. Люди говорят, князь убедил тугоруга, что у тебя много турецкого серебра, полученного от анапского пши. И еще он обещал за твою смерть двадцать лучших коней из своих табунов.

– Ого, как дорого ценит темиргоевский пши одну мою песню, к тому же не лучшую, – рассмеялся Каймет.

– Не будь беззаботным, друг! – встревоженно воскликнул Магамуд. – Злоба пши – это коварная змея, а кинжал – ее жало! Надо узнать, кто пришел к тебе из земли темиргоев.

– Я знаю. Оттуда пришло четверо.

– Так надо следить за ними.

– Ни за что! – Каймет схватил друга за руку. – Эта слезка может обидеть моих гостей. А я считаю, что лучше простить двадцать негодяев, чем оскорбить одного хорошего, честного человека.

– Но для того, чтобы лишить тебя жизни, достаточно только одной руки, только одного негодяя. Здесь много твоих лучших, проверенных друзей. Мы по очереди каждую ночь станем охранять тебя.

– Не надо, брат мой! Клянусь тебе, что у меня будет самая верная охрана.

– Какая?

– Черные мысли предателя, решившего нарушить священный закон соли и каши [8].

– Да, негодяй, согласившийся отплатить за гостеприимство смертью хозяина, может иметь только черные мысли. Но я не понимаю, как мысли злодея могут уберечь тебя от опасности?

– Они разоблачат его.

Магамуд недоуменно пожал плечами. А Каймет, по-прежнему веселый и беззаботный, быстрым и легким шагом направился к своим гостям.

В полдень, приглашая гостей к обеду, Каймет сказал им:

– Дорогие друзья! Я не богат и за моим столом нет множества блюд. Но хозяйки нашего аула умеют готовить замечательный шепси, и вы сегодня попробуете его. Простой айрян прекрасно освежает горло и придает свежесть мыслям. А самое главное, что есть за нашим столом и чего нет у князей, – это хорошая, верная дружба. Гости одобрительно зашумели, но Каймет поднял руку, показывая, что он еще не кончил говорить. И все смолкли.

– Дорогие гости! – продолжал он, – Вы знаете, что гость всегда радуется сердцу адыга. Я счастлив, что у меня сегодня столько гостей. Прошу их чувствовать себя в моем доме не гостями, а хозяевами. В комнатах достаточно мягких ковров и войлоков. Во дворе – колодец со сладкой студеной водой. За домом – сад, и груши из этого сада славятся своим вкусом и сочностью. Все это – ваше, дорогие гости! О конях своих – не беспокойтесь, наши юноши считают для себя честью ухаживать за ними. У меня есть только одна единственная просьба к дорогим гостям. – Каймет обвел внимательные лица гостей веселым, открытым взглядом. – Невзгоды и лишения молодости повредили мое здоровье. С тех пор, когда ночью, во время моего сна, кто-нибудь подходит ко мне или касается меня, я

просыпаюсь в таком ужасе, что потом болею несколько дней. Я понимаю, что это недостойно джигита, но все же прошу ночами не входить в мою жалкую хижину. Если я потребуюсь дорогим гостям – пусть они крикнут мне – дверь моей хижины всегда открыта. А теперь – прошу всех подкрепить свои силы.

– Я не понимаю тебя, Каймет! – мрачно прошептал на ухо другу Магамуд. – Зачем ты сказал, что спишь с открытой дверью? Ведь я знаю, что это правда. Зачем же облегчать путь негодяя?

– Черные мысли предателя спасут меня, – снова ответил Каймет и повел Магамуда к почетному анэ [9].

После обеда гости вновь уселись в круг под старой ветвистой грушей. И опять зазвенели шичепшины и полились песни, от которых люди то хмурились, то улыбались, то гневно сжимали кулаки, то ощущали в своих сердцах радость или нежность.

А когда запел худощавый молодой бжедуг в латаной домотканой черкесске, люди затаили дыхание. Голос певца, задушевный и мягкий, сразу нашел себе дорогу к человеческим сердцам. Юноша пел о радости, которую доставляет человеку труд, о том, что посадивший и вырастивший для людей хотя бы одно дерево уже не напрасно прожил свою жизнь, потому что путники, отдыхающие под этим деревом, добрым словом вспомнят человека, посадившего его.

Когда юноша кончил свою песню и в вечерней тишине смолк последний слабеющий звон струны шичепшина, люди еще несколько минут молчали, и песня жила в их сердцах. Потом все сразу начали хвалить певца.

– Счастлива мать, вскормившая тебя, о бжедугский соловей! – растроганно сказал старейший певец, пришедший из Двуречья.

– Я хочу сказать тебе, мой юный друг, словами твоей же песни – тот не напрасно прожил свою жизнь, кто сложил хоть одну такую песню! – горячо воскликнул Каймет.

– А мне не нравится эта песня! – вдруг проговорил чей-то мрачный голос.

Все оглянулись на молодого певца из земли темиргоев, сказавшего эти слова.

– Чем же тебе не нравится эта мудрая и звучная песня? – тихо спросил старейший певец.

– Она плоха тем, что зовет садить новые сады для князей и орков, – гневно ответил юноша, и тонкое лицо его перекопилось злобной и горькой усмешкой. – Не сажать новые деревья, а рубить старые должны мы звать народ! Пусть проклятые пши и орки или сами работают на себя, или сдыхают от голода на голой, опустошенной земле.

– По-твоему, если в твою черкеску заполз клещ, то следует сжечь всю одежду? Разве это мудро? – спокойно спросил Каймет.

– Если клещ присосался к моему телу, я выжгу его?

– Ты выжжешь клеща, а не тело.

– Я не могу дышать спокойно, пока эти клещи – пши и орки сосут кровь моего народа! – запальчиво выкрикнул молодой певец, и плотно сжатые губы его передернулись.

«Да, наверное, темиргоевские пши и орки сломали жизнь этого джигита!» – сочувственно подумал Каймет, а вслух сказал:

– Все пши – смертны, один народ – бессмертен. Счастлив, кто служит не пши, а своему народу.

Синие сумерки поползли из горных ущелий. На снеговых вершинах остывали последние поцелуи вечерней зари. В этот час гости Каймета вернулись в его дом.

Проверив, все ли гости имеют удобные места для отдыха, посмотрев, сыты ли кони приезжих, Каймет вошел в свою старую, покосившуюся хату, и скоро его ровное дыхание, доносящееся из открытых настежь дверей, Сказало о том, что хозяин дома спокойно уснул.

Только серебряная луна видела, как из большого дома, крадучись, вышел закутанный в бурку человек. Он бесшумно подошел к открытым дверям хаты, покачал головой и, отойдя в тень, лег на землю, завернувшись в бурку.

Луна медленно спускалась к вершинам деревьев. В ночной тишине слышался только глухой шум реки да редкий лай собак.

«Ночь проходит, а никого не видно! – подумал Магамуд, плотнее запахивая свою бурку. – Может быть, этот мерзавец-тугоруг не решился проникнуть в дом Каймета?»

Когда луна скрылась за деревьями, Магамуд уснул. Он не видел легкой тени, бесшумно крадущейся по двору.

Тень проскользнула к открытым дверям хаты и из-за косяка заглянула внутрь. Но самый острый взгляд ничего не сумел бы разглядеть в густой темноте. Тень протянула руку к поясу, и в свете звезд тускло блеснула сталь кинжала. Еще раз оглянувшись вокруг, неизвестный шагнул внутрь хаты.

Глухой шум и чей-то испуганный крик заставили Магамуда вскочить с земли. Выхватив кинжал, он бросился к дверям хаты.

– Каймет! Друг мой! Ты жив? – крикнул он.

– Стой! Остановись, мой брат! – ответил из темноты спокойный голос Каймета. – Не входи ко мне, иначе ты тоже упадешь в открытый погреб. Подожди! Я сейчас зажгу свет, и мы посмотрим, кого черные мысли привели в мой погреб.

В темноте слышались ровные удары железа о камень, и брызнули искры. Когда загорелся светильник с бараньим салом, его желтый огонь осветил хату и обрисовал возле двери черный квадрат открытой ямы погреба.

Каймет сбросил в погреб деревянную лестницу и крикнул:

– Княжеская собака, вылезай из ловушки! Магамуд щелкнул курком пистолета.

Из темной ямы медленно, пряча лицо в поднятых ладонях, вылез человек.

– Нет, ты покажи нам свое лживое лицо! – воскликнул Каймет. – Я хочу видеть шакала, который нарушает святость соли и каши!

Он поднес светильник к лицу неизвестного и удивленно откинулся назад.

– Ты?! – крикнул он.

У края погребка стоял молодой певец, проклинавший князей и орков. Его лицо, перекошенное смертельным страхом, потеряло свою привлекательность.

– Собака, которая лает громче всех, всегда трусливее и воровитее своих собратьев! – с холодным презрением проговорил Магамуд. – Сейчас я кликну людей и пусть они решат, как поступить с тобой, предатель!

– Не надо! – махнул рукой Каймет. – Из-за одной собаки не стоит портить отдых многим хорошим людям, Пусть он берет своего коня и убирается вон! Пусть идет доедать объедки пожирателя чужих баранов! – Каймет рывком захлопнул крышку погребка и приказал: – Иди!

Согнувшись, предатель выскользнул из хаты,

– Подожди! Я провожу тебя! – сказал Магамуд. Через несколько минут у конюшни, где стояли кони гостей, послышалась какая-то возня и крик. Потом по двору пронесся всадник. Конь перепрыгнул через плетень и унес беглеца в предутренний сизый туман.

– Когда хозяин хочет сделать собаку злой, он отрезает ей ухо, – сказал Магамуд и бросил за плетень, в бурьян, какой-то небольшой предмет. – Потом он подошел к Каймету и крепко, дружески сжал ему плечи. – А ты прав, мой брат! Черные мысли привели негодяя в ловушку!

– Я так и думал! – скупно улыбнулся Каймет. – Друг после моего предупреждения не войдет ночью в мою хату. Войти может только враг. И для врага я открыл свой глубокий погреб...

Лаго и Наки

Там, где суровый белопенный Дах, бушующая, несет по ущельям свои злые волны, жил когда-то старый князь-пши. Вся его жизнь проходила в кровавых битвах с соседями, в налетах и нападениях. Был он груб и безобразен, жесток и жаден. Точно коршун-стервятник с птенцами жил он со своей дружиной в каменной башне, и не встречалось человека, который мог бы выдержать его холодный, безжалостный взгляд.

Как-то весной грозный князь отправлялся в поход. Сдвинув мохнатые брови, опустив голову в дорогой папахе, ехал он впереди дружины, безразлично поглядывая на согнутые в поклонах спины жителей аула. И вдруг девушка, стоявшая в толпе женщин, чуть-чуть приподняла голову и бросила на него любопытный взгляд. Пши успел заметить только большие черные глаза. От мимолетного взгляда девушки что-то дрогнуло в жестоком

сердце старого пши, и он вдруг почувствовал, как прекрасна весна, как чист прохладный горный воздух, как свежа молодая зелень и прозрачно голубое небо.

Князь остановил коня и приказал всем женщинам выпрямиться. Жадно, ненасытно всматривался он в тонкое девичье лицо, в сросшиеся черные брови, под которыми сияли глаза. Он смотрел на девушку, как змея на птичку, и что-то вроде улыбки промелькнуло на его суровом лице.

– Кто ты? – спросил князь.

– Я – Наки, дочь твоего пастуха, – ответила девушка.

– Наки?! Хорошо! Готовься, Наки, стать моей женой. Скучно и холодно в моем орлином гнезде. Ты согреешь его своей красотой.

– Тесно будет вольной ласточке в твоём каменном гнезде, князь.

– Привыкнешь!

– Но я не люблю тебя, князь...

– А мне какое дело... Ты понравилась мне... Вернись из похода, отпразднуем свадьбу...

– Не нужно, князь! Мне лучше в Дах броситься, чем стать твоей женой, – сверкнула глазами девушка.

Пши нахмурил брови и в гневе дернул коня за узду так, что резвый скакун затоптался на месте.

– Как смеешь ты, девчонка, спорить со мною, князем! Взять ее и отвезти в башню! Пусть там ждет меня.

Дружинник выхватил Наки из толпы женщин, бросил перед собой на седло и поскакал к башне. А старый пши продолжал свой путь.

Этот поход был неудачным для князя. Ночью, когда пши и его дружинники с грозными криками ворвались в чужой аул, навстречу им бросились отважные джигиты с мечами и кинжалами.

– Бейте разбойников! Пусть забудут они дорогу к нашему мирному аулу! – кричали джигиты, тесня воинов старого пши.

Сам пши получил много ран и, слабея, сказал своим воинам:

– Держите меня, я падаю... Отступайте! Спасайтесь! Двое дружинников подхватили раненого князя, другие торопливо повернули своих коней. Стаей испуганных воронов вылетели они из аула и помчались обратно.

Еле живой, стонущий, окровавленный, завернутый в бурку, трясся старый пши на коне, и двое всадников поддерживали его, чтобы он не свалился с седла.

На горной тропе дружинники встретили одинокого юношу в поношенной черкеске из грубого домотканого сукна, с каким-то длинным свертком за плечами.

– Кто ты?! – закричали на него воины.

– Я – певец Лаго! – ответил юноша. – Я хожу из аула в аул и пою песни о свободе...

– Ах ты, сын шакала! – зашумели дружинники. – Ты призываешь народ бороться против нас, орков, и наших князей!

– Свяжите его! Мы бросим его в подземелье нашей башни. А когда выздоровеет князь, он повесит этого молодца, чтобы все знали, как поступают с бунтовщиками, выступающими против княжеской власти, – приказал старый княжеский слуга – уздень.

Воины скрутили юноше руки и заставили бежать за своими конями.

Только в башне, выставив дозоры и караулы, дружинники стали осматривать раны старого пши. Суровые воины качали головами, глядя на изрубленное тело князя. Он лежал окровавленный и бледный. – Тут ничего уже не сделаешь, саван надо готовить, – сказал кто-то.

Когда воины стали промывать раны пши, он прогнал их и осыпал проклятиями:

– Ваши руки грубы, как когти барса! Они причиняют мне нестерпимую боль...

Князь вздохнул и приказал:

– Позовите эту девушку... Наки... Пусть она перевяжет мне раны...

Один из воинов за косы притащил Наки и сказал:

– Лечи нашего князя! Перевяжи его раны! Девушка гордо взглянула на угрюмых воинов и ответила:

– Не буду я лечить зверя, терзающего мой народ и лишившего меня свободы!

– О Наки! – простонал князь. – Я слаб и бессилён! Помоги мне, и клянусь тебе, что, если ко мне вернется здоровье, я отпущу тебя на свободу... Я сделаю все, что ты захочешь...

– Помни свои слова, князь! – сказала Наки.

Она осторожно промыла студеной чистой водой кровавые раны князя, а потом приложила к ним повязки, смоченные хмельным айрянном...

А певец Лаго в это время лежал на жестком каменном полу в маленькой камерке, куда его заперли княжеские дружинники. Немного отдохнув, он осторожно развернул сверток, который был у него за плечами, и достал оттуда простую скрипку-кяманчу. Взглянув на узкий луч заходящего солнца, проскользнувший через узкую бойницу, юноша провел смычком по струнам, и кяманча запела.

Она пела о том, как солнечные лучи играют на ледяных шапках гор, как шумят в долинах могучие дубы, как журчат ручьи – светлые, прозрачные и холодные... Она пела о радости жизни, о любви и счастье...

Никогда еще древняя башня не слышала таких звуков. Старому князю показалось, что вернулось далекое детство, что его мать склонилась над ним и серебристым голосом поет ему колыбельную песню. Эта песня успокаивала душу и даже раны перестали гореть. И будто прохладные материнские руки легли на его разгоряченный лоб.

– Что это? – прошептал удивленный пши.

– Это скрипит на кяманче наш пленник, – ответил один из дружинников. – Я пойду и разобью его кяманчу, чтобы она не мешала тебе.

– Не надо! – приказал князь. –

Пусть играет! Эта песня успокаивает боль моих ран...

Старый князь спокойно уснул, и две слезы, выкатившиеся из закрытых глаз, поползли по его лицу.

А кьяманча пела и пела.

С трепещущим сердцем слушала Наки нежные певучие звуки. Она закрыла глаза, и ей показалось, что вокруг нее шумит молодыми травами горная долина. Качают своими головками голубые колокольчики, цветет розовый шиповник и капельки росы дрожат между золотистыми тычинками его цветов. Свежий ветерок, прохладный и ароматный, шевелит ее волосы...

Когда все воины уснули, Наки осторожно подкралась к крепкой двери, из-за которой лились сладкие звуки кьяманчи. Дверь была заперта на тяжелый замок, но Наки заглянула в маленькое окошечко, прорезанное в толстых досках, и спросила:

– Кто ты?

– Я – певец Лаго! – ответил юноша.

– Играй еще! – воскликнула девушка, всматриваясь в тонкое лицо юноши, освещенное ее факелом,

– Освободи меня! – попросил Лаго.

– Дверь твоей темницы заперта тяжелым замком, а у меня нет ключа, – сказала Наки. – Но ты потерпи скоро мы оба будем на свободе. Старый пши обещал освободить меня и выполнить все мои просьбы, если я вылечу его...

– Не верь ему! – нахмурил брови юноша. – Волк, когда он слаб, притворяется ягненком. Но как только к нему вернуться силы – он снова станет волком! Достань ключ от моей темницы...

– Не могу: ключ у старого узденя – слуги князя.

– Ну, тогда принеси мне острый кинжал.

– Зачем? – удивилась девушка.

– Я не верю князю и хочу сам освободиться из темницы...

– Жди меня! – прошептала Наки и легкой тенью скользнула по каменной лестнице.

Снова запела кьяманча. Теперь она пела о том, как пленительны и задумчивы южные ночи, когда в горах шелестят своими листьями спящие деревья и синий звездный полог неба прикрывает землю. От плавных звуков кьяманчи еще крепче заснули дружинники князя.

Наки осторожно вытащила у одного из спящих кинжал и вернулась с ним к двери темницы.

– Вот кинжал! Возьми! – прошептала она. Юноша жадно схватил оружие. И вдруг его горячая ладонь коснулась нежной руки девушки. И незримый сладостный ток пробежал из одного юного сердца в другое...

Медленно выздоравливал старый пши. Наки, надеясь на освобождение, заботливо ухаживала за ним. Тонкие пальцы девушки умело перевязывали раны. И глаза жестокого старика, казалось, с благодарностью, мягко смотрели на девушку.

Ночами, когда в башне все засыпали, Наки бесшумно пробиралась к заветной двери. И случилось так, что, не произнося слов любви, юноша и девушка хорошо понимали друг друга.

«Я тебя люблю!» – говорили светлые глаза юноши.

«Я жить без тебя не могу!» – отвечали темные очи Наки.

А волшебная кьяманча разжигала эту любовь нежными и сладкими звуками.

Чем крепче и здоровей становился старый пши, тем реже кьяманча вызывала слезы на его глазах. Старик уже снова мечтал о набегам, о пламени пожаров, о мести, о горячей крови, обогряющей шашку. И на девушку пши уже смотрел по-иному – хищно, жадно и сурово.

Холодный горный ветер срывал с кленов последние золотистые листья, когда старый князь впервые вышел из башни. Он долгопил свежий бодрящий воздух, запахи осенней земли и неотрывно смотрел на далекую синеватую цепь гор, за которой жили его враги. Потом он вернулся в башню, исподлобья взглянул на Наки и прохрипел:

– А ты еще красивее стала! Хорошо! Я уже выздоровел, через три дня свадьба.

– Разве ты забыл свои обещания, о пши?! – удивилась девушка. – Ты же обещал отпустить меня и выполнить все мои желания.

Но старик рассмеялся скрипучим смехом и ответил:

– Только дураки выполняют то, что обещают... Слова – это ветер. Через три дня свадьба.

В этот вечер, точно мать, потерявшая ребенка, стонала и плакала кьяманча.

А глубокой ночью Лаго и Наки исчезли из башни. Неслышными тенями промелькнули они мимо дозорных, и первая метель скрыла следы влюбленных.

Старый пши затрясся от бессильной злости и во все стороны разослал дружинников с приказом разыскать беглецов. Но только ранней весной один из воинов напал на их следы. Есть между двумя хребтами дикое, заросшее лесом и травами, плоскогорье. Здесь-то, в глухой пещере, и укрылись влюбленные.

Пылая гневом и яростью, старый князь во главе своей дружины поскакал ловить Лаго и Наки.

В лесу набухали пушистые, пахучие почки. Под теплым солнцем расправляли свои цветы подснежники. Везде звенели говорливые ручьи.

Но пши не видел этой весенней красоты. Черная злоба бушевала в его сердце и туманила глаза.

Сердито зашептались молодые дубы, когда старый князь и его дружина, бряцая оружием, мчались через лес. Сурово зашумели горные потоки. Ясное солнце скрылось в облаках.

Точно стая бешеных волков,
Примчались воины к горной речке, за которой начиналось плоскогорье.
Питаемая весенними ручьями, речка стала многоводной и бурной.

– Придется, князь, ждать, пока спадет вода, – сказал один из воинов.

– Трус! – крикнул пши. – Ты боишься даже воды... И он направил коня в реку. Огромный вал чуть не

опрокинул скакуна. Конь с трудом выбрался обратно на берег, а князь закричал хрипло и свирепо:

– Согнать людей из ближайших аулов! Пусть сегодня же они построят здесь мост!

Через несколько часов, подгоняемые воинами, к потоку пришли старики и молодые люди. Испуганно ежась под грозным взглядом князя, не осмеливаясь даже взглянуть ему в лицо, они принялись пилить деревья.

И тут на другой стороне речки показались Лаго и Наки. Они шли, взявшись за руки, с ясными глазами, молодые и красивые. Как любимого ребенка, прижимал Лаго к сердцу свою кяманчу.

– Вот они, бродяги, осмелившиеся обмануть меня, грозного пши, – закричал князь. – Я повешу тебя, скверный скрипун! Я разобью о твою голову кяманчу! А тебя, Наки, я за косы притащу в свою башню!

– Почему ты сердишься, князь? Мы любим друг друга, – смело глядя в глаза разгневанному пши, крикнул Лаго.

– Да, мы любим друг друга, – повторила Наки. Разве мы не родились свободными? Разве нам может кто-нибудь запретить любить друг друга?

– Слушай, князь! Слушайте, люди! Я спою вам песню о любви!

Лаго сел на берегу и тронул смычком струны кяманчи. Весенним ручейком полилась нежная песня. Она говорила о светлой радости, пробудившейся в двух молодых сердцах, о юности, о весне, о счастье.

Даже шумный поток, казалось, присмирел, слушая песню. От этих звуков закачались веточки деревьев, лопнули почки и первые клейкие листочки протянулись к солнцу. И запуганные люди, пилившие лес, вдруг почувствовали, как хорош солнечный весенний день, как хочется им любви и счастья.

Только старый пши не понял песни.

– Перестань напрасно скрипеть, дурак, – крикнул он. – Какое мне дело до твоей любви! Я хочу, чтобы Наки жила в моей башне!

– О пши! Вспомни, кто вылечил тебя от смертельных ран! Кто долгими ночами не спал у твоего ложа, отгоняя смерть, – проговорила Наки.

– Неужели ты, пши, не знаешь чувства благодарности и дружбы? – спросил Лаго. – Слушай, я тебе спою об этих чувствах!

Снова зазвенела кяманча. Песня рассказывала о том, как хорошо иметь верного друга, преданного и любящего, мужественного и бескорыстного. И от этой песни буйный поток, казалось, теснее и мягче прижимался к скалам, и руки людей сплетались в крепком пожатии.

Но ничто не дрогнуло в иссохшем сердце старого пши.

– Перестань, глупец, терзать эти бараньи жилы, – закричал он. – Только дураки испытывают чувство благодарности. Страх всегда сильнее дружбы. Посмотрим, как ты будешь мне благодарен, когда станешь корчиться на веревке!

– Если ты, пши, не ценишь любви, не знаешь дружбы и благодарности, то ты не человек! Даже зверь не кусает руку, ласкающую его! – крикнул Лаго и вновь провел смычком по струнам.

Гневно и громко запела кяманча. Она будила в сердцах людей любовь к свободе, разжигала пламя гнева и отваги. Вторя песне, одетая в белую пену, гремела река, дрожали и гудели скалы.

Сжимая топоры и лопаты, люди столпились на берегу, с негодованием глядя на старого князя. И они увидели, что перед ними просто старик, сердце которого источила ненависть и пустая гордость.

– Мы не будем строить тебе мост, о пши, – крикнул рослый адыг в дырявом тулупе.

– Оставь в покое, князь, Лаго и Наки! Они любят друг друга и пусть будут вместе, – прямо в лицо пши бросил молодой смуглолицый парень.

– Я тебе покажу, как бунтовать! Бейте его, бейте этих рабов, воины! – в страшной ярости закричал князь, поднимая нагайку.

Но взглянув на острый топор, подрагивающий в мускулистой руке парня, увидев, как поднялись над толпой лопаты и колья, князь повернул коня и с дружинниками помчался к своей башне...

Когда спала в реке весенняя вода, десятки юношей и девушек ушли из аулов на плоскогорье. Они положили начало племени свободных людей, никогда не покорявшихся княжеской власти.

А суровое плоскогорье в верховьях бурной реки Дах с тех пор зовется в честь двух любящих, чистых и смелых людей – Лагонаки.

Золотая сула

Там, где бурная горная речка Зеленчук вливается в широкую Кубань, в стародавние годы поселился молодой казак Павло – могучий и стройный, как юный дубок. А на другом берегу шумливого Зеленчука жил тонкий и гибкий адыг Ахмет.

Не было вначале у соседей никаких споров-раздоров. Жили они дружно и случалось, что помогали друг другу в работе на полях, в охоте на дичь лесную или на рыбалке, когда требовалось тащить тяжелую сеть.

Но не понравилась эта соседская дружба хитрому бесленеевскому князю-паши и его друзьям – туркам.

Прежде всего подослали они к Ахмету седобородого шакала – муллу. Пришел мулла в саклю к Ахмету и давай ему наговаривать на русского – и такой он, и сякой, и в аллаха не верует, и землю адыгейскую хочет захватить, и самого Ахмета убить собирается.

Хоть и не всему поверил Ахмет, но стал смотреть на соседа с подозрением. Как-то, когда пошел Ахмет на охоту, вдруг прожужжала возле его уха пуля.

– Это казак в тебя выстрелил, я видел! – сказал пши, который оказался поблизости.

– А зачем русскому стрелять в меня, о пши? – спросил Ахмет. – Я ему никакой обиды не чинил...

Забегали глаза у пши, пожевал он губами и ответил:

– Разве ты не знаешь, Ахмет, что русские только и думают о том, как бы адыгов уничтожить. Не может быть у нас с русскими мира...

Потом посмотрел князь на старое ружьишко Ахмета и добавил:

– Э, плохое у тебя ружье, Ахмет... Я тебе новое сегодня пришлю в подарок. Хорошее ружье – турецкое... За двести шагов казаку голову пробьет...

Вскоре загорелась у Ахмета кукуруза. Только прибежал он на поле – вдруг видит, идет к нему навстречу мулла, трясет седой бородой и приговаривает:

– Аи, аи! Это русский поджег! Я сам видел, как бежал он от твоего поля к реке.

Распалился адыг, завелась в его сердце черная змея ненависти к соседу-казаку. Подкараулил он как-то Павла и выстрелил в него из своего мултука. Сбила пуля шапку с головы казака.

«Что он злобствует? – подумал Павло про своего бывшего друга. – Я ему ничего плохого не сделал, а он меня убить пытается!»

И стал казак тоже носить с собой ружье, выслеживать адыга.

Все больше и больше, как степной пожар, разгоралась вражда у соседей. И Ахмет, и Павло работу бросили, почернели от ненависти. Все хозяйство у них прахом пошло, поля бурьяном заросли, скот по лесу разбрелся. А соседи змеями в камышах ползают, друг друга подстерегают...

Как-то по весне, когда сула поднимается вверх по рекам икру метать, лежал Ахмет на крутом берегу Зеленчука. Селезни перекликались в зеленых молодых камышах, свежая трава пела песни ветру, горячее солнце купалось в прозрачной речной воде. Но молодой адыг, нахмутив густые брови, угрюмо смотрел на другой берег да протирал кремни на ружье. Вдруг кинул он взгляд в глубокий омут под обрывом и вздрогнул. Между карчами в воде, пронизанной солнцем, играла большая сула. Она ныряла под каряги, взмывала, вверх, плескала хвостом, и чешуя на ней играла красным червонным золотом. И вспомнил тут Ахмет старую сказку о золотой суле, что раз в сто лет заплывает в Кубань метать икру-червонцы. «Верных полпуда золота есть в такой рыбине! Вот бы поймать ее да продать. А за деньги даст мне князь свою дружину, нападу я на казака и убью его!» – подумал Ахмет и бегом помчался к своей сакле за снастью.

Схватил он крепкую леску из белого конского волоса со стальным крючком и свинцовым грузилом. Потом трясущимися руками откопал в навозе крупного червя, насадил его и побежал обратно к обрыву.

«Ушло, небось, золотое счастье мое!» – тревожился он.

Глянул в воду: нет, играет золотая сула, ловит ртом ясные солнечные лучи и глаза у нее блестят, как камни самоцветные.

Забыл Ахмет про врага, обо всем забыл, когда закидывал удочку.

Проплыла золотая сула мимо приманки, не взглянув на нее.

Вздыхнул адыг и чуть пошевелил легкое ореховое удилище. Червяк выгибаться начал, вытянулся, но сула только хвостом его задела и ушла вглубь.

Ахнул от досады Ахмет и опять пошевелил удочку. Попал червяк в солнечный луч, загорелся красным огоньком. Вынырнула сула, сверкнула чешуей, ударила ярким хвостом, раскрыла рот... И заглотнула приманку...

Но как кольнул ее крючок в жабры, дернулась она, рванулась вглубь и ушла под карчи.

Тянет Ахмет удочку, а леска не идет, наверное, о сучок или камень зацепилась. Сплюнул он, воткнул удилище между корнями – и как был, в бешмете, в ноговицах, прыгнул в омут. А на берег из кустов Павло выскочил и смотрит: непонятно ему, что это с соседом случилось, чего он вдруг в воду прыгнул?

Глубоко нырнул Ахмет, до самой карчи. Ухватился левой рукой за скользкий дубовый сук, а правую по плечо запустил под корягу. И нащупал вдруг, как бьется скользкое и тяжелое рыбе тело. Пошарил еще, нашел, где леска за сучок зацепилась, стал распутывать – и почувствовал, что не хватает ему больше воздуха, вдохнуть надо. Скрипнул он от досады зубами, дернул леску и сломал сучок. Потом быстро и жадно обхватил пальцами бьющуюся сулу и рванулся вверх.

Только чует: схватил его кто-то за пояс и не пускает. Еще раз из последних сил рванулся юноша, но крепок сыромятный ремень, не оборвешь!

Синие круги пошли перед глазами Ахмета, солнце сверкнуло и рассыпалось на куски, глотнул он густую студеную воду и захлебнулся.

Видел все это с берега Павло. Заметил он, как тонкий пояс адыга зацепился за карчу, и жалко ему стало соседа. Одно дело убить врага в честном бою, а другое – по-подлому смотреть на его мучения. У храброго человека сердце всегда мягкое и отходчивое.

И прыгнул казак в омут, нырнул туда, где бился между карчами адыг, хватил кинжалом по поясу и вытащил тонувшего наверх. Трудно было вытаскивать Ахмета на берег, но справился с этим делом Павло. И соседа вытащил, и сулу, что билась в его посиневшей руке.

Очнулся Ахмет под горячим солнцем, на зеленой траве. Глядит, а над ним казак хлопочет, руки ему растирает и спрашивает:

– Ну как, друг! Очнулся! Может, пойдём ко мне в хату вина выпьем?

Приветливой лаской светилось широкое лицо казака, открыто и прямо смотрели его синие глаза...

«Нет, не может так открыто и прямо смотреть плохой человек! – подумал Ахмет. – У подлого человека глаза всегда бегают и прячутся...»

Вспомнил он, как блуждают трусливо взгляды у князя-пши и старого муллы. И понял, кто в него стрелял, кто кукурузу его поджег.

– Спасибо, друг! – сказал Ахмет. – Узнал я теперь, кто мне настоящий брат. Друзья в беде познаются. Подарю я тебе за твою отвагу-дружбу эту сулу золотую...

Глянул Ахмет на сулу и видит – никакая она не золотая, а просто обыкновенная крупная сулишка... Это весеннее солнце сквозь воду ее в золото одевало...

Сказ о сбывшейся мечте

Трудно увидеть солнце сквозь туманную пелену слез. Нельзя быть радостным, если на сердце горе. Много лет наш адыгейский народ не видел солнца и не чувствовал радости. Турецкие паши да беи, свои, адыгейские, князья-пши да орки, муллы да уздени потушили для народа солнце, отобрали у простых людей радость.

Наши юноши с детских лет пасли бесчисленные княжеские стада, а сами жили впроголодь. Наши девушки превращались в старух, обрабатывая княжеские поля. И чем больше были княжеские богатства – тем сильнее князья сосали кровь нашего народа. Турецкие паши подкупали адыгейских князей, и те посылали наших джигитов умирать в битвах за чужое, неправо дело.

Но рассказывают старики что жил в племени свободолюбивых шапсугов отважный джигит Мхамат. Был он могуч телом, горяч сердцем, светел умом. Имел он взгляд прямой и отважный, как у горного орла.

Никогда слезы не туманили взгляда Мхамата, потому что он не позволял никакому горю согнуть себя. Как-то Мхамат собрал адыгов и сказал им: – Довольно лить слезы – пусть плачут насильники! Гоните князей прочь из своих аулов, берите себе скот, который вы растите для этих кровососов! Пусть для всех сияет горячее солнце! Пусть радость придет в ваши жилища!

И шапсуги послушали отважного Мхамата. Они прогнали из аулов князей и их прислужников, разделили между собой княжеские земли и скот. И тут только почувствовали люди, как прекрасна солнечная и обильная адыгейская земля. Когда свобода согрела их сердца, и высокие горы, и густые леса, и бурные реки, берущие начало у далеких ледников, – все стало иным: светлым, ярким, радостным.

Но тут забеспокоились бжедухские, темиргоевские и бесленеевские князья. Они боялись, что народ, по примеру шапсугов, прогонит их и отберет их стада.

По указке князей длиннобородые муллы принялись проклинать Мхамата и непокорных шапсугов. Муллы призывали аллаха обрушить всякие бедствия на голову Мхамата. Но джигит только смеялся – разве могут испугать отважного человека хриплые крики воронов! Князья пытались насильно посадить пши на шею шапсугского племени, но смелые джигиты прогнали княжеские дружины. И тогда решили князья известить храброго Мхамата.

– Приезжай ко мне на пир, о бесстрашный Мхамат, – приглашал бжедухский князь. – Мне по сердцу отважные джигиты!

– Нет, князь! Свободный сокол не любит тесные вороны гнезда, – отвечал Мхамат.

– Приезжай ко мне на охоту! – звал Мхамата князь темиргоевский.

– Нет, князь! Барс охотится один, а не вместе с волками – любителями падали, – сказал Мхамат.

Но всех хитрее и коварнее был князь бесленеевский. Он сумел подкупить одного презренного корыстолюбца, жадного до золота, и тот – да будет проклята его память – предал неустрашимого Мхамата. Предатель провел княжеских прислужников в саклю, где спал Мхамат, и те связали безоружного джигита. А наутро княжеские дружины напали на шапсугские аулы, смяли джигитов, смущенных отсутствием Мхамата, и вновь посадили на шею шапсугам хищного ворона – пши. И опять погасла радость в сердцах народа, померкло, потускнело от народных слез яркое солнце. Но память народная навеки сохранила образ отважного воина Мхамата.

Никто не знает, что сделали князья с Мхаматом. Одни утверждали, что его сбросили с высокой скалы в пропасть. Другие говорили, что князья зашили джигита в мешок и утопили в бурных водах Кубани. А третьи клялись, что князья приковали Мхамата к скале на одной из горных вершин и бросили там его умирать от голода, холода и жажды...

Но в народе из уст в уста, от дедов к внукам, передавалась легенда, что наступит день, когда Мхамат разорвет свои цепи, спустится с гор и снова поведет народ на бой против угнетателей. И когда не в силах было переносить княжеский гнет, люди грозили насильникам:

– Вот придет Мхамат...

И верили люди, что бьется отважное, горячее сердце Мхамата, и ни ледяное безмолвие гор, ни булат ни вражеская пуля – ничто не может погасить это сердце.

Когда наши русские братья свергли иго царя и его прислужников, когда советская власть впервые пришла на Кубань, адыгейские пши да муллы пустили в народ ядовитых змей клеветы. Они шептали, что большевики хотят истребить адыгов, что они думают отобрать у них жен и детей. Много подлых слухов пускали коварные князья и муллы. Слепому, который вдруг становится зрячим, трудно сразу привыкнуть к яркому солнечному свету – и были среди адыгов такие, которые верили княжеской болтовне.

Однажды сотни посланцев адыгейских аулов собрались послушать, что скажет им представитель большевиков. Они смотрели, как он поднимался на трибуну, стройный, широкоплечий, с ясным орлиным взглядом, и не знали еще: верить ему или нет.

Он заговорил. И вдруг услышали люди те слова, которые говорил когда-то Мхамат:

– Надо гнать насильников-пши. Пусть земля, леса, реки, стада принадлежат их настоящему хозяину – народу.

И когда смолк большевик, самый старый адыг спросил его:

– Ты – Мхамат?

Посланец большевиков тряхнул густыми черными кудрями, светлая улыбка мелькнула под его длинными усами.

– Нет, старик! Я коммунист! – ответил он. А потом делегаты адыгов побывали в далекой Москве, в Кремле.

Великий вождь – Ленин беседовал с ними, беседовал просто и ласково, как родной, близкий человек.

Он сказал адыгам, что настала пора осушить слезы горя, застилающие глаза народа. Он говорил, что земля и скот, горы и леса, – все принадлежит не князьям-насильникам, а тем, кто трудится, – простому народу. Он сказал, что адыгейский народ – сам хозяин своего счастья...

Когда закончилась эта мудрая беседа, адыгов отвели в большой дом, где жили посланцы многих народов, также приехавшие, чтобы побеседовать с великим вождем коммунистов. И все в этом доме говорили о Ленине, о его мудрости и простоте, о зоркости и душевности, об отваге и уме.

– В нем горит сердце нашего героя Мхамата, которого извели князья. Он так же, как Мхамат, любит простой народ, – сказал один из адыгов. – Наши деды говорили нам, что вернется наш Мхамат! И вот он вернулся.

– В нем отвага и зоркость нашего Салавата, который поднимал наш народ на борьбу за счастье, – проговорил смуглолицый башкир.

– В его словах звучит мудрость Калевалы, – заговорил юноша карел.

– Таких великих людей еще никогда не знала земля, – уверенно проговорил старик-крестьянин, пришедший с Поволжья. – В нем вся мудрость, весь ум, вся смелость лучших людей всех наших народов... Его ум ярче солнца горячего, его воля сильнее Волги полноводной, он мудрее, чем все мудрецы земли. В нем великая мудрость коммунистов...

И все согласились со словами русского старика.

...Много лет уже все советские народы идут по пути, указанному мудрым Лениным. И никто не сможет заставить их сойти с этого светлого пути. Ведь когда все народы дружны и едины, когда они взяли в собственные крепкие руки свое большое счастье – никто не сумеет отобрать его у них...

Немеркнувшее солнце свободы и счастья ярко горит над нашей Советской Адыгеей. Цветет наша земля. Пшеница с тяжелыми колосьями, высокие подсолнухи, золотистая кукуруза, густое просо – все растет на наших колхозных полях. Наши аулы утопают в зелени садов. Бесчисленны

наши колхозные стада. И всем этим богатством – полями плодородными, горами высокими, лесами шумливыми, реками полноводными – владеет один хозяин – народ.

И поет адыгейский народ радостные звонкие песни с» мудром Ленине – творце нашего большого счастья. И в каждом ауле, в каждой семье, в каждом сердце на веки вечные самым дорогим, самым родным, самым близким является имя Ленина. И первым словом, которому учат наших детей адыгейские матери, является великое имя: – Ленин.

Златогривый скакун

Ты, гость, любишь на наших коней? Да, тут есть чем любоваться! Хоть все коневодческие колхозы объедешь, а лучший табун вряд ли найдешь! Настоящие «щягди» – железные кони, вскормленные не в конюшнях, а на горных пастбищах, где сердце становится крепким, где сходит жир и мускулы наливаются силой. Это не изнеженные арабские скакуны, которые способны проскакать только несколько часов, а потом слабеют и дышат, как прорванные кузнечные меха... Это не ленивые английские и немецкие кони, которые любят дремать в теплых конюшнях и едят только овес. Это – «щягди». Их пища – свежие горные травы, их питье – студеная вода горных рек. Горы дают им силу, отвагу, выносливость. Они способны без отдыха сутками мчаться с седоком, не замедляя стремительного бега. Мы их готовим для наших пограничников. Сам маршал Буденный хвалит наших коней, а уж он в конях разбирается.

Видишь – вон под дикой грушей стоит златогривый жеребец? Всмотрись в него. Погляди, как крепка его спина, как уверенно ставит он копыта, как играют стальные мускулы под тонкой золотистой кожей... Это – отец нашего табуна. Но никто не может сказать, откуда взялся этот красавец – «щягди». Люди говорят, что сама адыгейская земля подарила его нам.

...Дело было в тот черный год, когда фашистские бандиты вторглись в нашу счастливую Адыгею. Стали они грабить колхозы, начали вновь воскрешать проклятую власть пши и орков – откуда только они нашли этих выходцев из могил!

Наши колхозники – те, кто не был в это время в Советской Армии, – в партизаны ушли. В аулах только слабые женщины да древние старики остались.

В нашем отряде прославился как бесстрашный разведчик комсомолец Аскер. Не раз пробирался он в самую пасть врага и доставлял нам ценные сведения. Но вот один раз случилось с Аскером несчастье. Опустили в нем фашисты партизана. Хотели поймать его, но успел Аскер добраться до леса. Здесь-то, на опушке, и достала его злая фашистская пуля. Кое-как перевязал Аскер раненую ногу. До отряда – шестьдесят километров, в аулах кругом фашистские гарнизоны, прислужники гитлеровские по лесам и кустарникам

рыскают. Упал парень духом и подумал, что суждено ему, видимо, погибнуть в лесу, вдали от друзей-товарищей.

А тут еще фашистские офицеры организовали на раненого разведчика целую охоту – сели на лошадей, собак обученных пустили по его следу.

Стал Аскер, прихрамывая, уходить в глубь леса. Но далеко ли может уйти раненый от собак и всадников?

Ослабел он вскоре, помутилось у него в глазах, сердце стало, как молот, стучать в груди. Опустился парень на траву среди густых кустов, достал наган и решил умереть, как подобает комсомольцу-партизану: шесть пуль для врага, седьмая – для себя.

Но горько думать о смерти, когда за плечами всего пятнадцать лет, когда ярко светит осеннее солнце и в воздухе носятся серебристые паутинки. В эти минуты небо показалось Аскеру удивительно голубым, лес – таким красивым, каким никогда не был раньше, а жизнь особенно прекрасной.

Он уже слышал, как рычали и взвизгивали собаки, идущие по следу, как трещали ветки под копытами вражеских лошадей...

От земли поднимались такие свежие, бодрящие запахи, что не хотелось думать о смерти. Вспомнил Аскер о товарищах, о матери, которая ждет его в родном ауле, о своей короткой жизни – и глаза его словно туманом застлало. Уткнулся он лицом в пахучую траву и прошептал:

– О земля родная! Спаси меня! Укрой от врагов! За честь твою, за свободу и славу твою я сражаюсь!

Вдруг совсем рядом захрустели ветки. Вдрогнул юноша, вытер ладонью глаза, стиснул зубы и поднял наган... Перед ним на полянке стоял золотистый длинногривый скакун. Седла на нем не было, но голову коня охватывала узда, только удила болтались около губы. Конь несколько раз ударил копытом землю, скосил огненные глаза и потянулся за кустиком свежей травы.

Надежда пробудилась в сердце юноши – это чувство всегда идет рядом с юностью. Он приподнялся и ласково, тонко присвистнул.

Конь встрепенулся, вскинул голову, насторожил красивые уши и метнул на юношу быстрый взгляд. Аскер протянул руку...

И вдруг конь доверчиво подошел к человеку и всхрапнул, обдавая лицо Аскера теплым дыханием. Партизан осторожно положил ладонь на вздрагивающий, нежный храп скакуна, потом вставил в рот коню удила.

Лай собак, треск сучьев, громкие уверенные голоса раздавались все ближе. Аскер торопливо подвел коня к пеньку и с трудом взобрался на золотистую гладкую спину скакуна. Из кустов выпрыгнула остроухая овчарка. Она зарычала и бросилась вперед. Конь насторожился. Его тонкое острое копыто с силой ударило собаку в голову, и овчарка, судорожно извиваясь, покатилась по земле.

– Вперед! Вперед, мой Златогривый! – сказал юноша, припадая к густой гриве коня.

И конь помчался сквозь кустарники. Его сильные ноги, точно стальные пружины, легко отталкивались от земли. Его стройное тело словно плыло по

воздуху. Когда на пути встречались низко нависавшие толстые ветки, конь огибал их, чтобы не сбить всадника.

На пути попался шумливый горный ручей. Аскер направил коня через бурный поток, но скакун дернул головой и понесся вверх по ручью, разбрызгивая воду и громыхая камнями. Юноша доверился коню.

Лай собак, топот лошадей, крики преследователей доносились все глуше и наконец совсем смолкли. Грузные немецкие кони с трудом пробирались через кустарники, ветки деревьев хлестали фашистов по лицу. И когда один из офицеров был выбит из седла и плюхнулся прямо в заросли колючего терновника, враги прекратили преследование.

Златогривый пошел медленнее. Он выбрался из ручья и вдруг остановился, словно ожидая, куда направит его всадник.

Аскер погладил бархатистую шею скакуна и почувствовал, что она совершенно сухая, точно не было нескольких часов бешеной скачки по зарослям кустарника

и лесу.

Юноша осмотрелся по сторонам. Совсем близко он заметил синеватую вершину горы, напоминающей уснувшего верблюда. Там, между двумя горбами, размещался лагерь партизан. Аскер тронул поводья, и конь послушно пошел в нужном направлении. Вскоре разведчика окликнули партизанские заставы.

Прошло несколько месяцев. Рана Аскера зажила. Златогривый верно служил ему. Он быстро доставлял юношу до соседних отрядов, когда требовалось привезти донесение или эстафету. Он терпеливо ждал хозяина, когда тот ходил в разведку. Он легко уносил его от преследователей. Аскер горячо полюбил своего Златогривого и заботливо ухаживал за ним. И казалось, что скакун понимает каждое слово хозяина, настолько выразительным и умным был взгляд его горячих глаз.

Стоило Аскеру только свистнуть тонко и протяжно, как Златогривый бежал к нему.

Часто наблюдали партизаны, как умный конь подходил к хозяину, клал ему свою голову на плечо, и темные глаза его загорались ласковым светом. Тогда Аскер нежно гладил крутую шею своего друга и прижимался щекой к его мягким теплым губам. Разведчик и его конь стали неразлучными друзьями.

Но однажды, когда Аскер ушел с друзьями в далекую пешую разведку, партизанский лагерь окружили каратели. Они нагрянули совсем неожиданно, смяли партизанские заставы и все теснее сжимали огненное кольцо вокруг лагеря. Партизаны с трудом прорвались сквозь это кольцо и ушли на запасную базу. А Златогривый скакун попал в руки врагу. Он был привязан к дереву возле штабной землянки и его не успели отвязать.

Когда Аскер, добравшись до базы, узнал, что его Златогривый захвачен врагом, он упал на траву и долго лежал недвижимым. Напрасно его успокаивали друзья – он не мог смириться с потерей друга.

Вскоре в отряд пришла весть, что фашистский полковник – начальник одного из гарнизонов – ездит на чудесном коне, быстром, золотистой масти и страшно дикого, непокорного нрава. В тот же день Аскер пошел к начальнику штаба и стал просить, чтобы ему разрешили попытаться выручить коня. Начальник штаба был городским человеком и не понял, как можно рисковать собой из-за скакуна.

– Не могу разрешить! – сказал он и пожал плечами. – Ведь это же лошадь, животное... Разве стоит ради скотины рисковать собственной жизнью?

Аскер побледнел, и глаза его стали злыми, колючими, точно шипы терновника.

– Это не скотина, это мой друг! – горячо проговорил он. – А разве можно оставлять друга у врага?

В разговор вмешался командир отряда – старый кавалерист-буденновец. Он внимательно, ласково посмотрел на юношу и сказал:

– Да, хороший конь – это не скотина, а верный друг. А друга надо выручать! Иди, Аскер, но будь осторожен, сам не попадись!

В горах уже кружились снежные вьюги. Ледяные ветры буйствовали на улицах аула. Ночами хрупкий ледок хрустел под ногами.

Лошади стояли в колхозной конюшне. Фашисты тщательно охраняли ее. Пять дней пролежал Аскер в густом кустарнике за аулом, тоскующими глазами всматриваясь вдаль. За это время он только дважды видел своего Златогривого: один раз трое немецких солдат чистили его около конюшны, а другой раз – на нем проехал до школы и обратно, какой-то офицер. Конь бился под ним, становился на дыбы, бросался в сторону, и фашист усмирлял его ударами плети и натянутыми поводьями.

Целыми днями Аскер дрожал в кустарниках от пронизывающего зимнего ветра. Ночами он пробирался в аул к верным людям и утолял голод куском сыра и сухой кукурузной лепешкой – жители аула сами голодали. Ночи он проводил в скирде старой соломы, в которой кишели мыши.

На пятый день утром разведчик увидел, что к зданию школы солдаты подвели Златогривого и еще шесть коней. Сердце юноши дрогнуло. Вскоре на коней вскочили фашисты. Всадники направились к узкой лесной дороге, ведущей в соседний аул. Впереди, неловко приседая в седле, на Златогривом скакал сухопарый офицер.

Юноша бросился к дороге. Ветки кустов били его по лицу, колючки разрывали одежду и царапали тело, но он продолжал бежать.

Возле дороги спрятаться было негде – кусты просвечивали, точно редкое кружево. Только дальше, где начинался дубовый лес, Аскер нашел большой дуб с толстым стволом и ветками, низко склонившимися над дорогой. На дубе еще шелестели сухие коричневые листья, а за стволом можно было укрыться от глаз врага.

Аскер сам не знал, что он будет делать, но ему хотелось увидеть своего златогривого друга и как-то выручить его от врагов. Задыхаясь от бега, юноша прижался к корявому стволу...

Первой по дороге промчалась приземистая бронемашина, вооруженная пулеметом. За ней, капризно выгибая голову, далеко опередив других лошадей, скакал Златогривый. Фашистский офицер держался в седле очень прямо и, как видно, не доверял коню. Конь неохотно слушался поводьев, бросался из стороны в сторону.

Аскер облизнул обветренные губы и засвистел – ласково, протяжно, как он свистел раньше, подзывая своего друга. Златогривый вскинул голову, на мгновение остановился... И вдруг, не обращая внимания на натянутые поводья, бросился прямо к дубу. Офицер ударился головой о ветку, вылетел из седла, тяжело плюхнулся на мерзлую землю.

Словно птица, Аскер взлетел на седло. Златогривый понесся по кустарникам, ловко обходя препятствия, словно паря над землей. Сзади защелкали выстрелы, вокруг завизжали пули, затрещали подрезанные ими ветки дубов, но конь стремительно и мягко мчался вперед.

– Мой хороший! Мой любимый друг! – шептал Аскер, ласково поглаживая крутую шею коня.

И эта ласка словно еще прибавила коню силы – он несся все быстрее и быстрее...

После освобождения Адыгеи Аскер со своим Златогривым пошел служить в советскую кавалерию. Не хотели брать парня – говорили, что молод. Но он добился своего. Да, кроме слов, за него говорили орден и две медали, которыми был награжден разведчик... Дошел Златогривый до немецкой земли... Потом носил своего хозяина по кручам хмурого Хынгана. Говорят, что наши друзья монголы все любовались этим конем... Две вражеские пули засели в крепком теле Златогривого, но Аскер выходил, вылечил его.

После демобилизации Аскер и Златогривый вернулись в родной колхоз. Аскер теперь заведующим нашей конетоварной фермой работает... А Златогривый... Вон он стоит, Златогривый! Стоит и охраняет покой своего табуна. У этого коня – львиное сердце. Бывает, что волк пытается подобраться к табуноу. Так Златогривый бросается прямо на врага и насмерть бьет его копытами...

Конечно, у нас в колхозе теперь все работы машины выполняют – и пашут, и сеют, и убирают машины. Но кони нам тоже нужны, и не только нам, но и нашей Родине. Особенно стремительные и неутомимые, как горный ветер, – «щягди».

Айдамир

Велика сила Кубани-реки. Когда весной, в половодье, мчит она свои воды к морю, кажется, что нет преграды, которая могла бы остановить или задержать ее! Могучи степные ветры. Они до земли клонят вековые тополя,

до неба взметают облака пыли, и только несокрушимые горы задерживают их.

Но наш человек – сильнее весенней Кубани и степных непокорных ветров! Коммунисты дали ему эту великую силу. Она горит в молодых сердцах – несокрушимая сила веры во всенародное счастье. И нет ничего могущественнее этой силы! Задумали наши люди – и смирили бурную Кубань, направили ее весенние воды в чаши счастья – Тщикское и Шапсугское водохранилища! Советский человек – его воля твердая, его сила душевная, его вера великая – вот что всего сильнее...

Жил у нас в ауле юноша. Айдамиром его звали. Был он таким же, как все. Так же бегал в школу, такой же красный галстук пламенел у него на груди. Потом, когда подрос, стал носить комсомольский значок. Мечтал он стать учителем, учить и воспитывать адыгейских ребят, чтобы росли они грамотными, смелыми, чтобы умом светились их юные глаза...

Когда началась война, когда фашисты напали на нашу страну, пошел Айдамир в Советскую Армию.

Вместе с другими-солдатами шагал он по пыльным дорогам, изнывал от жажды в сухих степях и дрожал от холода в гнилой воде плавней. Он носил такую же серую шинель и обычную пилотку с пятиконечной звездой. И так же, как у тысяч наших юношей, возмужавших на войне, сурово блестели его темные глаза...

Что значит один солдат на войне? Деды говорили: «Один воин – маленький камешек, все войско – могучая лавина».

Но так было при дедах! А в наши дни и один советский воин – несокрушимый утес, потому что в его сердце горит великая любовь к Родине.

Однажды маленькую пушку поставили в лощине, которая, как след огромной змеи, разрезала степь. Эту пушку и трех солдат-гвардейцев оставили охранять лощину, которую трудно найти даже на самой точной карте. Кубанский казачий корпус вел тяжелые оборонительные бои и не мог послать сюда больше солдат и орудий...

О чем в этот летний день думали гвардейцы, стоя около своей пушки? Наверное, о родных аулах и станицах. О матерях, которые, посылая в бой, завещали быть отважными. Может быть, о тех счастливых днях, когда кончится война и можно будет опять вести по родной солнечной степи гудящий трактор, или растить золотую пшеницу, или в просторном светлом классе учить быстроглазых школьников...

Они, эти хорошие кубанские парни, не успели додумать до конца свои мысли. Возле пушки взметнулся к небу огненный столб – и Айдамир остался один. Его товарищи мертвыми упали на горячую землю, их кровь забрызгала пушку.

Из-за поворота лощины, точно черепахи, ползли к пушке фашистские танки, и черные знаки пауками распластались на их броне.

Шесть танков, шесть бронированных коробок, плюющихся горячим металлом, мчались на Айдамира. Он был один, совсем один возле маленькой пушки, зарывшейся в землю...

«Отступать от втрое сильнейшего врага – не позор, а необходимость», – говорили деды.

Но так говорили деды! А мог ли уйти, отступить Айдамир, если эти танки мчались, чтобы отобрать радость жизни у его народа, чтобы лишить его света, зажженного для адыгов партией коммунистов.

Айдамир принял бой. Один он вступил в борьбу с десятками врагов, укрытых за крепкой металлической броней.

Он навел свою пушку, и передовой танк запылал – меткий снаряд угодил прямо в черную свастику.

Пять танков обогнули дымный смрадный костер и, сверкая вспышками выстрелов, мчались вперед:

Еще и еще хлопнула маленькая пушка, и еще две фашистские черепахи замерли на месте, бессильно опустив длинные хоботы орудий.

О чем думал Айдамир, торопливо наводя свою пушку, среди огня и дымного грохота взрывов?

Наверное, о той счастливой жизни, которой живет сейчас, после войны, наша Советская Адыгея и которую хотели отобрать у нас враги. А может быть, некогда было ему думать ни о чем, кроме битвы с врагом. Но только не дрогнуло его комсомольское сердце и спокоен был его разум.

Опять захлопала маленькая советская пушка. Ее выстрелы потонули в грохоте вражеских взрывов – еще два танка завертелись на месте и захлебнулись в черном дыму.

Айдамир не видел, как к нему на подмогу примчались наши краснозвездные танки. Вражеский снаряд потушил его жизнь...

Но кто говорит, что умер адыгейский юноша Айдамир?

Разве не его имя называют каждое утро на переключке в Гвардейской Казачьей батарее? Разве не его портрет украшает наш новый колхозный клуб? Разве не о нем, не о Герое Советского Союза, простом адыгейском парне Айдамире поют наши девушки тихими, задумчивыми вечерами? Он с нами, наш герой, наш юный Айдамир! Герои не умирают – умирают только трусы! Вечно юный, с горячими глазами, с чистым сердцем и ясным умом идет он с нами по широкой жизни, идет и радуется расцвету родной Адыгеи.

Каждое утро десятки школьников бегут в нашу новую школу. Звездами горят их глаза, пламенем пылают их красные галстуки... Среди них очень много Айдамиров – матери с гордостью называют своих детей именем героя. И эти ребята тоже гордятся своим именем. И стараются они быть во всем похожими на того, чье имя они носят. И та же великая вера, несгибаемая воля, та же могучая любовь к Родине с детства горят в их сердцах...

Пусть же заокеанские господа, которые мечтают с войной с нами, узнают этот простой сказ и запомнят имя – Айдамир! Пусть знают они, что в каждом нашем ауле, в каждой станице, в каждом городе нашем есть много таких же Айдамиров. Может быть, они носят другие имена, но сердца у них так же полны отвагой и любовью к советской Родине. И так же крепки их молодые руки, так же зорки юные глаза!

* * *

С гор подул свежий, предрассветный ветерок и принес запахи лесов и далеких снеговых вершин. Костер угас, но темноты уже не было. На востоке рождался новый день, и розовая заря предвещала его приход. Белесые туманы клубились над рекой, цепляясь за прибрежные ивы. Воздух стал чистым, свежим, бодрящим. Его хотелось пить без конца, как студеноую родниковую воду в знойный летний день.

– Вот и ночь прошла, а мы ее и не заметили, – немного удивленно проговорил дед Аслан, вытаскивая свой кисет.

– Дедушка, рассказывайте еще! – попросил русоволосый веснушчатый парнишка. – Летом ночи короткие...

– Рассказывайте! – дружно подхватили его товарищи. – Мы днем отоспимся! Говорите, дедушка!

– Нет, хватит! – покачал головой дед Афанасий.

Бегите спать, вас ждут хорошие сны! Да укройте бурками, а то застынете!

– Еще, еще рассказывайте! Мы спать не хотим! – со всех сторон раздались звонкие детские голоса.

– Идите спать, джигиты! – твердо сказал дед Аслан. – Отдыхайте, набирайтесь сил... Вас ждут большие дела, для которых потребуется много сил и здоровья. Растите такими храбрыми, сильными, смелыми, чтоб и про вас когда-нибудь сложили сказы.

Старик легко поднялся с земли и плотнее запахнул крылатую черную бурку.

– Говорят, что от могучих дубов всегда бывает крепкая поросль! Будьте достойными своих предков-героев: Они дают вам в наследство цветущую, счастливую землю, Э-гей, где найдешь Родину лучше нашей? Нигде! Берегите ее, украшайте новой славой! Идите отдыхать, будущие джигиты!

Ребята побежали к легким белым домикам летнего стана. Высокие влажные травы, казалось, кланялись им. Яблони шептали им что-то ласковое, приветливое. Вожаки колхозных табунов – два могучих гордых скакуна, берегущие покой своих косяков, – приветливо захрапели с курганов. Заря разгоралась все ярче, словно улыбаясь юному поколению могучей Советской державы.

Примечания

[1] Гуаше – жена князя, хозяйка дома, княгиня.

[2] Джегу – празднество.

[3] Шхагуаше – голова княгини – адыг. название р. Белой.

[4] Унаут – раб.

[5] Усареж – мудрец, волшебник.

[6] адыгейский музыкальный инструмент, напоминающий скрипку.

[7] Анапа – по-адыгейски – край стола. Название произошло от формы берега, на котором расположена Анапа.

[8] Закон соли и каши – адыгейский обычай дружбы разделившими пищу.

[9] Анэ – маленький круглый стол на низких ножках.